

ных метров. В эти же приделы попадают и памятники лесного Прииртышья. По расчётам Т.Н. Троицкой, численность населения городищ Новосибирского Приобья, площадью 1200 – 2200 квадратных метров, при условии развитого комплексного хозяйства, могла составлять от 50 до 100 с небольшим человек. А средняя плотность населения в таёжной зоне составляет один человек на 30-40 квадратных километров (Косарев М.Ф., 1979 с.23).

Особенностью военных формирований народов лесной полосы Западной Сибири в эпоху средневековья был их непостоянный характер и небольшая численность. Принципы всеобщего вооружения и связанная с ними система военной подготовки были обусловлены нуждами и возможностями присваивающего хозяйства. Формирование воинских качеств у населения таёжной зоны объективно связано с их непосредственной производственной деятельностью. Умение пользоваться в совершенстве оружием, ловкость, физическая сила и выносливость – эти качества, равно необходимые воину и охотнику, с детства прививались в повседневных занятиях. Общеизвестно то значение, которое придавалось в древних обществах охоте как средству тренировки воинских формирований.

В условиях лесной зоны Западной Сибири охота являлась одним из основных производственных занятий и, как правило, лучший воин являлся лучшим охотником. Следовательно, развитие и совершенствование воинских и производственных навыков были неразрывно связаны.

Специфика охоты в лесной зоне, в отличие от открытых степных пространств, где практиковались загонные, облавные способы, связанные с широким маневрированием конных масс в зоне прямой видимости, возможностью и стремлением поразить цель на максимальной дистанции, сочетавшихся в длительном преследовании с самого начала, заключалась в долгом постепенном пешем скрадывании, незаметном приближении на минимальное расстояние, действенной стрельбе только на коротке.

Подводя итог, нужно сказать, что военное дело таёжного населения Сибири малоизученно. Это объясняется немногочисленными находками предметов вооружения и вообще отсутствием достаточного археологического изучения таёжной зоны Сибири, вызванное как финансовым положением, так и особенностями ландшафта. Стоит также отметить «нежелание» использовать богатейший и ещё не до конца оценённый источник – устную традицию, исторический фольклор. В Западной Сибири непрерывное и преемственное развитие аборигенных культур, традиционность остяко-самоедских обществ позволяют с большим, чем где-либо, основанием использовать этот источник, тем более что уже имеется блестящий опыт (Патканова С.К., 1981).

Е.А. Гиммельбродский

(Горно-Алтайск, Горно-Алтайский государственный университет)

Вооружение и военное дело населения Байкальского региона в эпоху раннего и развитого средневековья

Военная история кочевников Байкальского региона в эпоху раннего и развитого средневековья вызывает интерес у многих исследователей. Данные археологических раскопок свидетельствуют о специфике вооружения и военного искусства народов, населявших район Байкала, и о вкладе этих народов в мировую военную историю. Несомненен и тот факт, что бытовавшие в ту пору народы являлись приемниками более ранних культур. Апогея развития вооружения и военного искусства кочевники претерпели на период завоевательных войн Чингисхана.

Если обратить внимание на археологические находки вооружения кочевников Байкальского региона, то можно заметить, что преобладало оружие дальнего боя – луки. Особенно,

следует отметить материалы наконечников стрел, типология которых довольно разнообразна и заставляет сделать выводы по тенденции в развитии их производства, применения. Характерной особенностью этих комплексов является присутствие подавляющего большинства плоских наконечников (Худяков Ю.С., 1991). Вероятнее всего, они предназначались для поражения незащищенного панцирем противника и характерны для легковооружённого конного стрелка. К монгольскому периоду количество типов плоских наконечников значительно увеличивается, в то время как трёх- и двухлопастные наконечники фактически не встречаются. Плоские стрелы проще в изготовлении, судя по размерам, легче на вес, нежели трёхлопастные и лететь должны быстрее из-за меньшей площади сопротивления воздуху. Таким образом, скорострельность стала играть более важную роль, чем дистанция полета стрелы.

Что касается трёхлопастных стрел, то, как указывает Ю.С.Худяков, рассматриваемые комплексы (в частности, байырку) наиболее близки с тюркским, кыргызским, курыканским наборами. Причём совпадает не только общая конфигурация форм, но и пропорции и формы отверстий на лопастях (Худяков Ю.С., 1991). Некоторые формы, например, трёхлопастные ассиметрично-ромбические, плоские ассиметрично-ромбические и удлинённо-ромбические, находят соответствие и в хуннских образцах. Вероятно, трёхлопастные стрелы были более дальнобойными, чем плоские. Возможно, наиболее эффективным способом их применения являлось «навесная» неприцельная стрельба.

Рассматривая комплекс бронебойных наконечников стрел, можно сделать вывод, что и в раннем, и в позднем средневековье на территории Забайкалья применялось тяжёлое защитное вооружение. Но вплоть до монгольского времени конфигурация бронебойных наконечников почти не изменялось, что говорит о неизменности или незначительном изменении структуры защитного вооружения. У монголов преобладали ламеллярный и ламинарный типы доспеха, что было и у киданей (Горелик М.В., 1987). Вероятно, и в предыдущий период тип доспеха был приблизительно такой же. Это подтверждается и результатами находок панцирных пластин (Асеев И.В., Кириллов И.И., Ковычев Е.В., 1984).

На основе имеющихся материалов, можно сказать, что в период с древнетюркского до монгольского времени существенных изменений в ведении дальнего боя не произошло. Значительное количество плоских наконечников стрел в монгольском комплексе свидетельствует о стремлении монголов уничтожить как можно больше живой силы противника, за меньшее время. Возможно, также это оказывало и психологический эффект под давлением града стрел, осыпавшим неприятеля и не дающим возможности опомниться. Более простые в изготовлении плоские наконечники давали возможность делать их в большем количестве за меньшее время.

Научный руководитель – к.и.н. В.И. Соенов

Г.Г. Сахьянов

(Новосибирск, Новосибирский государственный университет)

Вооружение населения долины р. Ус

Оружие играло всегда большую роль в жизни человека. Важность его время от времени менялась – у каждого народа по-своему. Но особенно оно было значимым для кочевников. Особых прорывов в развитии оружейного комплекса достигли народы степного пояса Центральной Азии, чей звёздный час нельзя представить без их вооружения. Наряду с хорошо исследованными историко-культурными регионами и отдельными археологическими микрорайонами существуют практически неисследованные территории, информация о кото-

рых только начинает вводиться в научный оборот. Одной из таких территорий является долина реки Ус, правого притока Енисея.

Имеющиеся исторические данные позволяют датировать пребывание кыргызов в этом регионе, начиная с IX в. н.э. В то же время нельзя исключить того, что долина была заселена и до прихода кыргызов, но археологических источников, позволяющих судить об этом не много.

Единственный полностью раскопанный могильник на этой территории – Мутная–I. Он представляет собой компактный комплекс курганов, сгруппированных в цепочки по 3 – 6 объектов, которые ориентированы по линии ЮЗ – СВ. Курганы округлой и подквадратной формы, диаметр 3 – 4 м., высота сложенных из крупных плит стенок составляет 0,3 – 1 м. Погребения совершённые по обряду трупосожжения, помещены в небольшие ямки глубиной 0,3 – 0,4 м. Рядом с курганами обнаружены впускные безынвентарные погребения, совершённые также по обряду трупосожжения (Митько, 1991, с. 76).

Наиболее часто встречающимися находками погребального инвентаря являются остатки вооружения. Оно представлено наконечниками стрел (22 шт.), остатками защитного доспеха (3 пластины) и колчанными крюками (2 шт.). При проведении классификации за основу была принята система, разработанная Ю.С. Худяковым, на основе анализа вооружения кочевых народов Южной Сибири и Центральной Азии (Худяков, 1980, с. 79).

Среди наконечников преобладают плоские – 13 шт., из них 6 томаров, 5 боеголовковых и 2 ассиметрично-ромбических. Другими распространёнными наконечниками являются четырёхгранные – 5 шт., из которых 4 боеголовковых, а другой имеет особенности, которые выделяют его из общего ряда. Также есть один трёхлопастной, один трёхгранно-трёхлопастной, один круглый и один четырёхлопастной, который не отражён в классификации Ю.С. Худякова.

Из всего количества наконечников стоит выделить 4 экземпляра, которые следует отнести к разряду нетипичных. Самым интересным из них является четырёхлопастной наконечник. Его длина – 12,2 см. большую ее часть составляют шейка и насад. Поскольку он имеет ярко выраженную боеголовку, помещённую на длинной шейке, возможно, его отнести к боеголовковым. Это позволяет признать его четырёхлопастным боеголовковым.

Следующие наконечники стоит отнести к группе четырёхгранных, но они также имеют отличия, обращающие на них внимание. Один из них имеет ярко выраженную удлинённую боеголовку, что его отнести к боеголовковому типу, но вогнутые плечики и форма соединения боеголовки и шейки довольно необычны. Ещё один наконечник можно отнести к удлинённо-треугольному типу. Грани его имеют необычную форму, схожую с четырёхлопастным наконечником, описанным выше. Следующий наконечник примечателен тем, что он имеет простую форму, которая позволяет отнести его к ассиметрично-ромбическому типу наконечников. Но особенностью этого наконечника является наличие двух небольших шипов на поверхности граней. Шипы, по-видимому, предназначались для того, чтобы затруднить извлечение стрелы из тела поражённого противника.

Защитное вооружение представлено четырьмя пластинами от панциря, по которым можно предположить, что его можно отнести к защитному доспеху чешуйчатого типа, который был достаточно гибок и прочен, но тяжёлым. Из этих пластинок наиболее хорошо сохранившаяся пластинка весит 4,030 гр. и имеет размеры 5,3x2,3 см, но имеющихся экземпляров недостаточно, чтобы провести полную реконструкцию защитного доспеха.

В целом вооружение населения долины р. Ус имеет типологическое сходство с соответствующими оружейными комплексами енисейских кыргызов, археологические памятники которых хорошо известны как в Туве, так и в Минусинской котловине. Особенно много общих типов встречается среди наконечников стрел, что позволяет, наряду с анализом погребальной обрядности, идентифицировать средневековое население долины р. Ус, известное по письменным источникам, как «серебрянные усинцы», с енисейскими кыргызами.

Научный руководитель – д.и.н. Ю.С. Худяков Ю.С., О.А. Митько

М.Г. Сулейменов

(Кемерово, Кузбасский государственный технический университет)

**К вопросу о методе реконструкции комплексов вооружений средневековых воинов
(по материалам погребальных памятников Кузнецкой котловины)**

Для каждого историко–культурного региона при средневековом оружейведческом анализе предполагается графическая реконструкция образа воина–всадника вооруженного всеми средствами ведения боя – оружием дистанционного, ближнего боя, а также защиты, какие обнаруживаются в захоронениях и дополняются случайными находками. Не отрицая возможности вооружения элитной части войска или гвардии полным набором всех видов вооружения, который могло дать военное производство данной археологической культуры или этноса, в реальной исторической ситуации вооруженность социума могла варьировать в силу действия географических, политических факторов, а также социальной и имущественной дифференциации, боевой специализации. Представляется, что действие этих факторов имело место в эпоху средневековья и на территории Кузнецкой котловины.

За прошедшее десятилетие в результате активных раскопок средневековых археологических памятников на территории Кузнецкой котловины, а также изучения археологического наследия кузбасских краеведов (М..Г.Елькин, П.Н.Муштей, Ф.И.Александров), был получен существенный массив источников по погребальному обряду и материальной культуре средневекового населения. Одной из массовых категорий инвентаря, встречаемой в средневековых погребениях, являются предметы вооружения, занимавшие в погребальной практике кочевников одно из центральных мест. Историографической особенностью изучения эпохи средневековья в Кузнецкой котловине является монографическое исследование раскопанных полностью памятников. Авторы этих публикаций все найденные предметы вооружения классифицировали по методике оружейведческого анализа, предложенной и апробированной Ю.С.Худяковым (Илюшин А..М., Сулейменов М.Г., Гузь В.Б., Стародубцев А.Г., 1992; Илюшин А..М., 1993; Илюшин А..М., Сулейменов М.Г., 1994; Илюшин А.М., Ковалевский С.А., Сулейменов М.Г., 1996; Илюшин А.М., 1997; Илюшин А.М., 1999; Илюшин А.М., 1999а; Четошников С.Г., 1998). При этом необходимо отметить, что отсутствует сводная классификация всего массива предметов вооружения, полученного из всех раскопанных памятников, что затрудняет его сопоставление с опубликованными материалами по средневековому вооружению других территорий Сибири и Центральной Азии (Худяков Ю.С., 1980; Худяков Ю.С., 1986; Худяков Ю.С., 1991; Худяков Ю.С., 1997) .

Последнее обстоятельство актуализирует необходимость более тщательного анализа захоронений, содержащих предметы вооружения из средневековых поминально-погребальных памятников Кузнецкой котловины. С применением метода корелляции, как представляется, существует возможность получения репрезентативных данных как по частным оружейведческим вопросам (на уровне могильника), так и в выявлении общих закономерностей становления и развития военного дела у средневекового населения Кузнецкой котловины.

Для эпохи средневековья, несмотря на господство кочевого хозяйства, известно выделение двух родов войск – конницы и пехоты, в силу их военной специализации (Худяков Ю.С. , 1986) Работая с материалами погребений одного могильника, можно обратить внимание на существование могил, где предметы вооружения встречаются в рамках единого комплекса с предметами конской упряжи, либо захоронение воина сопровождается сопутствующим захоронением шкуры или туши лошади. Все эти данные подтверждают существование конницы как основного рода войск. Но при обнаружении захоронений воинов, где указанные признаки отсутствуют, следуя принципу дихотомии и для соблюдения научной строгости анализа, необходимо признать существование и пеших воинов – пехоты. Таким образом, все имеющиеся в составе могильника захоронения с предметами воору-

жения, если они синхронны и совершены по единому обряду, можно разделить, по принадлежности, на два рода войск – конницу и пехоту, с преобладанием в количественном отношении конных воинов и гипотетическом существовании, из-за меньшего количества, пеших воинов. Дальнейшее деление родов войск, на основании изучения археологического материала, можно провести по наличию, либо отсутствию в захоронениях панцирных пластин, единичных находок, но которые могут дать дополнительные аргументы в пользу существования в каждом роде войск двух видов – по степени защищенности в бою – тяжелой и легкой конницы, тяжелой и легкой пехоты. Последующее деление материала возможно только при анализе всего комплекса вооружения отдельного захоронения воина, с выделением разных родов оружия (лук, копье, стрела, палаш, кинжал и др.) с разнесением их по трем уровням, наличию или отсутствию в могиле оружия дистанционного боя, оружия ближнего боя, оружия рукопашного боя. Наличие лучника в могиле можно определить по сопроводительному инвентарю – деревянной кибити лука, костяных накладок, берестяного колчана, наконечника стрел. Единичные наборы вооружения, отмечаемые в отдельных могилах, дают все многообразие возможных вариантов встречаемости разных видов вооружения. Например: лук – стрелы – копье, лук – стрелы – палаш – топор, лук – стрелы – копье – топор – встречаемость видов вооружения в погребениях по обряду трупосожжения могильника Сапогово. Это дает искомое разнообразие в вооружении тяжелой конницы, которое можно объяснить боевой специализацией и уже на этом основании проводить графическую реконструкцию вооружения воинов сапоговского могильника и выдвигать предположение о тактике ведения боя и боевой организации.

На основании изложенных подходов к методике реконструкции комплексов вооружений воинов, можно представить таблицу корреляции признаков, где все погребения, единообразного по обряду могильника, количественно распределяется по родам войск – пехота, конница, в каждом роде войск, по степени защищенности, выделяются два вида – тяжело – и легковооруженной воины, далее указываются число могил с комплексом вооружения, состоящим из средств ведения дистанционного, ближнего и рукопашного боя. При этом видовой состав вооружения – конкретное оружие – в таблице оформляется по горизонтали от полного набора, например лук – стрелы – копье – кинжал; и далее по мере убывания одного из родов оружия, например копье – топор – кинжал, топор – кинжал, кинжал (нож). При подобном коррелировании признаков мы получаем число могил, относимых к тому или иному роду войск и их виду, с указанием всего многообразия встречаемости конкретного оружия, входившего в набор вооружения конкретного воина. Эта ситуация открывает возможность решения большинства оружейно-археологических задач только на археологическом материале, без привлечения дополнительных источников, отсутствие которых характерно для средневековой истории Кузнецкой котловины.

Представляется, что подобную реконструктивную корреляцию необходимо провести для каждого опубликованного памятника, с дополнительной графической реконструкцией не только всего комплекса вооружения пехотинцев и конников, но и индивидуального набора оружия погребенного воина. Для выяснения наиболее общих вопросов развития военного дела средневекового населения Кузнецкой котловины, предлагается объединить индивидуальные корреляционные таблицы могильников, сведя их в общую таблицу, с выделением трех групп по обряду захоронения, расположив могильники в каждой группе по хронологии. Подобная таблица будет как источник по индивидуальной вооруженности и даст возможность сравнить эти показатели в плане хронологии, что открывает путь для исторических выводов. Общая сводка индивидуальных вооружений на всем протяжении эпохи средневековья может дать, как картину закономерностей развития военного дела в регионе, так и дает возможность сопоставить ее с уже описанными для сопредельных территорий объективными процессами становления и развития военного дела.

Т.Г. Шиготарова
(Барнаул, Алтайский государственный университет)

Реконструкция основных типов оголовий сrostкинской культуры

Оголовье (узды) – это часть конского снаряжения, которая надевается на голову лошади и позволяет управлять ею. Узды состоят из удил с псалиями, суголовья, повода и заводного ремня. Суголовье представляет собой конструкцию из таких ремней: налобного, наносного, нащечных, затылочного, подбородочного и подгубного.

Поскольку классификация и типология удил и псалиев сrostкинской культуры была разработана С.В. Неверовым (1988, с. 9-10; Он же, 1992), задачей нашего исследования явился анализ суголовий с металлическими украшениями. В классификационной схеме было выделено 11 их типов.

Самыми ранними являются суголовья типа 1 (вариант а) (рис. 1.-1). Они относятся ко втор. пол. VIII в. Такая узды не имеет подгубного ремня и дополнена двумя подвесными ремешками на уровне налобного. Появление такого типа оголовий в рассматриваемой культуре, на наш взгляд, связано с миграцией части тюрок Горного Алтая на территорию Алтайской лесостепи в середине VIII в., поскольку конструкция узды и набор украшений имеют тюркский облик.

На основе рассмотренных наборов формируется узды типа 1 (вариант б) (рис. 1.-2), которая датируется перв. пол. IX в. Она, в свою очередь, послужила базой для появления аналогичных частей снаряжения 8-го типа (рис. 1.-3). Их особенностью является новшество в конструкции – наличие срединного ремня. Этот конструктивный элемент фиксируется еще в тюркских материалах втор. пол. VI – перв. пол. VII в. из Горного Алтая (Худяков Ю.С., Кочев В.А., 1997, с. 17). Набор украшений у суголовий типа 8 сохраняется прежним (распределители, прямоугольные и сердцевидные накладки, короткие наконечники), но изменяется их форма и декор. Такая узды была отнесена нами ко втор. пол. IX в.

С типом 1 можно также связать происхождение суголовий 7-го типа (рис. 1.-4). В отличие от всех предыдущих они имеют четыре подвесных ремешка, каждый из которых украшался тремя сердцевидными бляхами и одним наконечником. Основные ремни декоративными элементами не снабжены. Кроме того, затылочный ремень узды 7-го типа имел сердцевидные накладки, как и наборы 8-го типа. Таким образом, этот новый момент мы фиксируем, начиная с Грязновского этапа сrostкинской культуры (со втор. пол. IX в.).

На основе 1-го(б), 7-го и 8-го формируются суголовья 3-го, 4-го и 5-го типов, датирующиеся перв. пол. X в. (рис. 1.-7,6,8). С несколькими наборами связано также происхождение суголовий типа 2 (рис. 1.-5). Наносный ремень конструкций типа 2,4 и 5 украшался султанчиком. Следует отметить, что в наборах двух последних типов бляхи-накладки располагались только на нащечных ремнях в отличие от более ранних тенденций. Кроме того, у суголовий 2-го и 5-го типов имеются налобные бляхи (рис. 1.-5,8). Отдельные находки сrostкинских налобных подвесок известны, начиная со втор. пол. VIII – перв. пол. IX в., поэтому этот момент новшеством не является.

Суголовья типа 2 послужили основой для появления наборов 11-го типа (вариант а), датирующихся четвертой четв. X – перв. четв. XI в. (рис. 1.-11). Нужно заметить, что на Шадринцевском этапе сrostкинской культуры происходят некоторые изменения в конструкции узды. Они связаны с появлением подгубного ремня. Кроме того, на сrostкинских бляхах-подвесках, изображающих всадников и относящихся к этому же периоду времени, прослеживается аналогичная конструкция оголовья (Неверов С.В., Горбунов В.В., 1996, рис. 7.-1, 3).

К четвертой четв. X – перв. пол. XI в. относятся также суголовья типов 9,10 и 11 (варианты б,в) (рис. 1.-12,10,9,13). Следует сказать, что во втор. пол. X – перв. пол. XI в. оголовья

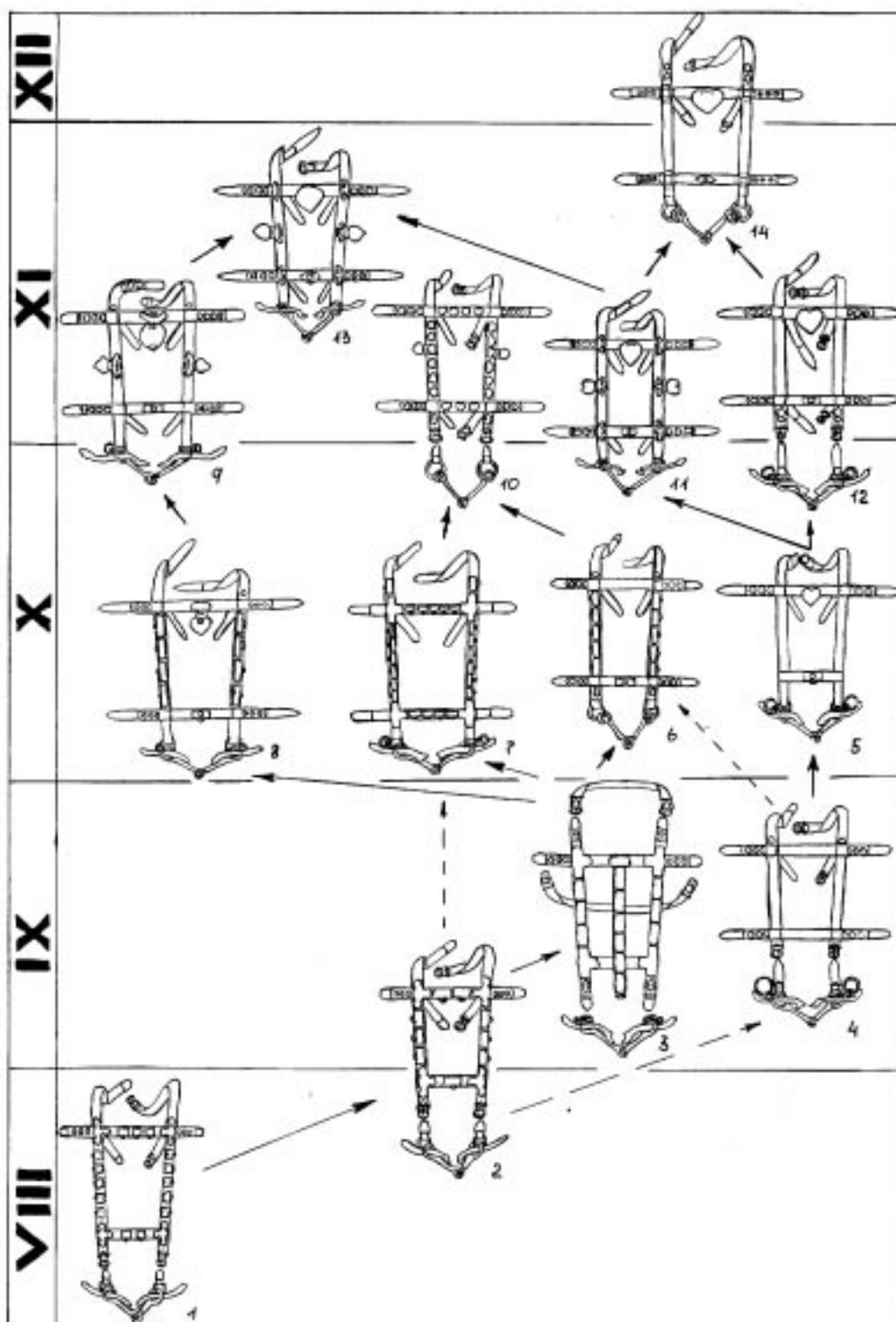

Рис.1. Типология суголовий верховой лошади (по материалам сроткинской культуры):
 1 – тип 1, вариант а; 2 – тип 1, вариант б; 3 – тип 8; 4 – тип 7; 5 – тип 2; 6 – тип 4;
 7 – тип 3; 8 – тип 5; 9 – тип 11, вариант б; 10 – тип 10; 11 – тип 11, вариант а;
 12 – тип 9; 13 – тип 11, вариант в; 14 – тип 6.

приобретают ряд новых декоративных элементов. Во-первых, сердцевидные накладки на подвесных ремешках сменяются пятиугольными. Во-вторых, появляются еще два подвесных ремешка, которые закрепляются посередине нащечных ремней, т.е. теперь оголовье имеет шесть декоративных ремешков. В-третьих, каждый из них, как правило, крепится к основному ремню с помощью накладки качелевидной формы. Это – отличительные особенности уздечных наборов Шадринцевского этапа сrostкинской культуры.

С влиянием носителей рассматриваемой культуры, на наш взгляд, связано появление уздечных наборов, аналогичных 5-му и 11-му типам, в кимакских материалах XI в. в Восточном Казахстане (Алехин Ю.П., Илюшин А.М., 1998, с. 217; Трифонов Ю.И., Илюшин А.М., Алехин Ю.П., 1998, с. 231-233). Влияние 11-го типа сrostкинских оголовий прослеживается в кыпчакских наборах Южного Урала (Бараба в тюркское время, 1988, с. 70), в кыргызских комплексах XI-XII вв. (Худяков Ю.С., Баяр Д., 1992, с. 42), а также в памятниках втор. пол. X – перв. пол. XI в. в Горном Алтае (Худяков Ю.С., Кочеев В.А., Моносов В.М., 1996, с. 51).

На основе суголовий 9-го и 11-го типов формируются наборы типа 6, которые были отнесены нами ко втор. четв. XI – XII в (рис. 1.-14). Все украшения суголовий 6-го типа изготовлены из железа. Данный момент можно связывать либо с влиянием культуры кыргызов, где этот материал был преобладающим, начиная с X в. (Кызласов И.Л., 1983, табл. 94), либо с более общей тенденцией, выразившейся в том, что изготовление украшений из железа с XI в. стало очень распространенным в разных культурах Северной Азии (Абдулганев М.Т., Горбунов В.В., Казаков А.А., 1995, с. 252; Трифонов Ю.И., 1987, с. 154; Кызласов И.Л., 1983, с. 31,33,34; Он же, 1999).

На основании проведенного исследования нам удалось выявить, какие типы суголовий относятся к каждому из этапов сrostкинской культуры. Тип 1 (рис. 1.-1,2) характерен только для Инского этапа (втор. пол. VIII – перв. пол. IX в.), типы 3,4,7,8 (рис. 1.-7,6,4,3) – для Грязновского (втор. пол. IX – перв. пол. X в.). Уздечные наборы типов 2 и 5 (рис. 1.-5, 8) являются переходными от Грязновского этапа к Шадринцевскому, а суголовья типов 9,10 и 11 (рис. 1.-12,10,9,11,13) относятся к Шадринцевскому этапу (втор. пол. X – перв. пол. XI в.). Наконец, наборы 6-го типа (рис. 1.-14) появляются в конце вышеназванного этапа и продолжают бытовать на Змеевском (втор. пол. XI – XII в.).

В заключении можно отметить, что суголовья с полным набором металлических украшений являлись показателем знатного происхождения человека, его высокого социального положения и принадлежали наиболее достойным и богатым представителям сrostкинской культуры.

Научный руководитель – к.и.н. А.А. Тишкин

А.Н. Телегин, А.С. Боровков

(Барнаул, Барнаулский государственный педагогический университет)

**Курган «Комаришинский карьер» – некрополь эпохи средневековья
в северо-западном предгорье Алтая**

В июле 1999 года Степной отряд археологической экспедиции Барнаульского государственного педагогического университета проводил аварийные раскопки кургана «Комаришинский карьер», расположенного на седьмом километре полевой дороги с. Комариха — с. Эстония в Шипуновском районе Алтайского края¹.

К моменту раскопок курган представлял собой округлую в плане возвышенность, диаметром около десяти метров. По линии запад-восток насыпь была разделена надвое широ-

1 Памятник открыт в 1980 В. А. Рябцевым.

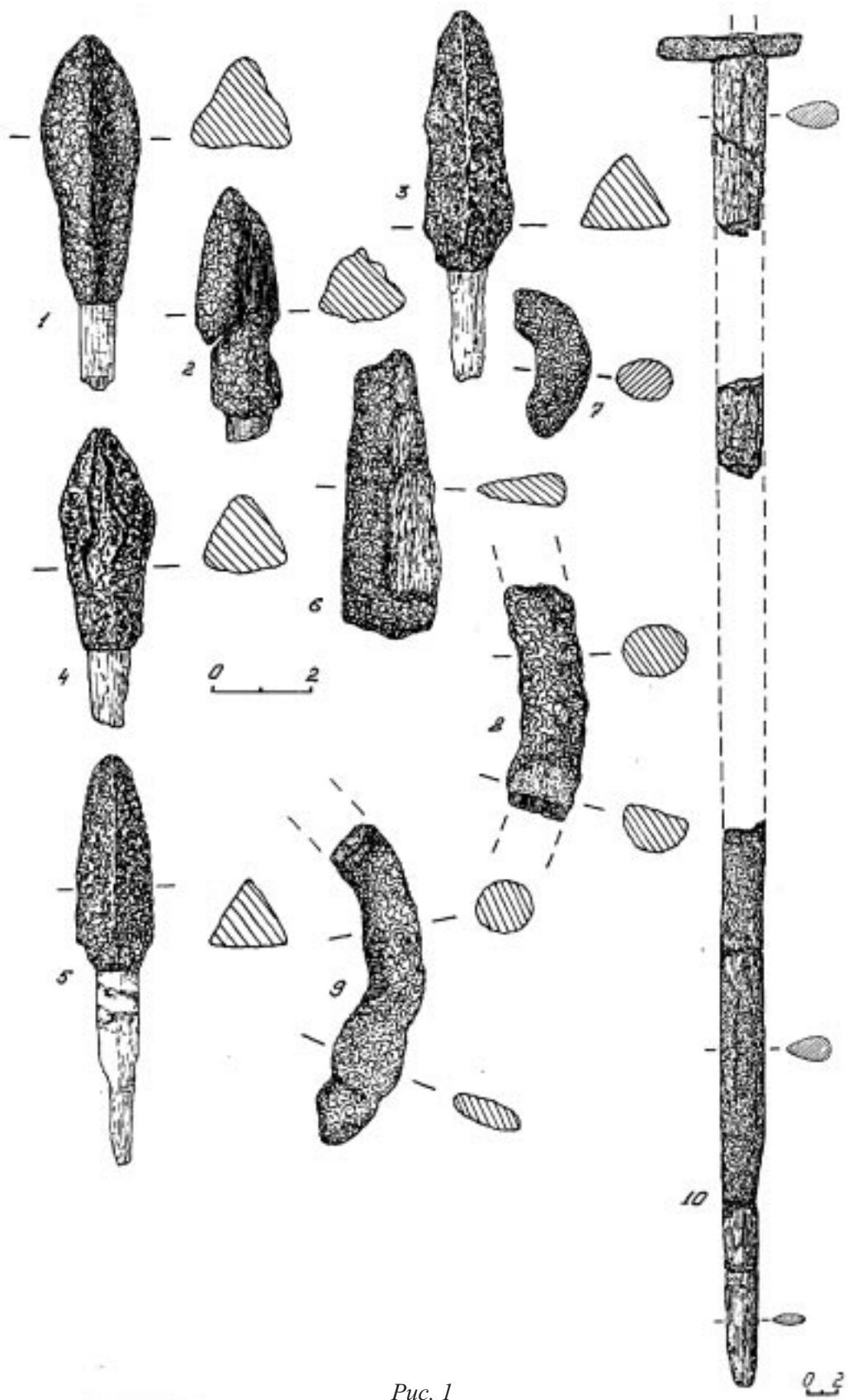

Рис. 1

кой траншеей. На задернованной поверхности кургана фиксировались включения камней средних размеров. После удаления насыпи обнажилась каменная ограда трапециевидной формы, состоящая из уложенных друг на друга крупных обломков плитняка. Стенки ограды, длина которых составляла около девяти метров, были несколько смещены относительно сторон света – северная и южная расположены по линии ЮЗЗ-СВВ, а западная и восточная – по линии ССЗ-ЮЮВ.

В центре ограды находилась могильная яма подпрямоугольной формы, ориентированная по линии ЮЗЗ-СВВ. В ее заполнении были встречены разрозненные кости человеческого скелета, крестец лошади и позвонок барана, а также четыре серебряные с позолотой бляшки, украшенные растительным орнаментом, пять железных черешковых наконечников стрел, фрагменты железного палаша, обломок клинка(нож ?), фрагменты железного S-видного псаля и удила.

В придонной части могилы, вдоль ее северной стенки, зафиксирован тлен дерева, являющийся, вероятно, остатками бревенчатой обкладки. Центральная часть дна могильной ямы была выложена плоскими камнями, на которых находились разрозненные останки скелета человека и предметы сопроводительного инвентаря: фрагменты железного палаша, два серебряных с позолотой наконечника ремня, украшенные изображениями львов, серебряная бляшка без орнамента и четыре серебряные с позолотой бляшки, покрытые растительным орнаментом.

Под северной стенкой ограды находилась еще одна могильная яма, содержащая непогребенное детское захоронение. Судя по положению костей скелета, ребенок был уложен в вытянутом положении на спине, головой на СВВ. На черепе погребенного прослежен тлен черного цвета, являющийся, возможно, остатками головного убора. Рядом с фалангами левой кисти скелета обнаружены корродированные фрагменты железного предмета (нож ?).

Данные погребального обряда и обнаруженные находки позволяют отнести курган к сrostкинской культуре и датировать его IX–X вв. н.э.

А.В. Кондрашов

(Барнаул, Алтайский государственный университет)

К вопросу о выделении таксономических уровней при классификации погребальных сооружений Сrostкинской культуры

Общеизвестно, что археологические объекты являются важнейшими источниками, на основании которых реконструируются основные элементы погребального обряда. Создание сооружений при реализации захоронения – это, по преимуществу, линейный процесс, состоящий из ряда последовательно осуществляемых действий. Поэтому было бы логично выделять таксономические уровни по фиксируемым конструктивным признакам погребального памятника, под которым понимаются сохранившиеся к моменту раскопок результаты осуществленного в древности процесса погребения. «Практическая сфера погребального обряда есть система стереотипно-символических действий, которые, будучи реальными, целесообразными и нормированными, воплощают предписания процессуального уровня идеологической сферы обряда» (Ольховский В.С., 1993, с.86). На практике под ними подразумеваются конкретные результаты действий, включающие в себя следующие элементы: выбор места, разметку сакрального пространства, подготовку площадки, ориентировку и выкапывание могилы, подготовку деревянного, каменного или иного сооружения, возведение насыпи и т.д. В то же время само погребальное сооружение в археологическом значении термина можно рассматривать как взаимосвязь призна-

ков, характеризующих его конструкцию (насыпь, грунтовая могила, перекрытие, погребальная камера и т.д.).

Погребальные сооружения, рассматриваемые как форма организации замкнутого пространства для умершего человека, являются относительно устойчивым признаком погребального обряда определенных групп людей. Вид погребального сооружения во многом определяется господствующей религиозно-мифологической концепцией и влиянием природной среды (Ольховский В.С., 1991, с.16). На вид погребального сооружения оказывали влияние такие факторы как хозяйственно-культурный тип, социальная структура общества и особенности его мировоззрения. Кроме того, необходимо учитывать и практическое владение навыками и приемами техники строительства, в особенности, возведения жилищ, и умение использовать и обрабатывать необходимые для этого материалы населением, оставившим погребальные конструкции (Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А., 1997, с.43).

У погребального сооружения можно помимо семантических отметить три практических функции. Во-первых, *размещение*, поскольку оно предназначено для помещения умершего, и погребального инвентаря; во-вторых, *обособления*, с целью наиболее полной изоляции от окружающего мира; и, в третьих, *сохранение* тела в неприкосновенности в течение определенного времени. Как показывает практика, ни один погребальный комплекс не является абсолютной копией другого и не всегда отражает погребальный ритуал во всей полноте процессуального уровня идеологической сферы обряда. Подобная вариативность и неполнота связаны как с наличием локальных версий трактовки предписаний обряда (на примере небольшого коллектива), так и со спецификой местных идеологических условий (рельефа местности, наличия доступного материала и т.д.). Необходимо помнить, что все элементы погребального комплекса в результате естественного воздействия природной среды и, нередко человека, к моменту исследования в той или иной степени изменены.

В процессе выявления традиций создания погребальных сооружений необходима: во-первых, систематизация имеющихся источников, во-вторых, выделение в комплексе характерных конструктивных признаков и, в-третьих, рассмотрение их изменения в пространстве и времени. Для более правильного отражения действительной группировки объектов следует предварительно сформулировать совокупность показателей, наиболее адекватно отражающих реальность. Особенностью такого анализа выступает стремление выявить внутреннее единство составляющих конструкцию компонентов при относительном различии, выраженном более или менее ярко между следующими друг за другом периодами, этапами, фазами и т.д. При невыразительном на первый взгляд изменении ряда показателей мы имеем возможность определить зримые переходы и очертить границы каждого этапа.

Основой для предполагаемой классификации может служить шестичленная система деления признаков, в которой каждая таксономическая единица включает в себя признаки в зависимости от степени их всеобщности для данной категории (Кызласов И.Л., 1983, с.8; Неверов С.В., 1985, с.193; Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А., 1997, с.44). При делении имеющихся данных необходимо выдерживать два положения: 1) по степени важности: от наиболее значимых признаков к менее значимым и 2) по степени изменчивости признаков: от наименее к наиболее изменчивым признакам. При систематизации всего комплекса полученных данных будут использоваться следующие таксономические уровни.

Категория – отражает группу объектов одного или предположительно одного функционального назначения (Клейн Л.С., 1991, с.379). В данном случае под ней понимаются все погребальные сооружения в целом.

Группа – это любая совокупность объектов, объединенных некой общей им всем присущей характеристикой (одночленной или составной), или выделенной по некоторому едино-

му для этой совокупности принципу (Там же, с.359). Группа в такой схеме определяется по наличию или отсутствию такого надмогильного сооружения как насыпь и по материалу, из которого она сооружена. Выделяются каменная, каменно-земляная, земляная насыпь, а также объекты, где она отсутствует (грунтовая могила). В данном случае это не механическое выделение, а стремление определить территорию и материал, который использовался для сооружения. Организация сакрального пространства могла быть различной и соответствовала определенной экологической среде. Естественно, что в предгорной зоне это был по преимуществу камень. В данном случае было бы важно обратить внимание на взаимосвязь структуры курганной насыпи с внутримогильной конструкцией.

Если рассматривать курган как пространственную систему, то очень важным моментом является разметка сакрализованного пространства посредством оградок и ровиков. *Разряд* – этот таксон отражает наличие или отсутствие такой конструктивной особенности как земляной ровик (округлый или подпрямоугольный, с перемычкой-входом или без него), каменная (кольцевая или подпрямоугольная) или деревянная оградка, либо отсутствие этих околмогильных сооружений вообще. И хотя земляной ровик и оградка понятия не однопорядковые логичнее всего их было бы объединить вместе. Они традиционно определяются как компоненты архитектурного комплекса и на семантическом уровне рассматриваются в качестве границы, разделяющей мир живых и мир мертвых.

Раздел определяет наличие и систему расположения такого конструктивного элемента околмогильных сооружений как деревянные столбики, а именно: 1. столбики располагаются «вперед» по длинной оси могильной ямы, 2. столбики располагаются вокруг могильной ямы, 3. иное расположение столбиков, 4. либо их отсутствие. Необходимо отметить то, что значительное время им не уделялось специального внимания. В раннем средневековье столбики выступали маркером сродкинской культуры, несмотря на их относительную немногочисленность (Кондрашов А.В., 2000, с.39).

Перекрытия. Выделяется два уровня: 1) надмогильные перекрытия (на уровне древнего горизонта); и 2) внутримогильные перекрытия. В данном случае *отдел* характеризуется наличием или отсутствием надмогильного перекрытия, а внутримогильные перекрытия выносятся в подтип. Этот элемент определяется как самостоятельная единица в виду того, что после помещения умершего в погребальное сооружение последнее не всегда перекрывалось сверху. Поэтому возникает необходимость проследить, с чем это связано.

Тип выступает в археологии как одно из основных понятий, связанное с взаимозависимостью признаков. По сути, это их устойчивое сочетание. *Тун* – наиболее массовый и изменчивый таксон, определяющий вид погребальной камеры или её отсутствие, а также различные комбинации в её оформлении. Выделяется десять типов: 1. Погребение на уровне древнего горизонта; 2. В могильной яме; 3. В могильной яме с рамой; 4. Со срубом; 5. С каменным ящиком; 6. С колодой; 8. С приступкой сбоку; 9. С подбоем; 10. Из двух погребальных камер, одна из которых предназначена для человека, а вторая для животного, при этом последняя образует углубление до 30-70 см и по отношению к погребенному находится в его ногах. В *подтип* выносятся наличие внутримогильного перекрытия и комбинации типов между собой, как-то, перекрытие на раме, на каменном ящике, на деревянном ящике, на срубе; а также в сочетании с берестяным конвертом или с П-образной рамой.

Этап работы по выявлению основных признаков условно можно назвать первым в исследовании. Данные таксономические уровни являются открытыми, поэтому с накоплением материала и получением новых данных в них могут быть выделены дополнительные единицы. Такая система предоставляет возможности построения схемы их типологического развития и хронологии, а также установить преемственность культурных традиций и характер этнокультурных связей. При анализе погребальных памятников необходимо выявить частоту встречаемости основных элементов погребального сооружения с учетом их

хронологической позиции, что в свою очередь приведет к созданию различных моделей. Последние, характеризуясь стандартным набором ведущих структурных элементов, при наличии их определенной вариабельности, позволят перейти к реконструкции других сфер жизнедеятельности – социальной, мировоззренческой, этнокультурной и т.д.

Научные руководители – к.и.н. А.Л. Кунгуров, к.и.н. А.А. Тишкин.

А.М. Илюшин

(Кемерово, Кузбасский государственный технический университет)

Методика датировки средневековых поселений Кузнецкой котловины

Средневековые поселения на территории Кузнецкой котловины составляют одну из самых многочисленных категорий археологических источников. Вопрос о датировке поселений на территории Кузнецкой котловины является одним из самых сложных в средневековой археологии этого региона. Исследование по историографии этого вопроса (Илюшин, 1999) указывает на тот факт, что материалы раскопок и подъемных сборов на средневековых поселениях датируются, как правило, в очень широком хронологическом диапазоне. Самые узкие хронологические рамки насчитывают как минимум три столетия (Ширин, 1997, с.65-76; 1999, с.26), а отдельные памятники датируются в пределах тысячелетия (Окунева, 1997, с.36-64; Илюшин, Сулейменов, Мга, 1998, с.111). Это объясняется рядом объективных и субъективных обстоятельств. В числе первых можно назвать тот факт, что многие исследованные поселения являются многослойными и представлены единым смешанным культурным слоем. Кроме того, основная масса средневековых поселений раскапывалась в то время, когда по средневековой археологии Кузнецкой котловины в научном обороте имелась лишь небольшая информационная база. Во вторых, до сих пор в средневековой археологии Кузнецкой котловины отсутствует единый подход (метод) датировки как самих поселений, так и основной категории находок в них – керамической посуды. Существующие датировки основываются на широких аналогиях в материалах раскопок разнообразных средневековых объектов как на территории Кузнецкой котловины, так и за её пределами. При этом необходимо отметить, что аналогии проводились не по всей совокупности выявленных археологами предметов материальной культуры и классифицированных признаков, а – по единичным, выборочным, наиболее значимым артефактам, которые на основной массе исследованных поселений отсутствуют.

Современное состояние средневековой археологии Кузнецкой котловины заставляет создавать сводную типолого-хронологическую матрицу разнообразных классифицированных признаков по керамической посуде из подъемных сборов, раскопок поселений и поминально-погребальных памятников. Учитывая, что керамическая посуда является наиболее массовым (преобладающим) материалом раскопок средневековых поселений, создание её типолого-хронологической шкалы позволит сузить датировку поселений и расчленять единый культурный слой на культурно-хронологические компоненты.

Основываясь на существующей необходимости, проведем показательный опыт подобной работы и апробируем метод датировки средневековых поселений по всей совокупности классифицированных признаков керамической посуды. При этом используем накопленный опыт разных исследователей по вопросам классификации и типологии керамической посуды, а также математические методы сравнительного анализа. При выполнении этой работы можно обозначить следующий порядок действий – сбор графической информации по источникам, классификация и типология изучаемых артефактов, создание сводных таблиц отражающих количественные показатели систематизированных признаков, сравнительный анализ источников на предмет встречаемости признаков.

В качестве источников для работы выступает вся имеющаяся в распоряжении на данный момент графическая информация по средневековым 16 поселениям (Люскус-2, Лочиново-1, Сосновка-3, Сосновка-4, Курья-2, Курья-4, Курья-7, Казанково, Бардино-4, Васьково-1, Глуховское, Есауловское-2, Маяк, Гурьевское, Торопово-4 и Шабаново-5) и 12 поминально-погребальным памятникам (Сапогово, Шабаново-1, Юрты-2, Ваганово-1, Мостовая, Сапогово-1, Промышленная-1, Зимник, Шабаново-3, Сапогово-2 и Торопово-1) Кузнецкой котловины, которая почерпнута из научных публикаций и рукописных отчетов исследователей. Керамика из исследуемых средневековых памятников Кузнецкой котловины представлена серией находок (292 экз.), состоящей из целых форм и фрагментов сосудов.

Классификации подвергаются целые сосуды и фрагменты по таким показателям, как форма и орнаментация. Сосуды подразделяются: по форме дна на круглодонные (43 экз.) и плоскодонные (2 экз.); по форме тулова – на горшки (37 экз.) и чаши (8 экз.); по профилю венчиков – отогнутые наружу (142 экз.), прямые (55 экз.) и вогнутые вовнутрь (52 экз.); по форме венчиков – округлые (19 экз.), приостренные (23 экз.) и с плоскими краями (60 экз.). Лишь на 274 экземплярах исследуемых сосудов было зафиксировано наличие орнамента. Орнамент наносился на венчик, шейку и тулово. Имеющиеся источники позволяют классифицировать орнамент по таким категориям, как способ нанесения орнамента, элемент и мотив. По способу нанесения орнамента выделяются три типа – штампованный (245 экз.), резной (96 экз.) и рельефно-налепной (22 экз.). Выделено 16 типов элементов орнамента в разном исполнении, нанесенным на керамические сосуды или их отсутствию – круглые ямки (106 экз.), узкие резные желобки (66 экз.), жемчужины (44 экз.), валики (22 экз.), скобообразные насечки (94 экз.), оттиски гребенчатого штампа (91 экз.), оттиски зубчатого штампа (13 экз.), оттиски уголка (5 экз.), треугольные ямки (9 экз.), четырехугольные ямки (2 экз.), ромбовидные ямки (3 экз.), ямки от трубочки (3 экз.), ямки от пальчиково-ногтевых защипов (10 экз.), ямки аморфной формы (13 экз.), проташенная гребенка (1 экз.) и без орнамента (18 экз.). По мотивам орнамента нанесенным, в разном исполнении, на керамические сосуды выделяются 10 типов – горизонтальное расположение элементов (242 экз.), вертикальное расположение элементов (31 экз.), наклонное расположение элементов (97 экз.), зигзагообразное расположение элементов (20 экз.), расположение элементов «елочкой» (12 экз.), расположение элементов в форме ромбов (6 экз.), расположение элементов в форме треугольника (19 экз.), расположение элементов в форме наклонного креста (6 экз.), расположение элементов в форме прямого креста (5 экз.), расположение элементов в форме сеточки (4 экз.).

В сводной таблице количественных показателей зафиксирован факт наличия на каждом из 28 исследуемых средневековых памятников разнообразного ассортимента и количества из 39 квалифицированных признаков керамической посуды. Эти данные позволяют исследовать сходство и различие изучаемых керамических комплексов разных памятников между собой, а также керамической посуды поселений и поминально-погребальных памятников. С этой целью необходимо выявить коэффициент взаимовстречаемости выявленных признаков, который отражает собой простейшую формулу определения вероятности взаимовстречаемости двух явлений (памятников). Эта формула:

$$K = \frac{(ab)^2}{A \times B},$$

где А и В – общее количество квалифицированных признаков на каждом из сравниваемых между собой памятниках, (ab) – количество сочетаний (случаев взаимовстречаемости) признаков на двух сравниваемых памятниках, нашла широкое распространение в отечественной археологии (Каменецкий, Маршак, Шер, 1975, с.50; Генинг, Бунятян, Пустовалов, Рычков, 1990, с.94-99; и др.). Коэффициент принимает значение от 0,0 до 1,0. Эти крайние показатели обозначают полное отсутствие взаимовстречаемости и совпадение.

В результате использования количественных данных и вышеописанной формулы получаем сводную таблицу показателей взаимовстречаемости керамических комплексов всех 28 исследуемых археологических памятников, что позволяет вести сравнительный анализ. При этом имеет смысл первоначально исследовать близость поселений между собой, а затем сравнивать их с поминально-погребальными памятниками, которые датируются более узко и предварительно тоже объединены в группы по сходству керамических комплексов. Это позволяет построить графы близости между отдельными памятниками и группами и интерпретировать их не только как этнокультурные показатели, но и использовать при датировке. Результаты проделанной работы можно представить в таблице датировке средневековых памятников Кузнецкой котловины:

Поминально-погребальные памятники	Поселения
VI – пер. пол. VIII вв.	
Юрты-2	Торопово-4
Шабаново-1	Люкус-2
Саратовка	Курья-2
Ваганово-1	Гурьевское
втор. пол. VIII – пер. пол IX вв.	
Сапогово	Казанково-5
Саратовка	Маяк
Ваганово-1	Курья-4
втор. пол. X – XI вв.	
Мостовая	Сосновка-4
Промышленная	Курья-7
	Сосновка-3
	Глуховское
втор. пол. IX – XIII вв.	
Ваганово-1	Маяк
Саратовка	Гурьевское
Сапогово-2	Шабаново-5
	Люкус-2
	Казанково-5
XI – XII вв.	
Зимник	Люкус-2
	Сосновка-4
	Есауловское-2

XII – XIV вв.	
Сапогово-1	Сосновка-4
Торопово-1	Есауловское-2
Шабаново-3	Торопово-4
	Васьково-1
	Курья-7
	Люскус-2

Из таблицы видно, что отдельные памятники можно датировать более узко, чем прежде, и расчленять средневековые материалы многослойных поселений на самостоятельные культурно-хронологические комплексы. Это позволяет предложить коллегам использовать апробированную методику датировки средневековых поселений для других регионов Западной и Средней Сибири и в дальнейшем стремиться к формированию единых стандартов при классификации и типологии керамической посуды.

С.М. Фокин

(Красноярск, Красноярский государственный педагогический университет)

Памятники раннего и развитого средневековья лесостепной и подтаежной зоны Среднего Енисея

История изучения памятников раннего и развитого средневековья лесостепной и подтаежной зоны Среднего Енисея началась еще более ста лет назад. За это время, публикация основного числа известных памятников, исследуемого района, предпринималась только в 1929 году (Карцов, 1929). С того времени открыто значительное число новых археологических памятников и указанное издание не может служить полным источником информации. Цель данной работы – привести сводку по возможности большего числа памятников раннего и развитого средневековья, изучаемой территории.

Могильники и погребения.

В исследуемом районе имеются следующие памятники : Боровое – 2, МСТИ, Торгашино, Ладейское, Миндерла, Кубеково, Часовенная гора, Юксеево – Таскино. Все захоронения выполнены в обряде трупосожжения. Погребение Юксеево-Таскино расположено в Большемуртинском районе, а остальные памятники находятся в окрестностях и черте города Красноярска.

Могильники Боровое и МСТИ датируются второй половиной I тыс. н. э.. Археологический инвентарь представлен железными топорами-теслами, черешковыми ножами, пуговичками, железными и костяными черешковыми наконечниками стрел, бронзовыми украшениями и фрагментами орнаментированной керамики (Мандрька, Макаров, 1994, с.83 – 116).

Погребения Ладейское, Миндерла, Кубеково, Юксеево –Таскино датируются X – началом XI в.в. н.э., погребение Торгашино – серединой XI – началом XII в.в., могильник Часовенная гора – XIII в.в.. Все памятники относят к культуре енисейских кыргызов. Археологический материал представлен железными сбруйными наборами с накладками, обоймочками, пряжечками и подвесочками из железа и бронзы, украшенными растительным орнаментом, железными черешковыми наконечниками стрел (Карцов, 1929; Кызласов И. Л., 1983, с.71,73; Савинов, 1994, с.148 – 149). Кроме того, в погребении Юксеево-Таскино,

также найдены железные палаш, нож, тесак (Николаев, 1982, с. 131 -135). В могильнике Часовенная гора найдены детали сбруи с орнаментированными накладными бляхами, серебряные серьги, кубок, ковш и зеркало, костяные бронзовые украшения, железные наконечники стрел и другие предметы (Савинов, 1990, с.114 – 132).

Городища

В исследуемом районе находятся следующие городища: Змеиное, Ладейское, Ермолаевское и Частоостровское. Все памятники расположены в окрестностях и черте города Красноярска. Для городища характерно расположение у реки, со стороны суши, защищенность дугообразно расположенными одним-двумя валами и рвом, наличием нескольких «ворот».

На городищах Ладейское и Ермолаевское проводились археологические работы. Археологический инвентарь представлен железными и костяными черешковыми наконечниками стрел, железным ножом, костяной пряжкой и фрагментами керамики, орнаментированной пальцевыми вдавлениями и зубчатыми штампами (Карцов, 1929).

Поселения и местонахождения

В изучаемом районе имеются следующие поселения: Усть-Караульное, Боровое-2, Караульный Бык, Усть-Собакино, Монастырское, Татышевское, Няша, Язаевка, Бобровка, Усть-Шилка-2, Шилка-9.. Основное количество памятников расположено в окрестностях и черте города Красноярска.

Археологический инвентарь в основном представлен железными черешковыми ножами, железными и костяными черешковыми наконечниками стрел, фрагментами орнаментированной и гладкостенной керамики (Карцов, 1929 ;Макаров, 1989, с.131 – 189 ; Погудин, Дроздов, 1989, с. 235 – 261). Кроме того, на Боровом – 2 найдены бронзовое и железное кольца, подкова. На поселениях Усть – Шилка – 2 и Шилка – 9 найдены железные шилья (Фокин, 1995, с. 136 – 139). На памятниках Парники, Язаевка, Усть – Шилка – 2 и Шилка – 9 обнаружены остатки плавильных сооружений и следы железоплавильного производства (Леонтьев, Макулов, 1989, с.265; Фокин,1995, с.136 – 139).

Местонахождения

Представлены следующие местонахождения: Базаиха, Ладейское, Березовка-1, Есауловка-1, Есауловка-5, Есауловка-6, Есауловка-7, Есауловка-8, Немкинское, Козловцино, Худоноговское, Нанжуль, Солонечная, Парники, Преддивная и Юксеево. Памятники расположены по реке Енисей в Красноярском и Большемуртинском районах.

Археологический инвентарь представлен в основном железными и костяными наконечниками стрел, отдельными фрагментами орнаментированной и гладкостенной керамики (Погудин, Дроздов, 1989, с. 235 – 261). Особо выделяются памятники Базаиха и Ладейское. Здесь найдены железные черешковые наконечники стрел, шило, перстень, костянные свистунки на стрелы, бронзовый перстень, пряслица и большое количество керамики. На Худоноговском обнаружен набор железных черешковых наконечников стрел: ассиметрично – ромбические, боеголовные и удлинено – шестиугольные (Карцов,1929).

Пещеры

В исследуемом районе имеются следующие пещеры: Тугаринова, Еленева, Торгашинские пещеры, гроты «Дружба», «Косточка», «Чолпой», пещера у скалы Такмак. Все памятники расположены в окрестностях Красноярска.

В пещере Тугаринова найдены костянные панцирные пластины, колчаные накладки, наконечники стрел, спицы, иглы, тесловидные и лопаточковидные изделия, фрагменты керамики, орнаментированные зубчатыми штампами (Мандрыка, Макаров и др., 1996, с.68 – 90).

В пещере Еленева обнаружены костянные наконечники стрел, железные нож, обломки изделий, крючок от колчана, фрагменты керамики (Макаров, Мартынович и др., 1992, с. 111 – 120).

В Торгашинских пещерах и у скалы Такмак найдены Железные черешковьяе наконечники стрел, нож, фрагменты керамики (Карцов, 1929).

В гроте «Дружба» обнаружены костянные наконечники стрел, иглы, проколка и бусинка.

В гротах «Косточка» и «Чолпой» найдены костянные наконечники стрел, накладки на лук и колчан, рыболовные крючки, один фрагмент керамики (Мандрыка, Захаров, 1992, с.131 – 134).

Таким образом, в рассматриваемом районе представлены все типы археологических памятников. В основном, изученным является Красноярский район. Датировка многих памятников приближительна, поэтому большое число памятников требует более тщательного археологического изучения.

Научный руководитель – к.и.н. П.В. Мандрыка

А.А. Ульянов

(Новосибирск, Новосибирский государственный педагогический университет)

Погребальный обряд курганного могильника монгольского времени Ташара-Карьер 2

Курганный могильник Ташара-Карьер-2, обнаруженный в 1997 году, находится в Мошковском районе Новосибирской области, в 2,5 км к ЮЗ от небольшой грузовой железнодорожной станции «Депо», расположенной на окраине с. Ташара. Курганы размещаются вдоль края первой террасы правого берега р. Оби (17 круглых и вытянутых насыпей) и активно разрушались рекой, вследствие чего возникла необходимость в незамедлительных охранных раскопках. Все они раскопаны в 1998-2000 гг. Приобским отрядом Института археологии и этнографии СО РАН под руководством к.и.н. А.В. Новикова. В ходе полевых работ исследовано всего 46 погребений, в результате чего получена представительная антропологическая коллекция (в настоящий момент обрабатывается) и множество предметов быта, вооружения и конской упряжи, керамики, орудий труда и украшений, удалось зафиксировать также весьма интересные детали погребальной обрядности (Новиков А.В., 1998 «а», «б»).

Комплекс вещей из могильника имеет широкий круг аналогий на сопредельных и отдаленных территориях распространения памятников средневековых кочевников Восточной Европы. Ряд типологически выразительных находок позволяет датировать могильник в пределах XI-XIII вв. н.э.

В результате проведенных работ на курганном могильнике Ташара-Карьер-2 можно выделить следующие черты погребальной обрядности:

а) возведение курганных насыпей двух типов: круглые с одним или двумя погребениями, резко удлиненные с несколькими погребениями (от 3 до 9), расположенными в ряд вдоль продольной оси кургана;

б) возведение надмогильных конструкций с последующим их сожжением;

в) следы проведения поминальной тризны с наличием разрозненных костей животных и предметов инвентаря в виде оставшихся в насыпи обломков керамики и развалов сосудов;

г) помещение в насыпь камней различных размеров, в том числе и со следами срабатанности;

д) помещение в насыпь курганов лошадиных черепов (кург. № 4,5,13), надматериковое погребение коня (кург. № 3, п. 6 «б»), также отмечено наличие в насыпях предметов конской упряжи (кург. 2, к. 10);

е) сооружение дополнительных погребальных конструкций (ров вокруг кургана, уступы в могильных ямах).

На курганном могильнике Ташара-Карьер-2 зафиксированы следующие черты труположения:

- 1) одиночные погребения в неглубоких могилах, изредка на уровне материка или чуть выше;
- 2) устойчивая северо-восточная ориентация погребенных и поза на спине в вытянутом положении;
- 3) наличие берестяных перекрытий в могилах;
- 4) использование огня (частичная кремация умершего непосредственно в могиле);
- 5) помещение в могилу крупных обломочных камней;
- 6) помещение в погребение сосудов и их фрагментов (как правило у ног погребенного);
- 7) помещение в могилу сопроводительного инвентаря (украшения, предметы вооружения, предметы быта).

Кроме того, стоит отметить такую характерную черту данного курганного могильника, как курганы-кенотафы и могилы-кенотафы. В двух случаях погребения в кургане отсутствовали (кург. № 12, кург. № 13), хотя в насыпях обнаружены сосуды, кости животных. В трех случаях (кург. № 16, п. 2 и п. 3; кург. № 6, п. 3) в могилах присутствовали берестяные перекрытия, фрагменты дерева, но не было зафиксировано остатков погребения.

Для группы населения, оставившего могильник, была свойственна социальная дифференциация общества на основании имущественного деления и профессиональной принадлежности, что нашло отражение в особенностях погребальной обрядности и сопроводительного инвентаря. Мы можем выделить следующие слои (страты) данного населения:

- 1) состоятельные люди (воины-всадники с наличием тяжелого вооружения; женщины с богатым сопроводительным инвентарем, включающим импортные изделия);
- 2) ремесленники;
- 3) рядовые члены общества (мужчины и женщины);
- 4) дети.

Все ныне известные могильники того же времени Новосибирского Приобья относятся, по мнению А.А. Адамова, к сrostкинской культуре (Адамов А.А., 1995, с. 7-8,17). Конечно, по ряду признаков погребальной обрядности некрополь около с. Ташара имеет черты сrostкинской погребальной обрядности (одиночные труположения на спине с северо-восточной ориентацией, деревянные надмогильные сооружения и перекрытия, использование бересты, сопроводительные захоронения коня (черепа), сочетания труположения с трупосожжением, сочетание нескольких погребений под одной курганной насыпью). Однако, захоронения близ с. Ташара по ряду характерных признаков погребальной обрядности (помещение камней в могилу, частичная кремация умершего непосредственно в могиле, помещение коня вне могилы и значительно выше уровня материка (единственное погребение, где конь был безусловно связан с погребением человека, а в остальных случаях – зафиксировано отсутствие костей лошади в погребениях людей) и набора своеобразного инвентаря, прежде всего среди украшений, все же не следует связывать со сrostкинскими традициями. Очевидно, их необходимо отнести к осинкинскому типу памятников. По мнению Д.Г. Савинова, «осинкинские погребения отличаются от сrostкинских и принадлежат к иной, еще не выделенной археологической культуре» (Савинов Д.Г., 1994, с. 156). По всей видимости, новые культурные традиции, которые фиксируются в начале II тыс. н.э. в лесостепном и южно-таежном Приобье, стоит воспринимать следствием перемещения значительных групп кочевников, вызванного распадом кимако-кипчацкого объединения.

Научный руководитель – к.и.н А.В. Новиков

Е.А. Селихов, Е.А. Хамзина

(Улан Удэ, Бурятский государственный университет, БНЦ СО РАН)

Могильники Саратовка и Вознесеновка среднего течения р. Селенги

В результате исследований, проводимых Бурят-Монгольской археологической экспедицией в 1952 году под руководством А. П. Окладникова, работавшей на территории республики, на правом берегу Селенги близ сел Вознесеновка и Саратовка были открыты два могильника. Расстояние между ними около 5-7 км. На этих памятниках, включавших в себя разновременные объекты, Н. Н. Мамоновой и Е. А. Хамзиной в 1953-1954 годах были раскопаны объекты, отнесенные ими к эпохе средневековья. На полученных материалах основана данная работа.

Могилы Саратовки были расположены на южном, восточном и западном склонах Скалистой сопки (местное название) группами по 3 – 4 в каждой, исключение составляли 4 могилы на северном склоне, вытянутых цепочкой по линии В – З, в 1, 5 – 2 км от села. На настоящий момент могильник уничтожен, поэтому полученные материалы представляет определенный интерес.

Всего на могильнике Саратовка зафиксировано более 40 объектов, из которых раскопано 19, причем 6 из них было повреждено бортом оврага.

Средневековые объекты представлены двумя типами: могилами и ритуально-поминальными насыпями. Могилы 1-6 и ритуально-поминальная насыпь 7 были раскопаны в 1953 г, а ритуально-поминальные насыпи 8-13 раскопаны в 1954 г.

Могилы были отмечены на поверхности каменными четырехугольными (2) и овальными (1, 3, 4, 5, 6) кладками, однослойными (3, 4, 5, 6) или многослойными в 2 – 3 слоя (1, 2), с преобладающей ориентировкой по линии С – Ю. При сооружении кладок использовались преимущественно камни крупных размеров. Длина кладок варьирует от 1,6 до 2,9 м., ширина – от 1,2 до 2,2 м. Все они сильно задернованы. Погребения 1-5 грунтовые. В могиле 6 костные останки находились в берестяном гробу с деревянной рамой. Погребенные располагались на глубине от 0,8 до 1,25 м. Все они (в погребении 4 анатомический порядок нарушен) лежали на спине, в вытянутом положении, кисти рук на тазовых костях (1) или вдоль тела (2-6), лицом вверх. Погребенные были ориентированы головой на В. По половозрастному признаку погребения: 1 – мужское, 2, 6 – женские, 3, 4, 5 – детские. Инвентарь могильника чрезвычайно скуден. В первой могиле найдены железный наконечник стрелы, берестяной колчан с остатками железных наконечников стрел, в шестой могиле – берестяной тусок. К сожалению, описание вещей отсутствует. Остальные погребения без инвентаря. Древесные угольки встречены в погребениях 1, 3. В могилах 3-6 встретились наклонно поставленные берцовые кости барана, располагавшиеся как справа (3), так и слева (4-6) от изголовья, а в погребении 6 берцовая кость находилась вне гроба.

Ритуально-поминальные насыпи отмечены на поверхности каменными четырехугольными (8, 9, 12) и овальными (7, 10, 11, 13) кладками, однослойными (7) или многослойными в 2-3 слоя (8-13). В кладке 7 камни более крупного размера, чем в кладках 8-13. Большинство насыпей ориентированы на СВ, кладка 7 ориентирована на восток. Длина их варьирует от 2 до 3,3 м, ширина – от 1,4 до 2,5 м. Все кладки сильно задернованы. В них, за исключением насыпи 10, встречены фрагменты керамики из крупнозернистого теста с орнаментом в виде ямочек и с насечкой, а также 2 небольших сосуда баночной формы. Древесные угольки найдены в кладках 7, 9, 11, 12, а в кладке 11 встречена пережженная кость. Все находки находились на глубине от 0,1 до 0,4 м.

Могильник Вознесеновка, представленный 19 средневековыми кладками, расположен на юго – восточном склоне возвышенности в 0,5 км южнее села, около деревенского кладбища.

На могильнике Вознесеновка было исследовано 15 кладок, из которых 12 – погребения, 3 оказались скоплениями камней. Все объекты отмечены на поверхности однослойными каменными кладками длиной от 1,5 до 3,4 м, шириной от 0,5 до 2,5 м. Все кладки сильно задернованы и ориентированы на В (1, 2, 6, 12), на СВ (5), на СВВ (3, 4, 7, 8, 9, 11, 14, 15). Ориентировка кладки 13 из – за сильной разрушенности не определена. Ориентировка могильных ям в погребениях 3, 11 по линии СВ-ЮЗ, а в погребении 4 по линии В-З. В кладках 1, 2, 5-9, 12-15 могильное пятно не удалось зафиксировать. В первой могиле обнаружен деревянный гроб, а в 3, 9, 11, 14 захоронения были произведены в листовенничных колодах. В могилы 2, 4, 6, 7, 8, 12, 13 погребенные положены на грунт. Погребенные находились на глубине от 0,5 до 1,5 м. Могилы 2, 4, 7, 8, 13, 14 были сильно разрушены, поэтому анатомический порядок костяков нарушен. В могилах 1, 3, 6, 9, 11, 12 погребенные лежали на спине, в вытянутом положении, лицом вверх. Костные останки в объектах 1, 4, 6, 12 ориентированы головой на В, в 3, 14 – на ССВ, 9, 11 – на СВ. В погребениях 1, 9, 11, 12 кисти рук располагались вдоль тела, в 6 правая рука согнута, а в 3 кисти рук находились на тазовых костях. В могилах 1-3, 7-9, 13, 14 были захоронены взрослые, а в остальных погребениях – дети. Угольки встречены в могилах 1, 2, 3, 7, 9, 13, 14 на глубине 0,2-0,7 м. Кости животных представлены в могилах 1, 3, 4, 6, 7, 9, 11 в виде наклонно поставленной берцовой кости барана, как справа, так и слева от изголовья. Погребальный инвентарь представлен в могилах 1, 2, 3, 6, 9, 13. Погребения 4, 7, 11, 12, 14 – без инвентаря. В могиле 1 встречены кресало, нож, два железных наконечника стрелы. В 2 – фрагменты керамики, бронзовое зеркальце. В 6 – кресало, два бронзовых колокольчика. В 9 – железные предметы, удила с конской сбруей, четыре железных наконечника стрел, колчан со стрелами, остатки кожи от обуви. В 13 – фрагменты керамики, центральная срединная фронтальная накладка монгольского лука, два железных наконечника стрелы, пластинка серебра.

Погребальный инвентарь позволяет не только датировать данный могильник, но и ответить на некоторые другие вопросы. Прежде всего, бронзовые колокольчики имеют аналогии с инвентарем восточнозабайкальских погребений новоселихинского типа (вторая половина 1 тыс. н. э.) (Дворцы 2, п. 5; Новоселиха, п. 17) (Асеев и др., 1984, табл. 25(2), 27(5,6), с. 115, 121). Плоские наконечники стрел: овально-крылатые и вильчатые начинают встречаться в 9–10 вв. В 11–14 вв. они более крупных размеров, как и найденные здесь наконечники. Двойковогнутые томары появляются только с 11 века. Центральная срединная фронтальная накладка монгольского лука с лопаточкообразными концами, также датируется 11-14 вв. (Худяков, 1991).

Более узкую датировку дает бронзовое зеркало с орнаментом в виде лозообразных завитков на тыльной стороне. Подобный орнамент встречен на зеркале из Восточного Забайкалья (Чиндант 1, п. 11), но узор присутствует лишь по краю. Данный орнамент Э. В. Шавкунов относит ко времени империи Цинь (12–13 вв.) (Асеев и др., 1984, с. 131).

Наличие в погребениях наклонно поставленной берцовой кости барана говорит о вероятной принадлежности населения, оставившего могильник Вознесеновка, к одной из групп монгольских племен, а погребальный инвентарь показывает на то, что проникновение происходило с востока. (Данилов, 1985; Коновалов, 1989, 1999; Именохоев, 1985, 1987, 1989, 1992; Асеев и др., 1984 и др.).

Погребальный обряд могил Саратовки, сопровождаемых ритуально-поминальными насыпями, отличен от погребального обряда могильника Вознесеновка и от всех известных нам средневековых погребений тем, что ориентировка кладок могильника (преобладает линия С-Ю) значительно не совпадает с ориентировкой могильной ямы (преобладает линия З-В). Значительное их несоответствие встречено в Западном Забайкалье впервые, что говорит об уникальности данного могильника. Это можно, как считает соавтор Хамзина Е. А., наверное, объяснить смешением культурных традиций, т. к. в могильнике преобладают

женские и детские захоронения, а женщины могли быть взяты из другой этнической группы. Ритуально-поминальные насыпи Саратовки относятся к типу плоских насыпей, встречаемых в Прибайкалье (керамика также аналогична курыканской) и датируемых 7-10 веками, вместе с тем поминальниками продолжают сооружаться и в 11-12 вв. н.э. (Дашибалов, 1995, с. 77, 79, 90-91). Погребения и поминальники Саратовки, по их расположению друг к другу, составляют единый взаимосвязанный комплекс, хронологический разрыв между которыми вряд ли мог составлять значительный промежуток времени. Так как инвентарь недоступен, а описание его отсутствует, то на настоящий момент могильник можно датировать в рамках раннемонгольской археологической культуры (7 – 14 вв.).

Таким образом, могильники Саратовка и Вознесенка показывают смену погребального обряда второй половины 1 тыс. н. э. среднего течения р. Селенги другим погребальным обрядом первой половины 2 тыс. н. э., по последнему и можно говорить о преобладании здесь монголоязычных племен. Также данные могильники, как новый материал, подкрепляют точку зрения сторонников постепенного проникновения монголоязычных племен в Западное Забайкалье в рамках раннемонгольской археологической культуры (7 – 14 вв.).

Научные руководители – к.и.н. С.В. Данилов, Н.В. Именохоев, к.и.н. Е.А. Хамзина.

*С.Г. Росляков, Е.А. Гаврилова
(Новосибирский городской центр творчества учащихся «Юниор»,
Новосибирский государственный педагогический университет)*

Захоронения с конем на могильнике Санаторный 1

В 2000 г. отрядом Клуба юных археологов НГЦТУ «Юниор» под руководством С. Г. Рослякова были завершены исследования курганного могильника Санаторный 1. В результате работ исследовано 25 погребальных комплексов, включавших около 137 погребений. Могильник отнесен к кругу погребальных памятников типа Осинки на Северном Алтае и Басандайка в Притомье и предварительно датирован 12 – 13 вв. Среди основных элементов погребального комплекса большей интерес представляют останки лошади и остатки конской упряжи. Ранее нами был представлен предварительный анализ этих материалов (Росляков, 2000, с. 12 – 14). Работы лета 2000 г. дали дополнительные материалы для характеристики данного компонента погребального комплекса.

На могильнике Санаторный 1 захоронения коней и сбруи коня встречены в 9 погребально – поминальных комплексах из 25 исследованных (в 8 случаях в могилах и в 2 случаях под насыпью кургана). Кроме того, в 2 случаях несколько костей ног лошади обнаружены в заполнении грабительских ям над погребениями людей. Нами выявлены 3 формы сопогребения коня с умершим человеком: 1) погребение с целой лошадьё; 2) помещение в могилу шкуры (черепа и конечностей) коня; 3) погребение конского снаряжения. Захоронение целой туши лошади представлено в двух вариантах: 1) сопогребение лошади с человеком в одной яме; 2) погребение лошади с вещами человека.

Погребения с конем.

1) Погребение человека с конем. В двух случаях захоронения лошадей – взрослого жеребца и полувзрослой лошади¹ в одной могильной яме с человеком. Лошади лежали на животе с подогнутыми ногами, справа и слева от умершего, на одном уровне с ним, головой на СВ, как и покойник. Детали конской упряжи представлены 2 стременами, оковкой луки седла и роговой бляхой. В обоих погребениях лошади сопровождают захоронения воинов.

1 Определение остеологического материала проведено С. К. Васильевым

2) Погребение лошади с вещами человека. Под насыпью длинного кургана 9 параллельно друг другу располагались 4 погребения: взрослого мужчины, подростка, лошади, ребенка. В одной из потревоженных грабителями могильных ям найдены фрагменты костей молодой лошади, железное кресало и обломок топора. У борта ямы обнаружено скопление костей лошади, вероятно, перемещенных из могильной ямы.

Погребение со шкурой коня.

Представляет собой нахождение в могиле черепа и конечностей коня, уложенных в анатомическом порядке. На могильнике Санаторный 1 представлено в четырех курганах. В трех случаях это захоронение в могильной яме человека с «чучелом коня» слева от человека. Лошадь лежит с вытянутыми передними, подогнутыми задними ногами, на левом боку, ориентирована головой как и всадник на СВ или на З, взнуздана или взнуздана и оседлана. Ноги отчленены в коленном суставе. В двух курганах останки человека и лошади покоятся на одном уровне. В одном кургане человек похоронен в яме ниже уровня лошади. В кургане 26, исследованном в 2000 г. конь лежал на дне ямы, чуть выше останков человека, расположенного в подбое. Кости лошади лежат справа от человека, в противоположную от него сторону, черепом на ЗЮЗ. Кроме черепа и конечностей присутствуют хвостовые позвонки. Антропологические исследования и состав инвентаря определяют первые три погребения как женские. Последнее – мужское. В двух случаях женские погребения сопровождаются скелетами взрослых кобыл, одно женское и мужское – молодых лошадей.

Захоронения конского снаряжения.

В погребении 1 кургана 24, исследованного в 2000 г. стремяна, удила с псалиями и железные кольца от сбруи были положены в ногах умершего. В двух случаях встречены отдельные захоронения предметов конской упряжи под насыпью кургана. В кургане №1 под насыпью кургана найдено скопление предметов конского снаряжения: железные оковки лук седла, пробой для седла, стремяна, подпружная пряжка, железные удила с кольчатыми псалиями, наносный султанчик и набор наконечников стрел. К этому же типу погребений относится находка на погребенной почве в К. 16 удил лежавших рядом с остатками круглого берестяного изделия. Вероятно, набор конского снаряжения и вооружения был послан умершему ранее воину и его коню. Однако захоронений коней в этих курганах не встречено.

Жертвоприношение коня.

На могильнике Санаторный 1 к этому типу культовых действий можно отнести находки скоплений черепов и челюстей, конечностей животных, в основном коня, в ямах или на погребенной почве под насыпями курганов. Особенно показательным в этом отношении является захоронение над погребениями под насыпью кургана 10 верхней половины туши старой лошади без костей конечностей. Конь, наряду с другими животными, был одним из жертвенных животных у средневековых кочевников Евразии, что определялось его ролью в кочевой экономике (Нестеров, 1990, с. 90).

Заупокойная и поминальная пища.

В погребениях могильника Санаторный 1 не встречено остатков заупокойной пищи. Однако, в каждом кургане на погребенной почве и в насыпи обнаружены кости животных, преимущественно коня, часто колотые, которые мы склонны рассматривать как остатки поминальной пищи, оставшейся после поминок. Часть этой пищи могла быть положена душе умершего, как присутствующей на церемонии.

Коновязи.

В ряде курганов могильника Санаторный 1 зафиксированы остатки столбов врытых в почву, чаще всего, к СВ от погребения. Исследователи, как правило, связывают их с обычаем устанавливать рядом с могилой коновязи.

В целом, необходимо отметить, что конь занимал значительное место в ритуальной практике населения, оставившего могильник Санаторный 1. Многообразие вариантов за-

хоронения коня было обусловлено как пестрой этнической структурой населения, так и социальным положением умершего, его полом, возрастом, традициями, которые учитывались при проведении обряда захоронения. Так, на могильнике Санаторный 1 лошадь или детали конской упряжи присутствуют в одной трети погребальных комплексов и почти в половине многомогильных курганов, которые мы склонны считать семейными усыпальницами. Судя по размерам могил и составу инвентаря, захоронения коней сопровождали основные погребения этих курганов, принадлежащие, возможно, главам семейств, как мужчинам, так и женщинам. Все мужские захоронения – воинские. Женские погребения характеризуются относительно богатым составом сопроводительного инвентаря.

Для культур 1-го тыс. н. э. Новосибирского и Томского Приобья захоронения с конем не типичны и редки. В Новосибирском Приобье известен лишь могильник УШ – IX вв. Чингис 2, где погребения людей сопровождают целые лошади. Однако, захоронения с конем в различных вариантах характеризуют археологическую культуру кимаков Прииртышья и сrostкинскую культуру Западного, Северного Алтая, Барабы и Кузбасса (Савинов, 1994, с. 89, с. 96). Наиболее многообразны варианты использования коня в погребальном обряде у кимаков Верхнего Прииртышья (сопogребие человека и коня, человека со шкурой коня, захоронения человека в подбое в сопровождении чучела коня, коня в отдельной яме, конского снаряжения в ногах погребенного). Ряд авторов связывают захоронения в подбое в сопровождении коня с уйгурами (Овчинникова, 1984; Савинов, 1994, с. 80 – 82). На рубеже I и II тыс. ситуация меняется. В Казахстане, Барабе и на Северном Алтае исчезают погребения в сопровождении коня. Иная ситуация сложилась к северу от Алтая. В Кузнецкой котловине на могильниках Шанда и Беково большинство составляют захоронения коня в отдельной яме (Илюшин, 1993, с.30). На Томи появляются захоронения человека с целым конем в одной яме (средневековые погребения Еловского могильника) (Матющенко, 1970, с. 152 – 174). В погребениях XII – XIV вв. в Притомье встречены исключительно захоронения черепа и конечностей коня, а так же конской упряжи в ногах человека (Плетнева, 1997, с. 75 – 76). В Новосибирском Приобье на всем протяжении X – XIV вв. существовали как погребения с целым конем в отдельной яме (Березовый остров, Ельцовское 1), так и с «чучелом коня» (Быстровка 1, Высокий Борок и Ельцовское 1) в одной могиле (Адамов, 2000, с. 17 – 24; Бородовский, 1998, 73 – 85).

Таким образом, в первой половине II тыс. на территории Новосибирского и Томского Приобья появляются погребения с конем, что наряду с другими изменениями в погребальном комплексе местного населения является отражением глобальных этнокультурных процессов, протекавших на территории юга Западной Сибири в этот период.

Публикация подготовлена при поддержке РГНФ. Проект № 00-01-24014 А/Т

А.В. Сметанин

(Стерлитамак, Стерлитамакский государственный педагогический институт)

Кульг гор на Южном Урале

Первые упоминания о почитании гор на Урале местным населением встречаются в записках миссионеров и путешественников Н. А. Гурвича (1828-1914 гг.), С. Р. Минцлова (1870-1933 гг.), И. И. Лепехина (1740-1802 гг.) Но начало истинно научного комплексного изучения этого вопроса связано с именем С.И.Руденко. Этот интерес у него возник в связи с тем особым почитанием гор и пещер, которое было им встречено среди башкир. С.И.Руденко пишет, что вера в хозяев гор и пещер заставляет башкир почитать эти природные явления как «места священные» и делать им приношения (Руденко С.И., 1925, с.302). До недавнего времени материалы фольклора и этнографии башкир не имели подтверждения в археологических данных. В 1997 году отрядом ИИЯЛ УНЦ РАН (рук. В.В. Овсянников) было

исследовано святилище на горе Уклякая. Памятник находится в Гафурийском районе республики Башкортостан на горе Уклякая на правом берегу реки Зилим. У юго-восточного склона горы расположена д. Таш-Асты, а в 100- 150 м от западного склона – д. Новое Таишево. Южный склон, обращённый к реке обрывист и почти отвесный. С этой стороны расположены таш-астинские гроты, обследованные О.Е. Бадером в 1960 году (АКБ, №1236). Западный склон, обращённый к д. Новое Таишево пологий и хорошо задернованный, покрытый редкими деревьями. С этого склона, по сообщению местных жителей, происходили наконечники стрел. Этот памятник впервые упоминается С.Р. Минцловым в «Адрес-календаре Уфимской губернии на 1911 год» (АКБ, №1235). Здесь автором упоминаются находки в осыпях горы наконечников стрел и человеческих костей. В дальнейшем памятник не осматривался и в литературе не анализировался.

К моменту осмотра часть западного склона горы была изрыта. На площади около 70 кв. м дёрн отсутствовал, вся поверхность горы здесь была в ямах и рывинах.

В момент работы отряда местные жители предлагали на продажу наконечники стрел. Были зарисованы 46 наконечников стрел, происходящих, по словам находчиков с горы Уклякая. Для подтверждения полученных данных и определения характера памятника было решено заложить разведочный раскоп. В раскопе на глубине 0,10–0,11 м было найдено четыре железных наконечника стрел. Три из них были направлены на восток – северо-восток. Один на восток. Характер залегания наконечников говорит о том, что они попали в землю в результате выстрела, по направлению со стороны реки Зилим. Других находок в раскопе и при осмотре нарушенной поверхности не найдено. Таким образом, в результате раскопок был подтверждён факт находки наконечников стрел на западном склоне горы. Характер находок позволяет отнести памятник к разряду святилищ или жертвенных мест. В религиозных верованиях финно-угорских народов стрелам принадлежит значительная роль. Например, стрелам предавалось магическое значение. С одной стороны, стрелы являлись символом смерти (например, у манси магические свойства приписывались стреле с колдовскими начертаниями, она служила символом войны) (Бахрушин С.В.1955.С.104), с другой-символом жизни. У манси лук и стрелы приносили в жертву после рождения ребенка. Также необходимым считалось у угров, каждому проезжающему по свяченому месту, оставлять стрелу или выстрелить из ружья (Карьялайнен К.Ф.1995.С.68). Поддаётся реконструкции и обряд, совершаемый у горы Уклякая: проплывавшие по реке Зилим или высаживающиеся у её подножия стреляли в западный склон горы, видимо принося в дар духу горы стрелу.

Наконечники, найденные в раскопе и зарисованные у местных жителей, по материалу делятся на железные и костяные. Железные наконечники все являются черешковыми и по форме профиля пера относятся к плоским и гранёным. Большинство железных наконечников имеют уступчик при переходе от пера к черенку

Датировка этой коллекции наконечников стрел не вызывает больших затруднений. Во-первых, отсутствие трёхлопастных образцов указывает на позднее время бытования святилищ. Во-вторых, наличие на большинстве наконечников уступчика говорит об их принадлежности к древностям начала II тысячелетия н. э. Это же подтверждается большим количеством бронебойных (гранёных) наконечников, что также характерно для начала II тысячелетия. Наличие в коллекции узких срезней позволяет ограничить верхнюю дату до золотоордынским периодом, т. е. X-XIII вв. Ближайшие аналоги найденным наконечникам стрел, происходит из памятников IX-XII вв. Южного Урала (Каранаевские, Муракаевские и Мрясимовские курганы, погребение на горе Шах – Тау и др.). Таким образом, вполне вероятно, что святилище на горе Уклякая оставлено населением, появившемся на Южном Урале, на рубеже I-II тысячелетий. Памятники этого населения одни исследователи относят к мрясимовскому типу (Н.А. Мажитов), другие называют их раннечеляликскими или постпетрогромскими (Е.П. Казаков). Подобные памятники хорошо известны в Зауралье (святили-

ще Три сестры в Среднем Зауралье), и Западной Сибири (Айдашская пещера). Отдельно следует отметить жертвенное место на Камне Дыроватом, расположенное в среднем течении р. Чусовой. Святилище находится на отвесной скале (общая высота 60 м) на высоте 20 м от ее подножия. Данное пещерное святилище занимает особое место среди других пещерных святилищ, поскольку жертвенные обряды не могли совершаться людьми внутри пещеры, так как проникнуть в пещеру без специального снаряжения ни сверху, ни снизу нельзя. Этим объясняется набор жертвенных даров, найденных в пещере. В основном это наконечники стрел, кости животных украшения. По положению наконечников Ю.Б.Сериковым было установлено, что стрельба велась главным образом при сплаве вниз по течению, редко – от подножия скалы, с противоположного берега и сверху по течению реки. К стрелам прикреплялись жертвенные дары (в основном части животных) (Сериков Ю.Б.1996).

В 1998 году разведкой под руководством Яминова А.Ф. было произведено исследование святилища на горе Тура-Тау (открыто в 1951 году Викторовым В. И интерпретируемое им как городище Тура-Тау).

Р.Г. Кузеев в своей монографии «Происхождение башкирского народа» отмечает, что Тура-Тау мадьярский – ороним и переводит его как «Бог-Гора», или «Гора-Святилище».

Гора находится в 13-14 км от г. Стерлитамака, в Ишимбайском районе республики Башкортостан. Высота горы 120 м. Южный склон скалистый крутой. Восточный северный и западный более пологие. Площадка довольно ровная 100x10-60 м, слабо задернована. С северо-востока, востока и юго-востока прослеживаются остатки рва глубиной 0,1-0,4 м, которые, по моему мнению, являются сакральной границей святилища. Исследование рва показало, что он был заполнен большим количеством кальцинированных костей и керамики.

На поверхности собрано 900 фрагментов керамики, в основном не орнаментированной (90%). Все фрагменты сосудов имеют тонкие стенки, примесь талька и песка в тесте. В большинстве покрыты ангобом. Орнаментированная керамика (10%) представлена фрагментами сосудов Кушнаренковской и Караякуповской культур, что позволяет датировать памятник VII-IX вв. Наличие фрагментов Булгарской керамики и керамики чияликского типа ограничивает время существования святилища XIV в.

Индивидуальные находки представлены: двумя костяными проколками, амулетом из клыка медведя, двумя лепными пряслицами различной формы, заготовки под пряслице из стенки сосуда, кресальным камнем, двумя тёрками из гальки, пятью пряслицами из стенки сосуда, железной печаткой, бубенчиком, альчиком, монетами (1773, 1883, 1922 гг.). Пряслица, кресальный камень и амулет из клыка медведя, сакральная граница святилища с восточной стороны позволяют предположить о существовании соляного культа (Сериков Ю.Б. XIII УАС г. Уфа) и его связи с культом священной родовой горы на святилище Тура – Тау. В 2000 году при исследовании окрестностей горы у восточного склона экспедицией Стерлитамакского археологического объединения под руководством автора было обнаружено два поселения, материал которых полностью идентичен материалу со святилища Тура Тау.

На поселении Тура Тау1 был обнаружен жертвенник в виде курганной насыпи овальной формы (210/170см) с впадиной диаметром 50см. Находки были представлены керамикой кушнаренковского типа, пряслицем. Гора Тура-Тау до этнографической современности является родовым святилищем племени Юрматы, которое по праздникам совершает восхождение на гору. Было установлено, что люди, поднимающиеся на гору, пишут на камнях свои пожелания и кладут их надписью вниз. Считается, что все эти желания обязательно исполнятся. Местные жители называют Тура – Тау: «самой главной горой», подчеркивая ее доминирующее положение, но отношению к другим. Таким образом, время функционирования святилища определяется с VII по XX век. На сегодняшний день святилище Тура – Тау является самым южным известным угорским святилищем данного типа, поэтому его исследование закрывает приуральскую лакуну.

Следующий рассматриваемый нами памятник на горе Юрак-Тау («Сердце – Гора») Гора расположена в 3-х км к югу от села Красный Яр, Стерлитамакского района. Высота горы – 90 м. Западный и северный склоны крутые, южный и восточный пологие. Вершина горы – плоская площадка 15х8 м.

Собранная керамика аналогична керамике со святилища Тура-Тау, т.е. время функционирования святилища определяется с VII по XIV век.

Приведенный археологический и этнографический материал свидетельствует о широком распространении у башкир-язычников почитания духа гор как первопредка и горы как центра родовой и племенной территории. Археологические аналогии и древние пласты эпоса Урал-батыр показывают, что культ гор существовал на Урале начиная с эпохи каменного века и дожил у башкир до принятия ислама, а некоторые рудименты этих представлений сохранялись и значительно позднее, вплоть до нашего времени.

М.Д. Тикеев

(Стерлитамак, Стерлитамакский государственный педагогический институт)

Монгольские курганы близ с.Азнаево (Башкортостан)

В 1998 г. археологической экспедицией СГПИ совместно с ИИЯЛ УНЦ РАН и НПЦ по охране памятников истории и культуры было изучено 4 каменных кургана в Ишимбайском районе РБ (т.е. Приуралье). Это единственные подобные памятники в данном регионе и результаты работы можно смело назвать уникальными.

КУРГАН №1

Круглая насыпь из крупных камней, диаметром 11 м. В центре – округлая, заплывшая западина диаметром 1 м., в которой найдены мелкие кости и угольки. Следов погребения не обнаружено.

КУРГАН №2

Овальная каменная насыпь 4х2 м. Могильная яма простая. Ориентировка костяка западная.

Вещевой инвентарь: под головой обнаружено 2 железных стремена; железные пряжки; кашинное украшение-амулет с остатками зеленой краски (хорезмийского происхождения); костяные – бляха, обкладки на лук, бусина и проколка; поясной гарнитур (пряжки, наконечники ремней), относящийся к кругу предметов аскизской культуры; берестяной колчан с фигурными и резными костяными накладками; бронебойный черешковый наконечник стрелы.

КУРГАН №3

Овальная каменная насыпь 2х1 м. Следов погребения не зафиксировано, найдены только мелкие обломки костей.

КУРГАН №4

Овальная каменная выкладка 3х2 м. под которой на древней поверхности лежал костяк мужчины головой на запад (могильная яма фактически отсутствует).

Вещевой инвентарь: под головой (как и в кургане №2) обнаружено 2 железных стремена; железные кольцо, нож, сабля с перекрестьем.

Датировка и этнокультурная интерпретация.

При датировке памятника использовалась хронологическая типология Г.А.Федорова-Давыдова (Федоров-Давыдов Г.А., 1966). Согласно ей, стремени относятся к типам ВIV, ДII и ДIII, датируясь XIIIв., даже первой его половиной (по стремени типа ДIII). Время бытования берестяного колчана начинается с XIIIв. Наконечник стрелы – тип ВIV, сабля с перекрестьем типа БI имели широкие рамки бытования и относятся к X-XIVвв.

В целом курганы азнаевского погребального комплекса можно датировать XIII в., более того первой половиной XIII в.

Этнокультурная принадлежность памятника определялась на основе сравнительно-типологического анализа погребального обряда (курганы №2, №4) и особенностей конструкции курганов, не содержащих погребения (курганы №1, №3). Ближайшие прямые аналогии азнаевским курганам мы обнаруживаем на территории Прибайкалья и Забайкалья. Так, курган №1 типологически примыкает к жертвенно-поминальным памятникам Забайкалья (Новоселиха) – большая круглая насыпь из камней, западина в центре, отсутствие погребения. Курганы №2,3,4 (небольшая овальная каменная насыпь, простая могильная яма, стрелена под головой) по комплексу характерных признаков относятся к кругу памятников саянтунской культуры Прибайкалья и Забайкалья (Асеев И.В., Кириллов И.И., Ковычев Е.В., 1984), являясь, «по сути, памятниками... монголоязычных этнических групп» (Яминов А.Ф., 1995, с.68).

Таким образом, курганы азнаевского погребального комплекса относятся к памятникам первой волны монгольской миграции в южноуральский регион (позднее подобные памятники появляются здесь в большом количестве – свыше 20-ти, в основном на территории степного Зауралья), легко укладываюсь в общую схему военно-политической истории евразийских степей XIII в. Полученный материал позволяет определить азнаевский погребальный комплекс как захоронения представителей монгольских войск, прошедших огнем и мечом Сибирь (аскизская поясная гарнитура), Среднюю Азию (хорезмийское украшение) и направленных на покорение восточных окраин Дешт-и-Кипчак, Южного Приуралья, Волжской Болгарии. Это сужает хронологическую дату погребения до 1221-1236 гг.

С.Н. Япрынцева

(Стерлитамак, Стерлитамакский государственный педагогический институт)

Классификация золотоордынских зеркал

Объект нашего исследования – металлические зеркала, получившие широкое распространение в золотоордынское время. Прделанная работа имела в качестве цели две основные задачи: разработать классификацию зеркал Золотой Орды и на ее основе проанализировать содержание и семантику изображений на них.

В ходе работы рассматривалось не только мифологическое значение ряда мотивов, но и культурно-философское их содержание (семантика); не только традиционная точка зрения, но и некоторые малоизвестные трактовки значения символики золотоордынских зеркал.

За основу мы взяли следующую классификационную систему: отделы выделены по форме бортика (по принципу Г.Ф.Поляковой), типы – по изображению на зеркале. В итоге мы выделили пять основных отделов (видов) зеркал.

- 1) с высоким узким бортиком;
- 2) с широким массивным бортиком;
- 3) с широким треугольным в сечении;
- 4) с низким валикообразным;
- 5) без выраженного бортика.

Помимо того, что такая классификация является одной из наиболее удачных и признанных, она позволяет классифицировать также и сами изображения на зеркалах. То есть тип бортика и тип изображений оказывается вполне сопоставимым. В результате анализа различных зеркал мы пришли к выводу, что для первого отдела характерны изображения рыб, цветочный орнамент в виде распустившихся бутонов и гон зверей среди спиралевидных растительных побегов. На зеркалах второго отдела чаще всего изображены два симметрич-

но расположенных дракона и цветочный орнамент с арабской надписью по краю зеркала. Для зеркал третьего типа свойственно изображение S-видных фигур и концентрических окружностей; четвертого – штриховой орнамент, стыкующиеся окружности и 6- лепестковые розетки; на зеркалах пятого отдела, как правило, изображены крестовидные фигуры.

Особенности изображений, связанные с технологическими особенностями изготовления зеркал, позволяют говорить, что зеркала 4-го и 5-го отдела были распространены преимущественно у степных кочевников Евразии; зеркала 1-го отдела – местные, изготовленные в европейской части Золотой Орды; зеркала 2-го отдела – привозные (как правило, с Дальнего Востока). Что касается зеркал 3-го отдела, то они, по-видимому, составляют переходную группу.

Таким образом, в мифологической картине мира, отраженной, помимо прочего, в семантике золотоордынских зеркал, наблюдается сложная смесь совершенно разных влияний. При этом все элементы данной системы образовывали достаточно стройную, хотя и не лишенную противоречий, религиозно-мифологическую концепцию. Все это причудливое своеобразие нашло отражение в таком интереснейшем культурно-историческом феномене, как декоративно-прикладное искусство Золотой Орды.

Научный руководитель – д.и.н. В.А. Иванов

*П.В. Мандрыка, Е.А. Свалова
(Красноярск, Красноярский государственный университет,
Красноярский государственный педагогический университет)*

Средневековый слой поселения Шилка-9

В последние полтора-два десятилетия в подтайге Среднего Енисея было найдено и частично раскопано незначительное число многослойных поселений, на которых присутствует культурный слой эпохи развитого средневековья. Расширение комплексных исследований на поселенческих комплексах и определение их функционального назначения позволит со временем прогнозировать местонахождение других типов средневековых памятников, в том числе и могильников. Имеющиеся, к настоящему времени, материалы позволяют начать работу по восстановлению протекавших культурно-исторических процессов конца I – начала II тысячелетия нашей эры на территории пограничья тайги и лесостепи, где осуществлялись контакты северных охотников и рыболовов с представителями государства енисейских кыргызов. Поэтому открытие и исследование каждого нового памятника на территории этого слабоизученного района вызывает определенный научный интерес.

В 1999 году, в ходе сплошного обследования территории Усть-Шилкинского археологического микрорайона, было открыто новое многослойное поселение Шилка-9. Оно расположено на 7-8-метровой террасе правого берега р.Енисея в 350 м выше устья р.Шилка. За два года работ Археологической экспедицией Красноярского госуниверситета было изучено 275 квадратных метров площади памятника. На поселении Шилка 9 было выявлено пять культурных слоев, из которых второй относится к эпохе развитого средневековья. Материалы этого слоя и легли в основу данного сообщения.

В ходе археологических раскопок на поселении Шилка 9 были зафиксированы следы железоплавильного производства. К ним относятся скопление шлаков (в количестве 28 штук), которые размещались возле массивного камня, служившего, очевидно, наковальней. Здесь же отмечены две глиняные трубки – воздуходувные сопла. Возле наковальни и в 9 метрах севернее прослежены пятна прокаленной почвы, мощностью не более 10 см, которые не содержали древесных углей. Возле второго кострища была воткнута железная про-

колка с лировидным навершием, в виде двух окончаний, завернутых в спираль, внешний край которых украшен насечками. Сечение проколки квадратное, длина – 13,6 см. Есть основания предполагать, что наличие воткнутой в слой проколки говорит о совершении каких-то ритуальных действий, связанных с выплавкой железа, что находит подтверждение многочисленными этнографическими примерами.

Керамическая коллекция второго культурного слоя включает 141 фрагмент, из которых 12 венчиков. Все черепки представляют обломки 9 горшков, украшенных по-разному. Семь сосудов, по форме и орнаменту, принадлежат к одному типу. Это горшки с профилированной шейкой и отогнутым наружу краем, обрез которого рассечен ногтевыми оттисками (рис. 2-1-3, 6-9). На уровне слоя также найден сосуд, который, возможно, представляет горшок, орнаментированный в зоне плечиков линиями оттисков зубчатого штампа. Еще один сосуд из слоя представлен горшком с выпуклым наружу венчиком, который украшен рядом зубчатого штампа, между которыми проходит гладкое ребро.

В северо-восточной части раскопа были найдены обломки двух каменных рыболовных грузила, что указывает на занятие обитателями поселения рыболовством. Грузила изготовлены из продолговатых округлых галечников, на торцах которых, для привязи, сделаны выемки.

Кроме этого, в раскопе были найдены мелкие фрагменты трубчатых костей животных, которые косвенно могут указывать на охотничий промысел обитателями поселения.

На датировку слоя в пределах X-XIII вв. н.э. указывают наличие железной проколки с лировидным навершием, окончания которого оформлены в виде бараньих рогов, а также присутствие разнотипной керамики. Ближайшими аналогами железной проколки можно отметить находки из могил и культовых захоронений VI-X вв. н.э. Усть-Ковинского могильника (Леонтьев В.П., Дроздов Н.И., 1996, С.42; Гревцов Ю.А., 1991, С.11). Аналогичные изображения бараньего рога – плоские спирали с рядами насечек, встречаются на ножах и булавах из памятников аскизской культуры Минусинской котловины (Кызласов И.Л., 1977, С.88).

Рассматривая незначительную, но разнотипную выборку керамической посуды из Шилки 9, необходимо отметить ее одновременность. Сопоставляя эту керамику с сосудами из других памятников подтайги и тайги Среднего Енисея, а именно из поселений Язаевка, Бобровка и городища Лесосибирское 1, отмечается большой коэффициент сходства. Присутствие на этих памятниках разнотипной посуды, возможно, объясняется разнокультурным или разноэтническим составом населения, связанного с проникновением в автохтонную среду элементов енисейских кыргызов. Это отражается в присутствии керамики I типа, которая очень широко распространена на памятниках Красноярской лесостепи (Карцов В.Г., 1929; Мандрыка П.В., 1998, с.61-69; Беликова О.Б., 1996). Причем, следует заметить, что с продвижением на север, количественный показатель такой керамики в средневековых слоях поселений уменьшается. Количественный показатель же керамики, украшенной оттисками зубчатого штампа – увеличивается, что говорит о северном ее происхождении, связанного с таежными районами Енисея и Ангары.

Таким образом, обнаруженные в раскопе материальные остатки культурного слоя X-XIII вв. н.э. памятника Шилка 9 представляют южную окраину поселения, центр которого располагается где-то в северной части территории Усть-Шилкинского археологического микрорайона. О сезонности ее использования говорят слабая мощность и насыщенность культурного слоя на вскрытом участке, отсутствие здесь следов жилищных сооружений, присутствие незначительных остатков основной хозяйственной деятельности (мелких фрагментов керамики, обломков рыболовных грузил, единичных фрагментов костей животных). На этой же окраине поселка устраивалась площадка для разовой выплавки железа, о чем говорят отмеченные остатки железоплавильного производства.

Г.В. Мамонтов
(Чита, Забайкальский государственный педагогический университет)

Могильный комплекс Дворцы: хронология и этническая принадлежность

Могильный комплекс Дворцы расположен в 20 км к СЗ от г. Читы, на левом берегу р. Кадалинки, на южных склонах горы, расположенной между ручьем Красатун и горой Кабинетской. Раскопки его проводились Верхнеамурской археологической экспедицией в 1975 и 1993 гг. В состав комплекса входят 9 могильных групп, отстоящих друг от друга на расстоянии от 50 до 150 м. Каждая группа включает в свой состав от 3 до 9 погребений, относящихся к эпохе бронзы, раннего и позднего средневековья. В настоящем докладе мы рассматриваем погребения так называемой Ундугунской культуры (XII – XV вв.), входивших в состав шести могильных групп (№№ 3, 5-9).

На поверхности погребения были выражены каменными выкладками подчетыреугольной, овальной и вытянуто-овальной в плане форм, часто разреженными в центральной части. Длинными сторонами они были ориентированы по линии С-Ю. В разрезе кладки оказывались одно-трехслойными, с крупными камнями по краям и мелкими в центре. Умершие были похоронены в узких, подпрямоугольных в плане могильных ямах, достигавших глубины 40-120 см. Они лежали на спине, в вытянутом положении, головой на С, СВ или СЗ. В большинстве случаев, они покоились в деревянных колодах ладьевидной формы, длиной от 140 до 240 см. Вместе с тем встречались погребения в берестяном коробе и на грунте.

Во многих погребениях были зафиксированы остатки поминальных кострищ и жертвенные кости ног барана (овцы), стоявшие в изголовье умерших.

Сопровождающий инвентарь типичен для погребений ундугунской культуры. Он включает в себя предметы конской сбруи, вооружения, быта, металлообработки, а также украшения.

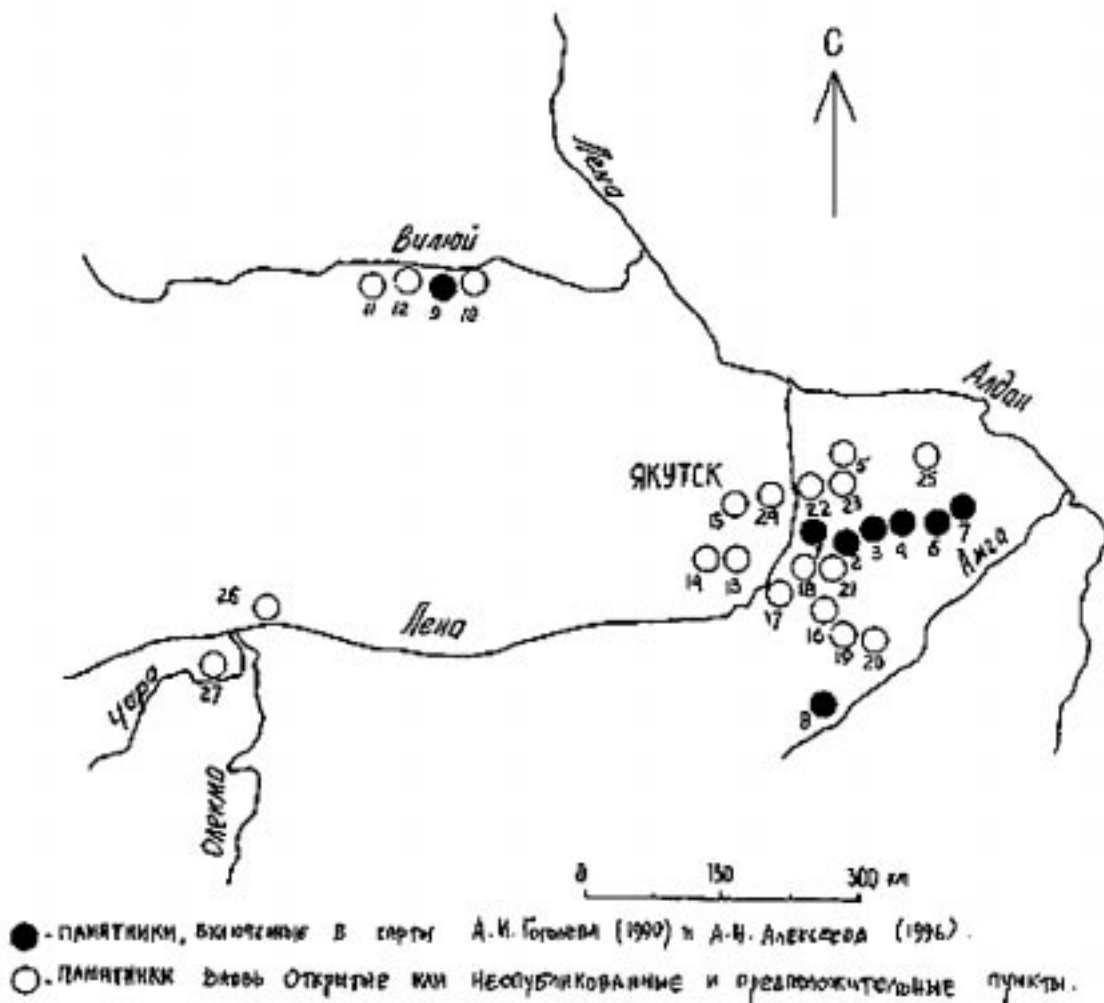
Широко представлены, прежде всего, костяные и железные наконечники стрел. Последние делятся на две группы: плоские и трехлопастные. Среди плоских нами выделены: наконечник в виде расширяющейся к острию лопаточки, овально-крылатый, двурогий и пламевидный. Трехлопастные ярусные наконечники имеют фигурные острия и покатые плечики. Некоторые наконечники оснащены костяными свистунками. Костяные наконечники относятся к черешковым, ромбическим в сечении. Кроме того, был найден один втульчатый наконечник пулевидной формы. В целом, костяные наконечники стрел менее разнообразны, чем железные, что связано, видимо, с ограниченным использованием их в военной практике.

Для «изошрения» наконечников стрел использовались железные напильники, которые хранились вместе с наконечниками в колчанах.

Колчаны располагались справа от костяков, были изготовлены из слоя бересты, скрученной рукавом. Они имели зауженную горловину и более широкое дно. Зафиксированная длина их 60-70 см. Стрелы в них помещались остриями вверх. К поясу они крепились при помощи железных крючков двух типов: щитковых и проволочных.

Защитное вооружение представлено несколькими железными панцирными пластинами, прямоугольной формы. Немногочисленность находок их в каждом отдельном погребении, свидетельствует об отсутствии сплошного металлического доспеха (кирасы) у племен ундугунской культуры.

Из предметов конского снаряжения следует отметить железные двусторонние удила с кольчатыми псалиями и железные стремяна арочной формы, с прямоугольной петлей в дужке и слегка вогнутой подножкой. Сюда же мы относим железные и костяные подпружные пряжки, а также бронзовые и костяные ворворки, уплощенно-конической формы, с отверстием в центральной части.

Кроме того, в погребениях встречены узкие однолезвийные железные ножи, костяные и железные шилья (кочедыки) и железные кресала. Единственным экземпляром представлен костяной рыболовный крючок размерами 4 X 7,8 см. В нескольких погребениях были найдены небольшие льячики, для розлива металла, изготовленные из листовой меди и имевшие воронкообразную формы. Находки их указывают на то, что изготовлением мелких поделок из мягкого металла (меди, серебра, золота?) население ундугунской культуры занималось самостоятельно.

Из предметов украшений отметим, прежде всего, бусы из стекла и камня, имевшие различную форму: шаровидную, цилиндрическую, граненую и эллипсоидную. Наряду с ними были найдены различные по форме бронзовые подвески и нашивки на одежду. От поясов сохранились бронзовые и костяные бляхи (некоторые со следами геометрического орнамента); бронзовые удлиненно-прямоугольные обоймы и бронзовые бляхи концевой типа. Железные поясные пряжки обычно овально-прямоугольной формы; а единственная бронзовая поясная пряжка имела восьмеркообразную форму и подвижный железный язычок. В одном экземпляре встречен также бронзовый колокольчик, на котором сохранились остатки кожаного ремешка, указывающего на способ его ношения.

Особый интерес представляют три бронзовых дисковидных зеркала, с шишечкой-петлей на обратной стороне. На внутреннем поле двух зеркал помещено изображение маньчжурской астры, а третье зеркало орнаментировано сценкой из буддийской жизни. В Восточном Забайкалье подобные зеркала, с указанными сюжетами, встречаются обычно в погребениях монголов XII-XIV вв. Многие из них попадали на территорию края из Цзиньской империи и Сунского Китая в качестве военной добычи монголов. Вместе с тем, сами монголы, а также, видимо, и население ундугунской культуры, занимались изготовлением таких зеркал самостоятельно, копируя известные уже образцы. Поэтому, в отличие от китайских оригиналов, зеркала местного производства были худшего качества и имели размытые сюжеты, как и в случае с зеркалами из могильного комплекса Дворцы. Вместе с тем, находки таких зеркал подтверждают общую датировку этого комплекса XIII-XIV вв.

На эту дату указывают и другие серии предметов, полученные из дворцовских погребений, и прежде всего железные наконечники стрел, основные формы которых хорошо известны у тех же монголов XII-XV вв.; двусоставные кольчатые удила, с неравными половинками, а также стремена арочной формы, с вогнутой подножкой.

Вместе с тем, погребения из местечка Дворцы, с полным основанием следует отнести к памятникам ундугунской культуры, принадлежащей, как считают исследователи, тунгусоязычному населению северных областей Забайкалья, проживавшему на границе степи и тайги. На это указывают особенности погребального обряда, зафиксированные при исследовании дворцовских погребений; общий облик погребального инвентаря, копирующего во многом инвентарь ундугунских памятников из других районов, а также характер расположения погребений на местности: на облесенных склонах гор и их вершинах, что было свойственно «конным эвенкам» XVI-XVII вв. Дворцовские погребения, очевидно, принадлежали предкам «конных эвенков», находившимся в тесных контактах со степными монголами этого региона. Возможно поэтому, китайские историки автоматически включали эти племена в состав «диких» или «лесных» монголов, подразумевая прежде всего участие этих племен в политических событиях того времени. В любом случае, исследование новых погребений ундугунской культуры на территории Восточного Забайкалья способствует раскрытию многих вопросов этнокультурной и политической истории этого региона.

Научный руководитель – к.и.н. Е.В. Ковычев

В.В. Сидоров

(Якутск, Якутский государственный университет)

Проблемы изучения кулун-атахской культуры на современном этапе

Кулун-атахская средневековая культура Якутии, по сравнению с другими археологическими культурами, изучена недостаточно полно. В 1940-е гг. Ленская историко-археологическая экспедиция во главе с А.П. Окладниковым в 300 км от г. Якутска обнаружила несколько поселений, на материалах которых была выделена культура «малых домов». Керамика из этих поселений сочетала черты раннего железного века и новаций, связанных с курыканским влиянием. А.П. Окладников предположительно датировал культуру «малых домов» XV-XVI вв. (Окладников А.П., 1945, с. 57-58, 83-84).

В 1970-е гг. И.В. Константинов поддержал мнение А.П. Окладникова о том, что культура «малых домов» представляет собой переходный этап в эволюции культуры от раннего железного века к позднейшей якутской, но удревнил ее до XIII-XIV вв. (Константинов И.В., 1978, с. 48-49).

А.И. Гоголев открыл и исследовал т.н. «кулун-атахскую» культуру, которую датировал XIV-XVI вв. и отнес к пришлым тюркам-скотоводам с небольшими элементами культуры местного железного века. А.И. Гоголев высказал мнение о том, что культура «малых домов» является окраинным бескотловодческим вариантом кулун-атахской культуры (Гоголев А.И., 1990, с. 49-50). А.И. Гоголевым были впервые открыты и систематизированы памятники кулун-атахской культуры XIV-XVI вв. (Кулун-Атах, Лонху, Уганья, Ус-Кюэль, Тумул, Куоладыма, Малла, Сырдык Сулус). Была предложена периодизация, составлена типологическая таблица керамики и инвентаря, а также карта распространения поселений (Гоголев А.И., 1990, 1993).

А.Н. Алексеев поддерживает взгляды А.П. Окладникова и И.В. Константинова и считает, что культура «малых домов» предшествовала кулун-атахской. Им открыты поселения кулун-атахской культуры в 500 км от г. Якутска на реке Вилюй: Нууча Кюэль II, IV и Хохоной I, II (Алексеев А.Н., Воробьев С.А., 1988, с. 90-91). В 1985-87 гг. в ходе охранно-спасательных работ на правом берегу р. Лена были открыты поселения Буор Дьэ VII, VIII, где обнаружена керамика с налепными «жемчужинами», которую исследователи отнесли к кулун-атахской (Алексеев А.Н., Черосов Н.М., Кириллин А.С., 1988, 91-92).

И.Г. Березкин сделал ряд выводов по данной культуре и описал несколько погребений XV в. (Билир, Шестаковка, Арангас, Бьянгай). Он предположил, что носителями культуры «малых домов» были бежавшие в силу ряда причин кыргызы, которые вступили в этническое взаимодействие с юкагирами (Березкин И.Г., 1987, с. 24-25).

Н.П. Прокопьев в 1990-х гг. сделал ряд открытий кулун-атахских поселений на правом берегу р. Лена в Мегино-Кангаласском улусе Якутии (Улуйбу I, II, Мамыкан, Бютейдях, Сэндиэлэ). Также обнаружено детское погребение со скорченным групповым положением. Проводились раскопки, найдено большое количество костяного инвентаря, имеется обширная коллекция керамики. Материалы этих памятников до сих пор не опубликованы.

Якутским отрядом археологической экспедиции ЯГУ в 1999 г. на левом берегу р. Лена в окрестностях г. Якутска было обнаружено поселение кулун-атахской культуры Орбита-16 км, где найдены фрагменты сосуда, датированного сырдыкским этапом (Дьяконов В.М., 2000). Ранее считалось, что исследуемая культура была распространена лишь на правом берегу р. Лены.

Над данной темой работали также школьники Токкинской и Тандинской средних школ Олекминского и Усть-Алданского улусов Якутии, под руководством учителей П.Д. Габышева и Н.Н. Тарского. Ими были обнаружены несколько поселений и одно погребение, предположительно датированное кулун-атахской культурой (Токко, Тыймыттах, Кыллахское погребение). Материалы этих исследований не опубликованы.

Главной проблемой изучения кулун-атахской культуры является отсутствие хорошо датированных погребений. А.И. Гоголевым, И.Г. Березкиным, Н.П. Прокопьевым были исследованы или зафиксированы погребения, предварительно отнесенные к XIV-XVI вв., для которых общим было наличие берестяных гробов. Так, А.И. Гоголев описал погребение, в котором тело было закрытой сшитой из нескольких кусков бересты. И.Г. Березкин сообщал о телах, завернутых или находящихся в гробу типа лодка. Интересно также погребение, о котором сообщал Н.П. Прокопьев. Захороненное тело ребенка помещено в цилиндрический сосуд из бересты с крышкой. Такие погребения характерны для тюрков Западной Сибири и средневековых хори Забайкалья (Дашибалов Б.Б., 1995, с. 159; Пилипенко С.А., 2000, с. 43). Таким образом, можно заключить, что карта распространения культуры и предположения исследователей нуждаются в дополнениях и обобщении (см. рисунок). Необходимо ввести в научный оборот ряд неопубликованных материалов и археологических коллекций.

Научный руководитель – В.М. Дьяконов

А.Л. Антонов
(Тюмень, Институт проблем освоения Севера СО РАН)
Средневековые погребения Хрипуновского могильника
(антропологический аспект)

В результате археологических раскопок Хрипуновского могильника в 2000 году, который расположен близ села Красногорского Исетского р-на Тюменской области, было исследовано несколько погребений (автор раскопок д.и.н. Матвеева Н.П.). Часть из них врезана в могильные камеры алакульских погребений эпохи бронзы. Они содержали антропологический материал, но без сопроводительного инвентаря. Поэтому однозначно датировать данные погребения не представляется возможным, проблематичным является и их культурная атрибутика. По некоторым особенностям погребальной обрядности захоронения во многом сходны с обрядностью погребений эпохи позднего средневековья из могильника Окунево на Таре в Омском Прииртышье.

Исследовано 6 черепов, из них 2 мужских и 4 женских. Материал хорошей сохранности – костяки располагались в полном анатомическом порядке, однако один из черепов (мог. 37, скелет 1, муж., 50-55 лет) имел следы механической деформации, поэтому исследован не по полной краниометрической программе.

Задача исследования сводится к определению антропологического типа погребенных индивидов, его сопоставлению с известными в Западной Сибири средневековыми краниологическими сериями и предварительному выяснению на этом основании места хрипуновской серии в системе расовых типов. В первом приближении это позволит соотнести выборку из Хрипуновского могильника с теми или иными средневековыми этническими группами.

Мужские черепа характеризуются малой величиной продольного и средней величиной поперечного диаметров, поэтому по указателю брахикранные, высота мозговой коробки на границе средних и больших величин, по высотно-продольному указателю – гипсикранные, по высотно-поперечному – метриокранные (табл. 1). Лоб широкий и наклонный. Лицо средней высоты, широкое, по указателю мезопрозопное. По общему лицевому углу лицо характеризуется мезогнатией, но отмечается прогнатизм альвеолярной части. Величина зигго-максиллярного угла варьирует в малых/средних пределах, назо-малярный угол средней величины, поэтому в горизонтальной плоскости лицевой скелет профилирован умеренно. Клыковая ямка выражена умеренно.

Орбиты характеризуются большой шириной и средней высотой, по указателю мезоконхные. Высота носа колеблется между средними и большими величинами, ширина его большая, поэтому по указателю он хамэринный. Переносье средней ширины и высоты как по дакриальным, так и симотическим размерам. Передненосовая ость среднеразвитая, нижний край грушевидного отверстия антропинной формы.

Строение женских черепов во многом сходно с мужскими, но они имеют более брахикранный форму. Лоб средне/широкий. Как среди женских, так и среди мужских черепов в вертикальной норме преобладают овоидные варианты. Рельеф надпереносья и затылка выражен умеренно. Орбиты не очень высокие, средней ширины, мезоконхные. Нос малой высоты и средней ширины, по указателю хамеринный. Горизонтальный профиль переносья умеренный как по дакриальному, так и по симотическому углам.

Общее морфологическое строение черепов, а также величины обобщенных коэффициентов уплощенности лицевого скелета по Дебецу (муж. – 69,53; жен. – 69,25), преаурикулярные фацио-церебральные соотношения (муж. – 93,4; жен. – 93,3) и условная доля монголоидного элемента (муж. – 69,98; жен. – 64,653) свидетельствуют о том, что хрипуновская выборка, в целом, занимает промежуточное положение между европеоидными и монголоидными расовыми вариантами, но с большим тяготением в сторону последних.

Таблица 1

Средние размеры и указатели черепов из погребений Хрипуновского могильника

Признак	м		ж		м+жм		ж+мж	
	х	п	х	п	х	п	х	п
1. Продольный диаметр	147,0	(1)	169,7	(4)	176,7	(5)	168,9	(5)
8. Поперечный диаметр	142,0	(1)	145,0	(4)	149,0	(5)	143,7	(5)
17. Высотный диаметр	138,0	(1)	126,3	(3)	133,6	(4)	127,7	(4)
8:1. Черепной указатель	81,6	(1)	85,9	(4)	84,3	(5)	85,2	(5)
5. Длина основания черепа	105,0	(1)	95,3	(3)	101,5	(4)	96,4	(4)
9. Наименьшая ширина лба	98,0	(1)	91,2	(4)	94,9	(5)	91,9	(5)
32. Угол профиля лба	58,0	(1)	86,3	(3)	-	-	-	-
40. Длина основания лица	105,0	(1)	95,0	(3)	100,4	(4)	96,4	(4)
45. Скуловой диаметр	134,0	(1)	130,0	(3)	138,0	(4)	128,7	(4)
48. Верхняя высота лица	68,0	(1)	65,5	(4)	69,9	(5)	65,0	(5)
48:45. Верхне-лицевой указатель	50,7	(1)	49,0	(3)	50,4	(4)	49,3	(4)
72. Общий лицевой угол	82,0	(1)	86,0	(3)	-	-	-	-
77. Назо-малярный угол	147,0	(1)	146,9	(3)	-	-	-	-
Zm'. Зиго-максиллярный угол	130,2	(1)	133,8	(3)	-	-	-	-
52. Высота орбиты	34,0	(1)	32,2	(4)	34,4	(5)	32,5	(5)
51. Ширина орбиты от mf.	45,0	(1)	41,7	(4)	43,7	(5)	42,0	(5)
52:51. Орбитный указатель от mf.	75,5	(1)	77,2	(4)	74,6	(5)	77,4	(5)
55. Высота носа	53,0	(1)	49,0	(4)	52,1	(5)	49,1	(5)
54. Ширина носа	29,0	(1)	24,7	(4)	26,3	(5)	25,3	(5)
54:55. Носовой указатель	54,7	(1)	50,5	(4)	50,5	(5)	51,5	(5)
75(1). Угол выступания носа	22,0	(1)	20,0	(3)	-	-	-	-
SC. Симотическая ширина	7,5	(1)	7,5	(3)	7,5	(4)	7,5	(4)
SS. Симотическая высота	3,2	(1)	2,4	(3)	3,2	(4)	2,4	(4)
SS:SC. Симотический указатель	71,1	(1)	33,3	(3)	50,7	(4)	33,6	(4)
DC. Дакриальная ширина	21,0	(1)	22,5	(3)	22,7	(4)	21,8	(4)
DS. Дакриальная высота	10,5	(1)	8,6	(3)	9,8	(4)	8,8	(4)
DS:DC. Дакриальный указатель	50,0	(1)	38,9	(3)	44,0	(4)	41,0	(4)

Для сравнительного анализа использованы краниологические серии из примерно синхронных могильников из лесостепного Прииртышья (Окунево), (Багашев А.Н., 1988), южно-таежного Прииртышья (там же), Зауралья (Замараевка) (Дебец Г.Ф., 1948), Барабинской лесостепи (Ким А.Р., 1987), Нарымского Приобья (Тискино и Алдыган) (Багашев А.Н., 2001), Среднего Приобья (Розов Н.С., Дремов В.А., 1966), Нижнего Притомья (Басандайка) (Ким А.Р., 1987), Кузнецкой котловины (Ур-Бедари) (Алексеев В.П., 1974), Северо-западного Алтая (Гилево) (Ким А.Р., 1987), Предгорного Алтая (Сростки) (Дебец Г.Ф., 1948), Горного Алтая (Дебец Г.Ф., 1948).

Сопоставление мужских и женских черепов на предмет степени выраженности полового диморфизма показало, что между ними не проявляется явных отличий, т.е. между антропологическим обликом мужских и женских черепов расхождения несущественны. В связи с малочисленностью исследуемых черепов, для стабилизации общей изменчивости в выборке, на основе коэффициентов полового диморфизма (Алексеев В.П., Дебец Г.Ф., 1964) пересчитаны, в одном случае, размеры женских черепов, в другом – мужских. Суммирование полученных данных и сопоставление комбинированных средних характеристик показало, что внутрigrupповая изменчивость как в мужской, так и в женской совокупностях уменьшилась в 2-3 раза, а по некоторым размерам и более (табл. 1). Поэтому межгрупповой анализ проводился по комбинированным группам.

На первом этапе, сопоставление осуществлялось по методу Л. Пенроза путем вычисления обобщенных коэффициентов (табл. 2). Их анализ показал, что и мужская, и женская части хрипуновской выборки наибольшее сходство обнаруживают с серией из лесостепного Прииртышья сер. II тыс. н.э., основную часть черепов которой составляют находки из могильника Окунево III и IV. Значительное сходство черепа из могильника Хрипуны обнаруживают также с черепами, происходящими из могильников Среднего Приобья, которые связываются в происхождении с самодийской линией расогенеза (Розов, Н.С., Дремов В.А., 1966) и древнеселькупскими черепами из могильников Нарымского Приобья (Тискино, Алдыган). Группы из Нижнего Притомья и Кузнецкой котловины несколько отдаляются от хрипуновской группы (но по женским материалам сходство проявляется более отчетливо). Наибольшие морфологические различия черепа из могильника Хрипуны обнаруживают с рядом выборок из могильников Алтая, особенно Горного.

Для определения общего характера изменчивости в совокупности всех групп и для выяснения особенностей их взаиморасположения массив краниологических данных проанализирован с помощью метода главных компонент. Величины факторных нагрузок по первым двум главным компонентам показали, что наибольшие нагрузки по признакам I фактора падают на серии, в которых преобладают черепа с крупным лицом, высоким переносьем и большим углом выступания носа, наименьшие, соответственно, наоборот. По признакам II фактора наибольшие нагрузки приходятся на серии высоких и более узких черепов с ослабленной горизонтальной профилировкой лицевого скелета.

Как видно из особенности расположения серий в пространстве I и II главных компонент (рис. 1), в положительном секторе группируются черепа с широким и высоким, относительно уплощенным лицом, но с высоким переносьем и большим углом выступания носовых костей. Это характерно для серий из могильников Северо-западного и Горного Алтая, а так же Кузнецкой котловины.

В отрицательно-положительном поле располагаются серии черепов из Предгорного Алтая и Нарымского Приобья (Тискино), которым присуще невысокое уплощенное лицо, низкое переносье и малый угол выступания носа. В анализируемой совокупности групп в составе этих примесь монголоидного компонента максимальна. Материалы из Барабинской лесостепи обладают комплексом признаков, которые в данной совокупности характеризуются наиболее отчетливо выраженными европеоидными чертами. Это крупный, хоро-

шо профилированный лицевой скелет в сочетании с большой величиной угла выступания носовых костей.

Наконец, в отрицательном поле графика находятся серии черепов с низким переносом, малым углом выступания носа, более узкой мозговой коробкой, но в сочетании с более или менее профилированным по горизонтали лицом. В наибольшей степени это свойственно группам из южно-таежного Прииртышья и Нарымского Приобья (Алдыган). Этот же комплекс, но в несколько ослабленном виде, определяет краниологическую специфику выборок из могильника Хрипуны (Нижнее Приисетье), Окунево (лесостепь Прииртышья) и Среднего Приобья.

Таблица 2
Обобщенные коэффициенты Л. Пенроза между серией черепов из Хрипуновского могильника и привлекаемыми для сравнения группами¹

Группы	м			ж		
	C_R^2	C_H^2	C_Q^2	C_R^2	C_H^2	C_Q^2
Лесостепное Прииртышье, XIV-XVI вв. н. э. (Окунево)	0,331	0,332	0,001	0.248	0.282	0.004
Южно-таежное Прииртышье, рубеж I-II тыс. н. э.	0,403	0,467	0,007	0.637	0.691	0.66
Зауралье, XII-XII вв. н. э. (Замараевка)	0,461	0,467	0,007	0.322	0.342	0.002
Барабинская лесостепь, XI-X вв. н. э.	0,657	0,756	0,120	0.314	0.382	0.008
Нарымское Приобье, XII-XV вв. н. э. (Тискино)	0,411	0,441	0,003	0.300	0.300	0.000
Нарымское Приобье, XI-XIII вв. н. э. (Алдыган)	0,344	0,347	0,000	-	-	-
Среднее Приобье, XII-X вв. н. э.	0,191	0,193	0,001	0.250	0.301	0.006
Нижнее Приобье, XII-XIV вв. н. э. (Басандайка)	0,490	0,490	0,000	0.303	0.427	0.151
Кузнецкая котловина, VIII-X вв. н. э. (Ур-Бедари)	0.470	0.524	0.006	0,338	0,435	0,118
Северо-западный Алтай, VIII-X вв. н. э. (Гилево)	0.622	0.624	0.000	0,710	1,052	0,425
Предгорный Алтай, VIII-X вв. н. э. (Сростки)	0,678	0,754	0,007	0,517	0,654	0,003
Горный Алтай, VII-X вв. н. э.	0,610	0,630	0,001	0,502	0,733	0,281

Таким образом, определенно можно сказать, что черепа из погребений Хрипуновского могильника по особенностям строения сближаются, в первую очередь, с материалами Окуневского могильника, а также со средневековыми сериями Среднего Приобья. Так как окуневские погребения по обрядности соотнесены с тюркскими XIV-XVI вв. н.э., а погребения из могильников Среднего Приобья связываются исследователями с древними селькупам, то однозначного вывода о культурной принадлежности изучаемого материала пока не представляется возможным. Однако, в таксономическом и расогенетическом аспектах хрипуновская выборка с большой долей уверенности может быть включена в число типов обь-иртышского антропологического типа западносибирской расы. Территория распространения различных вариантов обь-иртышского типа связывается с третичным южным западносибирским очагом расообразования, в котором про-

1 Выделены коэффициенты C_R^2 менее 0,400

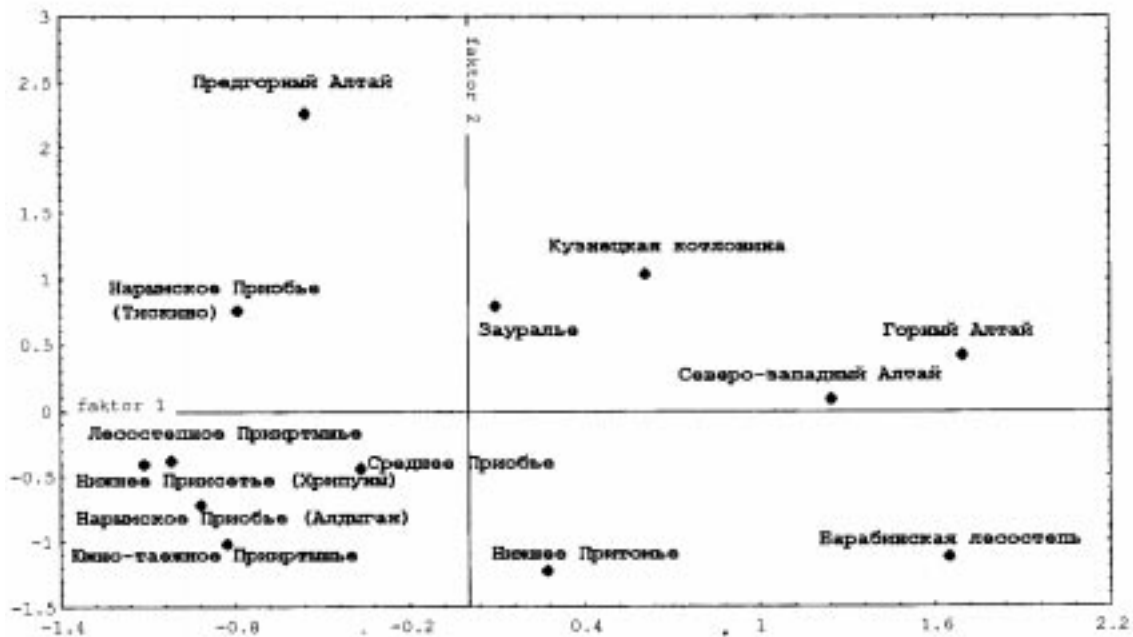

Рис.1. Расположение мужских краниологических серий в пространстве I и II главных компонент

текало формирование южно-самодийских народов (Багашев А.Н., 1998, 2000). Отсюда следует, что хрипуновская популяция может рассматриваться как составная часть антропологических типов, распространенных в эпоху средневековья в южной части Западной Сибири, а в своем генезисе может быть связана с южно-самодийской линией развития.

*Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 01-06-80001.
Научный руководитель – д.и.н. А.Н. Багашев*

В.В. Воронцов

(Новосибирск, Новосибирский государственный педагогический университет)

Бронзовые изображения всадников I – начала II тыс. н.э. с территории Обь-Иртышья

Среди бронзовых изображений эпохи средневековья с территории Обь-Иртышья значительное место занимают фигуры всадников. Им уже были посвящен ряд публикаций (Полосьмак Н. В., Шумакова Е.В., 1989, 1991; Полосьмак Н.В., 1990; Федорова Е.В., 1989). Затрагивались проблемы типологии и интерпретации, дискутировался вопрос о культе всадника у населения Приобья в эпоху средневековья (Федорова Е.В., с.117-120). Целью данной работы является обобщение всех имеющихся бронзовых всадников I – нач. II тыс. н.э. с территории Обь-Иртышья, связанных единым изобразительным образом. Далее мы подробно остановимся на изображениях всадников I – нач. II тыс. н.э. с территории Обь-Иртышья.

1. К числу первых археологических находок с территории Сибири относится бляшка, изображающая всадника на взнузданной лошади, в островерхом шлеме, с луком в руке (рис.1,б). Такие бляшки характерны были для культуры кимаков и кыргызов в IX – X вв.

(Борисенко А.Ю., Худяков Ю.С., 1999, с.296). Она была издана Г.Ф. Миллером в «Истории Сибири» (Миллер Г.Ф., 1999, с.473, рис.24,3)

2. Бронзовое изображение всадника из могильника Рёлка. Найдено в погребении 1 кургана 7, опубликовано Л.А.Чиндиной (Чиндина Л.А., 1981, с.89, рис.1,4; 1991, с.170, рис.30, 9). Сохранность предмета плохая, он пострадал от коррозии и огня. Верхняя часть фигуры всадника и хвост лошади обломаны. Литье плоское, двустороннее. Изображение профильное. Можно восстановить элементы верхового снаряжения коня: украшенные бляшками ремни оголовья. К поясу в наклонном положении подвешен меч или палаш. Датируется VII – VIII вв. н.э. (Чиндина Л.А., 1987, с.90).

3-5. Три фигуры всадников (рис.1,1-3). Одна из них опубликована в 1955 году Р.А. Ураевым (Ураев Р.А., 1955, с.327) и аналогична релкинской. Два других всадника (рис.1,1-2) опубликованы Л.А. Чиндиной как релкинский и собакинский (Чиндина Л.А., 1991, с.170). Н.В. Полосмак предполагает, что эти две фигуры являются утерянными изображениями всадников с Шутовского культового места (Полосмак Н.В., 1990). Один из всадников сидит на лосе, или, по определению Н.В. Полосмак, «небесном лосе – коне» (Полосмак Н.В., 1991, с.191). Датируются эти всадники по аналогии с релкинским VII-VIII вв. н.э. Обращает на себя внимание трехпалость всадника. Обычно три пальца даются на изображениях птиц. Именно поэтому Н.В. Полосмак относит данную бляху к числу фигур всадника-птицы.

6-7. Две одинаковые бронзовые литые бляшки из Холмогорского клада (рис.1,4). Датируются они VI – VII вв. н.э., возможно не позднее первой трети I тыс. н.э. (Федорова Е.В., 1989). Одна из этих блях опубликована Чиндиной (Чиндина Л.А., 1991, с.170), а обе – в «Угорском наследии» (Угорское наследие, 1984, с.81).

8. Обломок бляхи из Айдашинской пещеры (Молодин В.И., 1980, с.165, таб. XXI, 7). Видимо, это часть изделия, аналогичного бляхе из Холмогорского клада. Сохранились часть руки всадника, часть крупа и хвост коня.

9-10. Две бляхи из могильника Барсов городок (Барсовский I могильник). Одна из них почти целая; у второй утрачен собственно всадник, сохранились только изображения ног на корпусе животного. Дадим описание целой фигурки. Она выполнена в технике одностороннего плоского литья. Всадник в шлеме сидит на лошади босиком, выделен признак мужского пола, одна рука лежит на холке коня, у пояса всадника находится сабля. В месте соединения руки и шеи коня сохранилась петелька для подвешивания. Вдоль спины и шеи коня идет кант из перлов. Конь стоит на основании, окаймляющем изображение снизу и орнаментированном перлами.

11. Бронзовое изображение всадника из могильника Архиерейская Заимка (рис.1,7). Датируется VI – VIII вв. н.э. (Беликова О.Б., Плетнева Л.М., 1983, с.213). К изображениям всадников бляха может быть отнесена достаточно условно. На спине лошади, в том месте, где должно быть седло, находится выступ. Четкого изображения всадника нет. Доводом в пользу отнесения этой фигуры к изображениям всадников может быть аналогичное изображение с горы Арчекас, о котором речь пойдет далее.

12. Изображение всадника, найденное на поселении, на горе Арчекас, близ Мариинска (рис.1,4). Всадник изображен в виде головы, расположенной на спине лошади, и свесившейся ноги. Датируется эпохой средневековья (Баухник И.И., 1970, с.53).

13. Бронзовая фигура лошади из Елыкаевского клада. Опубликована В.А. Могильниковым (Могильников В.А., 1968). Сделана способом одностороннего объемного литья, с большими дефектами: не отлиты фигура всадника и ноги лошади, от всадника сохранилась только правая нога в стремени. Лошадь имеет стройный корпус, длинную шею и маленькую голову. Вдоль крупа намечены рельефные поперечные линии. В.А. Могильников датирует Елыкаевскую коллекцию VII – VIII вв. н.э. (Могильников В.А., 1968, с.266).

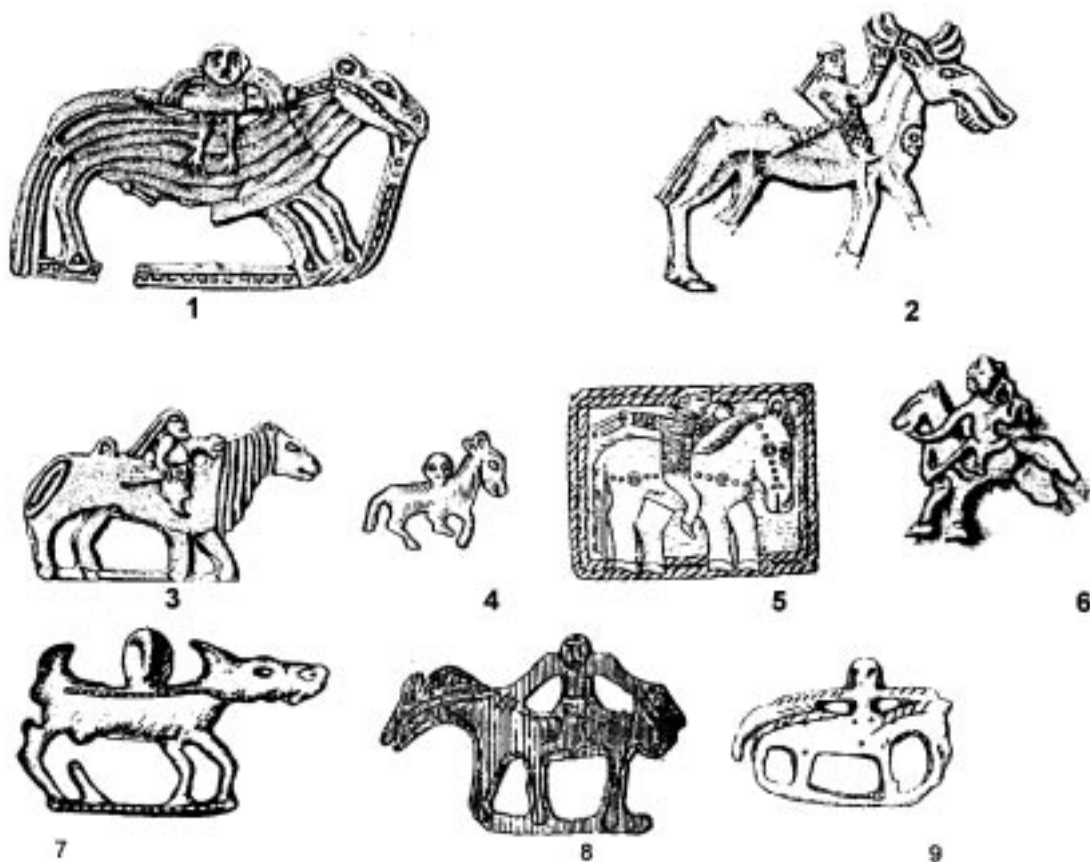

Рис.1. Бронзовые изображения всадников из Обь-Иртышья: 1-3 – Шутовское культовое место (?); 4 – поселение на горе Арчекас; 5 – Холмогорский клад; 6 – Бляшка, изданная Миллером Г.Ф; 7 – Архиерейская Заимка; 8 – случайная находка из Новосибирска; 9 – поселение Кипо-Кулары.

14. Изображение всадника, найденное при раскопках Кипо-Куларского поселения (рис.1,10). Памятник датируется Б.А. Кониковым концом I – нач. II тыс. н.э. (Коников Б.А., 1987, с.169). Изображение плоское, одностороннее, со значительной долей схематизма. Голова всадника, верхняя часть туловища и руки переданы в анфас, конь – в профиль. Руки распростерты в стороны и одна сливается с холкой, а другая с крупом коня.

15. Изображение сходное по манере исполнения с предыдущим – случайная находка из Новосибирска (рис.1,9). В.И. Молодин датирует ее X – XII вв. н.э. (Молодин В.И., 1992, с.165). Всадник показан в фас, с распростертыми в разные стороны руками. Тонкой линией переданы туловище, головной убор, черты лица, ноги, пояс и прикрепленная к нему сабля.

Итак, нами выделено 15 изображений всадников с территории Обь-Иртышья, которые датируются периодом с VI по XII вв. н.э. Хотя некоторые из них датированы достаточно условно. В литературе уже высказывалось предположение о том, что в виде всадника изображалось угорское божество – Мир-Сусне-Хум (Полосьмак Н.В., Шумакова Е.В., 1991; Коников Б.А., 1987).

Данная работа позволяет подтвердить тезис о том, что средневековые это время активного развития культа Мир-Сусне-Хума, изображения которого позднее перекочевали на угорские жертвенные покрывала.

Научный руководитель – д.и.н. Т.Н. Троицкая

Л.А. Бобров
(Новосибирск, Новосибирский государственный университет).

Вооружение и тактика монгольских кочевников эпохи позднего средневековья (XVII в.)

Военная история, тактика, а отчасти и вооружение монгольских кочевников позднего средневековья вплоть до сегодняшнего дня остаются фактически «белым пятном» в отечественной историографии. Только в начале 90-х годов появились работы, рассматривающие элементы вооружения народов северной периферии восточно-евразийской степи (Худяков, 1991, с.87-100; Михайлов, 1993). Среди собственно монгольского военного комплекса было проанализировано только защитное вооружение (Горелик, 1979, с.96-99; Бобров, 2000, с.80-88). Вместе с тем существует значительный массив археологических, иконографических и письменных источников, достаточно полно освещающих интересующую нас тематику.

Оценка эффективности военного искусства того или иного народа складывается из трех основных компонентов: оценки уровня вооружения этноса, его тактических действий на поле боя, общего стратегического итога войны. При анализе двух последних компонентов по отношению к монголам XVII в. исключительно важную роль играют письменные источники их ближайших соседей: маньчжуров, русских, жителей Средней Азии. Большинство из этих работ в последнее время было переиздано и переведено на русский язык («Материалы по истории русско-монгольских отношений» тома 1-3, 1959, 1996, 2000; «Хроники» Шах Махмуда Чураса, 1976, «Записки о монгольских кочевьях» («Мен-гу-ю-му-цзы»), 1895 и т.д.). Труднодоступные материалы китайских авторов привел в своей работе (хотя и не подверг военно-историческому анализу) И.Я. Златкин (1964, 1983). Безусловно, важным иконографическим источником для нас является маньчжурская миниатюра XVII-XVIII вв.

Известные материалы позволяют нам достаточно четко дифференцировать вооружение и тактику монголов XVII в. по географическому и даже этническому признаку. Ключевым моментом в таком разделении являются особенности ведения боя, а так же количество, способы и масштабы применения наиболее совершенного на тот момент типа вооружения: ручного огнестрельного оружия.

Используя подобный подход общемонгольское военное искусство условно можно разделить на два основных компонента: «восточномонгольский» (к его носителям можно отнести халхасцев, монголов государства Алтын – ханов, чахаров, бурятов, а из немонгольских народов – енисейских кыргызов) и «западномонгольский» (или «джунгарский»).

Военное искусство восточных монголов

Вооружение. В XVII в. единственной ударной силой восточномонгольских войск, как и столетия назад продолжала оставаться кавалерия, делившаяся на «легкую» (бездоспешные лучники) и «среднюю» (копейщики – «куяшники») («Материалы...», 2000, с.124, с.144). Последние достаточно широко использовали разнообразные виды защитного вооружения: пластинчато-нашивные и ламеллярные панцири, различные типы шлемов и наручей, как местного, так и иностранного производства (Бобров, 2000, с.81). В государстве Алтын-ханов не только «лутчие люди», но и их кони были защищены «железными доспехами и приправами» («Материалы...», 1959, с. 286). По словам монгольских послов, вплоть до 30-х годов XVII в. «вогненного боя» в кочевьях не было (там же). Да и в более поздний период широкого распространения среди восточных монголов огнестрельное оружие так и не получило. Во многом это было связано с нежеланием оседлых соседей снабжать своего потенциального противника столь совершенным видом вооружения. Причем порой борьба с потенциальной контрабандой принимала достаточно жесткие формы. Так, московские власти не останавливались даже перед обыском официальных монгольских посольств, ведших

переговоры о вхождении своих княжеств в состав Российского государства («Материалы...», 1959, с.289). Похожую позицию заняли и правители Поднебесной.

Комплектование и тактика. Легкую конницу – основу халхасских и чахарских армий составляла народное ополчение скотоводов-аратов. Отряды «средней» кавалерии комплектовались из профессиональных воинов: дружинников владетельных ханов и представителей мелкой феодальной знати. Обычно латники действовали вместе с легковооруженной конницей, но иногда из них комплектовались отдельные отряды, достигавшие внушительной цифры в 4-5 тысяч человек («Материалы...», 2000, с.141). Общая численность войск Халхи, по сведениям русской разведки, превышала 100 тыс. человек («Материалы...», 2000, с. 181). Однако политическая раздробленность Восточной Монголии, не прекращающиеся междоусобицы привели к тому, что армии халхассцев к моменту решающей схватки с джунгарскими агрессорами не превышали 10 тыс. человек (Златкин, 1983, с. 186).

Тактика ведения боя восточными монголами практически не изменилась со времен Чингисхана. Она включала в себя 3 фазы: обстрел противника из луков, атака копеейной конницы, рукопашный бой на клинковом оружии («Материалы...», 1959, с. 54, 286). Однако, такая тактическая схема для XVII в. была уже явным анахронизмом, а вкуче с низким уровнем дисциплины и слабой индивидуальной подготовкой воинов неизменно приводила монгольские войска к поражению, даже в столкновении с двукратно уступающим по численности противником («Материалы...», 2000, с. 319).

Военное искусство джунгар

Вооружение и комплектование. Вплоть до последней четверти XVII в. система вооружения и комплектования джунгарских армий мало отличалась от восточномонгольских аналогов. Серьезные изменения произошли в 80-е годы и были связаны с широким внедрением ручного огнестрельного оружия в ойратской армии. По всей видимости, это было связано с тем, что джунгарские правители во время серии ойрато-казахо – «бухарских» войн, смогли наглядно убедиться в эффективности действий пехоты, вооруженной ружьями и занимающей укрепленные позиции (Златкин, 1964, с.198). Сам факт применения кочевниками огнестрельного оружия не удивителен, поражает размах перевооружения. Современники называли цифры в 20 и даже 30 тысяч стрелков с «огненным боем» («Материалы...», 2000, с.335,338). Последнее, при общей численности джунгарской армии в 30-40 тыс. человек (Бичурин, 1991, с.48), маловероятно, но сам факт широкого применения джунгарами огнестрельного оружия неоспорим. В начале XVIII в. «ружья и пищали» стали производиться и в самой Ойратии, но в XVII веке основным экспортером этого вида вооружения, по сведениям русских осведомителей, были среднеазиатские государства («Материалы...»,2000,с.181). Судя по маньчжурским миниатюрам, ойратские «мушкетеры» не носили доспехов и не были способны вести рукопашный бой, поэтому в сражении их прикрывали воины с копьями и пиками («Материалы...»,2000, с.385).

Кроме стрелков из огнестрельного оружия (передвигавшихся на лошадях и спешивавшихся на поле боя) в состав армии входили конные стрелки из лука, а так же латники, вооруженные древковым и клинковым оружием. Помимо самих ойратов в составе войск Галдана Бошокту-хана числились отряды данников и союзников Джунгарии: кыргызов («Материалы...»,2000,с.426), «бухарцев» (там же с.349), халхассов.

Тактика. Непрекращающиеся войны, которые вела Джунгария, предопределили гибкость тактики ойратов. И если на Западе «колмаки» сделали ставку на быстрые рейды своей латной конницы, то на Востоке, где им противостояли более многочисленные и лучше вооруженные отряды империи Цин, джунгары предпочитали вести оборонительные бои и добиваться победы в контратаках.

На поле боя ойраты выстраивались в две линии, так чтобы фланги были выдвинуты в сторону противника и прикрыты болотом, лесом или горами (Златкин, 1983, с.190). В пер-

вую линию боевого порядка становились «мушкетеры» и, возможно, копейщики. Их позиции джунгарские полководцы пытались прикрыть либо естественными складками местности, либо плетеным тыном (Златкин, 1983, с.194). В случае, если противник напал на армию джунгар внезапно «живым щитом», для прикрытия стрелков могли выступать стада крупного рогатого скота («Материалы...», 2000, с. 349). Плотность огня ойратов была настолько велика, что маньчжурские воины, несмотря на поддержку собственной артиллерии, были вынуждены спешиваться и атаковать Галдана в пехотных колоннах. («Записки...», 1895, с. 350-351.). Основной задачей стрелков было остановить атаку войск противника, в то время как кавалерия (составлявшая вторую линию джунгарских войск) должна была опрокинуть его фланги. Такая тактика, основанная на активных действиях кавалерии с опорой на «огнестрельную» пехоту, широко применялась в Средней Азии еще в XVI веке (Дюпюи, 1997, с.344), но была совершенно неизвестна на степных просторах к востоку от Алтайских гор. Именно она стала последней стадией развития военного искусства кочевников. Во многом благодаря ей были одержаны победы над халхассами (приведшие к ликвидации восточномонгольской государственности) и лучшей армией Дальнего Востока – регулярными войсками империи Цин. Причину поражения джунгар в войне 1688-1697 г.г. следует искать не на поле боя (где джунгарская армия показала себя почти безупречно), а в стратегических просчетах ойратских полководцев.

Таким образом, можно констатировать, что основное отличие военного искусства кочевников Ойратии от Восточной Монголии заключалось в том, что для первых огнестрельное оружие стало основой ведения сражения, а для вторых – лишь одной из многих форм дистанционного боя. Это во многом предопределило военное поражение Халхи, приведшее к ликвидации ее национальной независимости и, как следствие, к завершению развития ее военного искусства, как самостоятельного военно-исторического феномена. В то время как джунгарская продолжала развиваться по пути возрастания значимости огнестрельного оружия, его производства в степных условиях и создания собственной артиллерии.

Научный руководитель – д.и.н. Ю.С.Худяков

Д.В. Смокотина

(Томск, Томский государственный университет)

Сравнительный анализ археологической и этноархеологической типологии русской средневековой керамической посуды

Типология позволяет структурировать материал, что облегчает его изучение и восприятие исследователем. Чёткое определение принципов построения типологии, строгое разделение керамической посуды по типам позволяют наглядно отобразить основные тенденции в развитии производства керамической посуды, обменные и торговые связи между русскими городами Европейской России и Западной Сибири, уровень развития местного гончарного мастерства.

С помощью правильно построенной типологии любому сосуду можно найти своё место в системе, проследить трансформацию форм, заимствования между районами.

На данный момент отсутствует единая типология русской керамической посуды, которая могла бы дать максимально полное представление о тенденциях развития её производства, систематизировала бы уже накопленный материал и встраивала бы в свою систему вновь собранный. Вариативность типологий керамической посуды обусловлена разнообразием основных типобразующих признаков как вследствие дифференцированности отдельных керамических комплексов, так и субъективности их определения исследователем.

Неоднородность терминологической базы археологической типологии затрудняет не только применение разных типологий к одному и тому же керамическому комплексу, но и сравнение археологических типологий. Теоретическая типология является основой для практического применения типологии к керамическому материалу. Поэтому в первую очередь от неё, а не от полноты представленного материала зависит устойчивость археологической типологии.

Даже при условии чётко обозначенной понятийной схемы не всегда у учёного бывает достаточно материала, чтобы построить устойчивую, чёткую и подробную типологию. Чем больше фрагментарность керамики, тем менее чёткими являются границы между типами керамической посуды, особенно если керамический комплекс сам по себе невелик. Каждый раз, в таком случае, учёный вынужден упоминать высокую фрагментарность и небольшой объём керамического комплекса.

Существует два направления в разработке типологий керамических комплексов, различающиеся основными типобразующими признаками – технологическое и функциональное.

Большинство археологических типологий построено на основе технологического принципа. Непосредственная визуальная и техническая работа с керамическим материалом сделала применение технологического принципа в построении археологической типологии первостепенным. Таким образом, применение следующих технологических признаков – форма, способ обработки поверхности, качество и состав глины, качество и условия обжига, – определяемых визуально, обуславливает выделение шести основных типов керамической посуды, внутри разделённые по форме (формы сосудов в каждом типе фактически одни и те же).

Технологическая типология была разработана М.Г. Рабиновичем (1949) и Р.Л. Розенфельдом (1968) применительно к археологическим керамическим коллекциям, полученным при раскопках Москвы XII-XVIII в.в.

Второе направление, основанное на функциональном признаке, требует привлечения этнографических данных, поскольку назначение посуды как основной типобразующий признак устанавливается проще и точнее на этнографическом материале.

Примером этого направления может служить типология русской керамической посуды, разработанная Л.В. Татауровой (1998) с привлечением терминологического аппарата Л.С. Клейна.

Типология Л.В. Татауровой построена на основе этнографической посуды последнего этапа развития гончарного ремесла (1900-1959г.), после чего гончарный промысел исчезает из крестьянского быта. На эту типологию накладывается керамическая посуда предыдущих веков (XVII-XIX веков), что приводит к сглаживанию временных и пространственных различий.

В связи с тем, что зачастую трудно определить по форме сосуда его назначение, да и саму форму археологического сосуда идентифицировать порой бывает нелегко, предлагается сначала узнать современное назначение по этнографическим данным того или иного типа посуды и, зафиксировав его форму, по нисходящей во времени определить её изменение во времени. Таким сопоставлением с современностью можно с большей достоверностью определить назначение и форму более древней посуды.

В основу типологии, разработанной Р.Л. Розенфельдом (1968) и М.Г. Рабиновичем (1949), был положен археологический керамический материал Москвы.

«Московская» типология не предназначена для совершения столь же широкого охвата во времени и пространстве, столь характерного для типологии Л.В. Татауровой, направленной на систематизацию всей русской керамической посуды и претендующей на роль обобщающей. Тогда как функциональная типология не может так непосредственно работать с археологическим керамическим материалом без применения этнографических данных, рискуя утратить свою специфику.

Нельзя противопоставлять типологии, построенные на технологическом и функциональном признаках, поскольку технологические признаки связаны с формой и назначением керамической посуды. Все технологические моменты предназначены для оптимизации применения керамической посуды по назначению: лощение поверхности сосудов в первую очередь призвано снизить пористость поверхности сосудов и только во вторую очередь служит эстетическим целям; вдавленный или прорезной орнамент предотвращает сосуд от растрескивания и деформации; стремление мастера сохранить пропорции призвано обеспечить крепость сосуда в различных условиях использования в быту. Однако большую часть технологических характеристик можно определить и по фрагментам, а вот восстановить утраченную форму можно далеко не всегда. Сама же форма сосуда отражает специфику его назначения. Ещё сложнее, чем восстановить утраченную форму, определить функцию керамического сосуда, тем более что сосуды сходных или даже разных форм могли употребляться для одной цели.

В связи с вышеизложенным логично будет прийти к выводу об оптимальности применения творческого синтеза археологической и этноархеологической типологий керамической посуды. Тем самым происходит переход на качественно новый уровень изучения русской археологической керамической посуды средневековья.

Таким образом, хотя археологическая «московская» типология и этноархеологическая типология Л.В. Татауровой расставляют различные акценты и, имея одну цель, следуют разными путями, они тесно взаимосвязаны между собой. Л.В. Татаурова пользуется при построении своей типологии типологически обработанной коллекцией археологической керамики и этнографическими данными.

Практическая деятельность тесно связана с теоретическими вопросами и проблемами. Поэтому столь важно не только построить чёткую и логичную типологию, но и уметь применять её на практике к керамической посуде. Обращение к столь сложной теоретической проблеме связано с необходимостью продолжить работу с керамическим комплексом воеводского двора в Томском кремле, датированным второй половиной XVII-XVIII в.в. (Чёрная М.П., 1999).

Перспективной целью стала обработка керамической коллекции Томского кремля на основе синтеза археологического и этноархеологического направлений, чтобы определить не только технологические признаки, но и назначение сосудов по восстановленным формам.

К XV в. Москва стала главным центром гончарного ремесла Русского государства. На начальном этапе колонизации Сибири гончарные изделия широко экспортировались из Европейской России в русские города Западной Сибири. Поэтому, занимаясь изучением, главным образом, русской керамической посуды, импортированной в Сибирь из метрополии, технологическая типология вынуждена проводить параллели с московской керамической посудой.

«Целенаправленное изучение живой культуры для целей археологической реконструкции» (Глушков И.Г., 1995, с.1), свойственное этноархеологическому направлению, значительно расширяет возможности исследователей при реконструкции технологического процесса изготовления керамической посуды, особенно при определении формы сосуда и его функционального назначения. Хотя высокая фрагментарность керамического комплекса Томского кремля остаётся одной из главных проблем археологической реконструкции, этноархеологическое сопоставление должно значительно упростить работу. Именно поэтому в предстоящей работе будет применён синтез направлений в целях достижения оптимальных результатов исследования.

Научный руководитель – к.и.н. М.П. Чёрная

М.А. Капитонова
(Томск, Томский государственный университет)

О погребальном сопроводительном инвентаре могильника Мигалка

Исследования проводились в рамках федеральной Целевой программы «Интеграция» (проект №238). Погребальный обряд – это целостная система, каждый элемент которой является знаковой системой и соответствует основным функциям обряда: помочь душе покойного благополучно достичь мира мёртвых и оградить живых от возможного вреда со стороны умершего. Одним из элементов этой системы является погребальный инвентарь. Как и любой элемент обряда, погребальный инвентарь зависит от анимистических представлений этноса, социального положения умершего и обстоятельств его смерти. Поэтому состав погребального инвентаря может служить важной характеристикой обряда. Погребальный инвентарь – это археологический термин, которым обозначают совокупность находок из могилы, исключая кости и фрагменты погребального сооружения. Этнографы смотрят на этот материал с другой точки зрения. В этнографии существует термин «сопроводительный инвентарь» – совокупность вещей, предназначенных для умершего, за исключением предметов одежды и украшений. Облачение покойника представляет собой отдельное ритуальное действие, относимое к предпохоронному циклу (Корякова Л.Н., Кулемзин В.М., 1994, с.14). Зачастую, сопроводительный инвентарь не полностью клали вместе с умершим – часть оставляли в надмогильном сооружении или просто на поверхности. Таким образом, погребальный инвентарь состоит из двух компонентов: погребальное облачение и часть сопроводительного инвентаря – погребальный сопроводительный инвентарь.

Количественный и качественный состав может быть разнообразным, но в общем можно говорить о пяти категориях предметов, извлекаемых из погребений: бытовой инвентарь, предметы вооружения, предметы производственной сферы деятельности, индивидуальные вещи, а также находки неподдающиеся идентификации и предметы, наличие в погребении которых пока сложно объяснить. В данном докладе предлагается рассмотреть специфику погребального обряда конкретного памятника с точки зрения анализа погребального сопроводительного инвентаря.

Могильник Мигалка находился в Колпашевском районе Томской области и располагался в пойме реки Оби на так называемых «Остяцких буграх». Автором раскопок Л.А. Чиндиной памятник датируется концом XVII- началом XVIII вв. В это время территория могильника входила в область расселения селькупских диалектных групп тегула, чумулькуп, сюсюгула (Чиндина Л.А., 1993, 1995).

Погребальный сопроводительный инвентарь могильника представлен четырьмя из пяти вышеописанных категорий находок. Исключением является категория «предметы вооружения», что объясняется исторической ситуацией, сложившейся в этот период. Ни одна из представленных категорий не содержится во всех инвентарных погребениях. Тем не менее, можно выделить ряд предметов, являющихся обязательными в данном погребальном обряде.

Погребальный инвентарь содержат 66 из 74 раскопанных погребений. Погребальный сопроводительный инвентарь в среднем состоит из 1-4 различных предметов, и только 8 погребений содержат от 5 до 7. В общем, он представлен 1,2,4 и 5-й категориями находок. Самая многочисленная из них – бытовой инвентарь.

В эту категорию входит очень распространенная в погребальных комплексах группа находок – посуда, которая в основном представлена керамическими сосудами (найжены в 32 погребениях). Керамическая посуда давно по праву считается обязательным элементом древне селькупского погребального обряда – этническим маркером. Сосуды в основном

стояли в ногах умерших, однако, в 3 женских погребениях они были обнаружены в районе головы.

Керамический материал Мигалки отличается от более южных памятников яйцевидной формой горшков и банок, отсутствием венчиков с большими отворотами, орнаментацией только верхней части сосудов, слабым проявлением отступающей техники нанесения орнамента и господством крупнозубой гребёнки, грубой формовкой сосудов (Чиндина Л.А., 1993, с.75). Эти и другие отличия являются проявлением архаичных черт, восходящих к рёлкинским традициям и сближают Мигалку с северными селькупскими могильниками Бедеровский Бор I, II, III (Чиндина Л.А., 1993, с.76).

В 4-х погребениях керамические сосуды были заменены металлической посудой: бронзовыми котлами и, в одном случае, бронзовой чашечкой и деревянным сосудом. Три погребения были детские, одно – женщины 16-18 лет (Чиндина Л.А., 1993, 1995). Интересно, что в ранее изученных памятниках бронзовые котлы находили в основном в погребениях лиц зрелого возраста 25-45 лет и почти исключительно в мужских (Боброва А.И., Яковлев Я.А., 1995, с.104). В Мигалке погребения с металлической посудой отличаются от других богатством инвентаря, особенно металлического.

Ещё одну группу находок можно назвать обязательным элементом погребального инвентаря – железные ножи. Это универсальное орудие часто встречается в могильниках начиная с эпохи бронзы. Для позднесредневековых памятников характерны ножи русского производства, распространённые в это время по Западной Сибири.

Распределение остальных предметов погребального сопроводительного инвентаря зависит от пола и возраста погребённого. Мужские погребения отличает присутствие в них железных топоров, костяных и железных наконечников стрел, предметов конской упряжи и огнива. Это характерно и для других позднесредневековых селькупских могильников, что согласуется с общественным положением мужчин в аборигенных сообществах Западной Сибири в эту эпоху. В женских и детских погребениях кроме универсальных элементов погребального сопроводительного инвентаря: керамического (или металлического) сосуда и ножа – встречены только единичные находки.

Погребальный сопроводительный инвентарь являлся обязательным элементом селькупского обряда. Инвентарь Мигалки с одной стороны показывает родство погребального обряда этого могильника с другими позднесредневековыми памятниками: сходство обязательных компонентов в составе (сосуды, ножи), специфический набор предметов в мужских погребениях. С другой стороны, характеристика керамического материала из погребений позволила установить сходство обряда с более северными селькупскими памятниками Среднего Приобья. Кроме того, большое количество русских вещей, использованных в соответствии с селькупскими традициями, иллюстрирует процесс адаптации новых условий жизни к старым традиционным представлениям.

Погребальный сопроводительный инвентарь – это всегда знаковая система, заданная традицией. Функционально в этой системе выделяются три группы. Первая – общие для умерших элементы инвентаря. В Мигалке – это сосуды и ножи. Первая группа связана с представлениями населения Западной Сибири о существовании для каждого народа своего Мира Мёртвых. Вторая – связана с социальной идентификацией умершего и выражается в нашем случае в специфике мужского погребального инвентаря. Третья – определяется причиной смерти погребённого, главная её функция – функция оберега. Самыми непонятными и потому опасными у сибирских народов считались естественная смерть и смерть от болезни. Последняя рассматривалась как результат вредоносной деятельности злых духов (лоз'ов). В случае таких смертей, в состав инвентаря включали большое количество оберегов. В Мигалке таким своеобразием инвентаря отличается погребение молодой женщины 16-18 лет. У умершей были стянуты поясом руки, а ин-

вентарь отличался большим количеством металлических изделий, среди которых особенно интересен железный замок с ключом (Чиндина Л.А., 1995, с.186). Подобные случаи «замыкание» могилы на замок были зафиксированы в вымско-вычегодских средневековых могильниках как попытка воспрепятствовать возвращению мертвеца в мир живых (Савельева Э.А., 1986, с. 86).

Научный руководитель – д.и.н. Л.А. Чиндина

М.А. Грачев

(Омск, Омский государственный педагогический университет)

О прогребальном обряде Красноярского могильника на севере Омской области

Красноярский могильник является составной частью Красноярского археологического комплекса. Он расположен приблизительно в 4,5 км от устья р. Ишим на краю коренной правобережной террасы Иртыша. Кроме могильника в комплекс входит городище и селище. Могильник занимает часть селища и начинается сразу за внешней линией обороны. Он включает более двух десятков нечетких, расплывшихся насыпей диаметром 3-11,5 м и высотой 0,15-0,64 м, тянущихся вдоль края террасы. Вокруг некоторых из них до начала раскопок визуально фиксировались ровики. Часть курганов разрушается обрывом, другие пострадали от дороги. В ходе исследований, проведенных Е.М.Данченко в 1996 и 1999 гг., в межкурганном пространстве были выявлены и грунтовые захоронения, а также культурный слой поселения, продолжающегося за линией обороны. Это вынудило перейти к раскопкам городища, селища и могильника с использованием единой системы координат.

В результате работ было выявлено 18 погребений разной степени сохранности, которые по ряду признаков были отнесены Е.М.Данченко к эпохе позднего средневековья и разделены на две группы (Данченко Е.М., 1999, с. 29, 30). Одна группа включала погребения с четкой северо-западной ориентировкой, в которых костяки лежали вытянуто на спине, головы большинства из них повернуты на правую скулу. В могилах встречены остатки деревянных перекрытий или обкладок. К другой были отнесены погребения с западной с небольшими отклонениями ориентировкой, содержащие плохо сохранившиеся костяки, уложенные на спину в вытянутом положении. Следов деревянных конструкций прослежено не было. В отдельных случаях не исключена возможность вторичных захоронений. Степень сохранности погребений этой группы значительно хуже, что позволяет предполагать их более древний возраст. Об этом же говорят планистратиграфические данные: в одном случае прослежено, как погребение, относящееся к первой группе, нарушило могилу второй группы, в другом некоторое отклонение погребения первой группы от северо-западной ориентировки явно было вызвано тем, что могильная яма была сооружена между ровиками расположенных рядом курганов, содержащих погребения второй группы.

Из восемнадцати погребений лишь одно – № 13, отнесенное ко второй группе, – содержало вещи – железный наконечник стрелы с остатками древка, бронзовую пластинку, лежавшую под правы виском и железную сильно корродированную спираль, найденную слева от покойного.

В предлагаемом сообщении делается попытка сравнить предварительные результаты раскопок Красноярского могильника с опубликованными данными, полученными при исследовании других позднесредневековых могильников Обь-Иртышья – Льнозавод-IV, Садовка-IV, Кыштовка-I и II, Окунево-III и IV (Молодин В.И., Соболев В.И., Соловьев А.И., 1990, с. 116-177; Мельников Б.В., 1991, с. 144-149; Могильников В.А., 1997).

Сравнение данных, приводимых в литературе, позволяет сделать вывод о том, что ряд погребальных комплексов Обь-Иртышья эпохи позднего средневековья имеет общие черты с Красноярским могильником.

Так, погребения второй группы Красноярского могильника имеют ряд близких признаков с погребениями могильников Окунево-IV, Льнозавод-IV, Садовка-IV, Кыштовка-I и II. Это подкурганные труположения под невысокими насыпями овальной или округлой формы, использование неглубоких подпрямоугольных или овальных могильных ям, размеры которых, как правило, зависели от роста погребенных, и в некоторых случаях (Льнозавод-IV, Садовка-IV, Кыштовка-II, Красноярский могильник) имеют заплечики. Костяки обычно лежат вытянуто на спине (исключение есть только на Кыштовке-II, где встречается скорченное положение на боку). Сориентированы они головами на запад – юго-запад, хотя на всех памятниках в виде немногочисленных исключений представлены случаи ориентировки головой на СЗ, ЗСЗ, С, СВ. Руки погребенных обычно вытянуты вдоль туловища, или уложены на тазовых костях, иногда одна рука вытянута вдоль тела (Льнозавод-IV, Садовка-IV, Кыштовка-I), кисти также могли быть сложены под тазом (Льнозавод-IV). В погребениях второй группы Красноярского могильника, также как и в погребениях сравниваемых некрополей, отсутствуют следы деревянных конструкций. Исключениями являются только два погребения на Льнозавод-IV и одно – могильника Окунево-IV.

Кроме отмеченных выше деталей, названные могильники отличаются от Красноярского наличием сопроводительного инвентаря, позволяющим датировать их концом XVI (время начала функционирования могильника Окунево IV) – первой половиной XVIII в. (верхняя дата для могильника Кыштовка II). Как уже было отмечено, сопроводительный инвентарь был обнаружен лишь в одном погребении второй группы Красноярского могильника, при этом он не позволил точно датировать комплекс. Кроме того, Красноярский могильник отличается от могильников Кыштовка-I и Кыштовка-II отсутствием в насыпях керамики, которую можно было бы отнести ко времени функционирования могильников. Ровики вокруг курганных насыпей Красноярского могильника встречают аналогии только на некрополе Садовка-IV.

Первая группа погребений Красноярского могильника обнаруживает сходство с грунтовыми погребениями могильника Окунево-III и подкурганными захоронениями могильника Льнозавод-IV. Курганные насыпи невысокие, округлой или вытянутой в плане формы. Могильные ямы подпрямоугольной формы, неглубокие, в некоторых случаях встречались заплечики (аналогия погребениям могильника Льнозавод-IV). В погребениях встречаются деревянные конструкции в виде продольных перекрытий (известны несколько аналогичных случаев на Окунево-III и Льнозавод-IV). Костяки лежат вытянуто на спине, головами на СЗ, иногда – на ССЗ. Исключение составляет большая часть погребений могильника Льнозавод-IV, сориентированная на З. Кисти рук погребенных сложены на тазовых костях (исключение – погребение могильника Льнозавод-IV), реже руки вытянуты вдоль тела или подогнуты в локтях с положением кистей у таза или на бедренных костях (исключение – погребения Окунево-III). Черепа у погребенных в Красноярском могильнике и Окунево-III повернуты на правую скулу. Также погребения первой группы Красноярского могильника и Окунево-III близки тем, что являются безинвентарными (только в 3 случаях из 30 в погребениях могильника Окунево-III был обнаружен сопроводительный инвентарь).

Погребения некрополя Льнозавод-IV имеют следующие своеобразные черты: отсутствие ровика вокруг кургана, ориентировка значительной части погребений на запад, положение кистей рук усопшего под тазовыми костями при согнутых локтевых суставах, а также один случай, когда левая кисть лежала на тазовых костях, а правая рука была вытянута вдоль тела.

Погребения Окунево-III отличаются от погребений первой группы Красноярского могильника тем, что они: грунтовые, в одном случае кисти костяка были уложены под тазовыми костями, в 3-х случаях погребения могильника Окунево-III содержали сопроводительный инвентарь, который позволил датировать могильник XVII в. (все погребения первой группы Красноярского могильника безинвентарны).

Сложность определения культурно-хронологической принадлежности Красноярского могильника связана, прежде всего, с тем, в большинстве погребений отсутствует инвентарь. Аналогии элементам погребального ритуала также не позволяют сделать это с большой точностью, поскольку погребальный обряд на перечисленных могильниках Обь-Иртышья не отличается большой устойчивостью. Погребения обеих групп Красноярского могильника находят аналогии на этих некрополях. Если учитывать отмеченную в литературе тенденцию постепенного перехода от погребений с инвентарем к безинвентарным (Могильников В.А., 1997, с. 60), то отсутствие инвентаря, казалось бы, должно говорить об относительно позднем возрасте Красноярского могильника. Это тем более касается погребений первой группы Красноярского могильника, которые, возможно, совершены по мусульманскому обряду. Известно, что процесс исламизации населения Обь-Иртышья растянулся на довольно долгий срок и его утверждение происходит достаточно поздно. В то же время поздняя датировка «исламских» погребений Красноярского могильника не вполне согласуется с тем, что по ряду признаков Красноярское городище может быть отождествлено со ставкой местного правителя Кызыл-Турой, существовавшей, согласно письменным источникам, в XIV–XV вв. (Гаврюшенко А.Г., 2000, с.15, 16). Возможно, погребения первой группы содержат останки представителей религиозно-политической элиты, что допустимо, с учетом статуса укрепленного поселка, или же могильник продолжал существовать и после того, как в результате междуусобиц Кызыл-Тура была уничтожена. Остается добавить, что точная атрибуция захоронений Красноярского могильника вообще проблематична, поскольку известно, что даже в этнографическое время в верованиях аборигенного населения Обь-Иртышья специалисты отмечают смешение элементов язычества и ислама, проявившееся и в деталях погребальной обрядности. Схожая ситуация имеет место и с христианскими погребениями, которые под влиянием различных факторов иногда совершались с отклонениями от церковного канона (Жук А.В., 1999, с. 24, 27). В литературе неоднократно отмечалась сложность реконструкции религиозно-мифологических представлений и социальной структуры древних обществ по элементам погребального обряда, изучение которого требует комплексного подхода (Гуляев В. И., Ольховский В. С. 1999, с. 14). Это следует учитывать и при изучении позднесредневековых погребальных памятников Западной Сибири, одним из которых является Красноярский могильник.

Научный руководитель – к и н. Е.М.Данченко

*А.И. Боброва, А.А. Пушкарёв
(Томск, Томский государственный университет)*

Погребения 18-19 вв. Тискинского могильника

Тискинский могильник – известный памятник Западной Сибири. Уникальность и ценность его, как источника по погребальной обрядности, быту, социальной и духовной жизни коренного населения Нарымского Приобья, состоит в непрерывности функционирования на протяжении 12-первой половины 19 вв. Одной из важнейших связующих звеньев этой хронологической цепочки является группа погребений нового времени – 18-первой половины 19 вв. К ним относятся 73 захоронения, что составляет около 20%

от общего числа. Из них: 37 детей и 36 взрослых, характерным инвентарем которых являются монеты и нательные кресты. Эти два вида источников датируют данную группу погребений и обозначают новый этап в культурной и экономической жизни населения, оставившего их.

Тискинский могильник находится в Колпашевском районе Томской области, расположен на левом берегу р. Оби, на юго-восточной окраине эпонимного поселка. Впервые обследован в 1955 г. В.Е.Добычиным, который зафиксировал 19 насыпей и отметил, что несмотря на удаленность от берега на 250 м, ему угрожает в ближайшем будущем разрушение, связанное с эрозией берега. Он же писал о грабительских раскопках на особо крупных курганах (Добычин, 1955, с.15). В 1970-х гг. на могильнике были проведены раскопки Л.А.Чиндиной и А.И.Бобровой; в 1978-1980 гг. они носили спасательный характер (коллекции и полевая документация находятся в МАЭС ТГУ).

На основании имеющихся архивных источников и исследований авторы раскопок считают памятник селькупским (Чиндина, 1975 с.72; Боброва, 1994 с.314). В 17 в. территория, на которой находится могильник, входила в Малую Чурубаровскую волость с тремя поселениями-юртами: Сондоровы, Тайзаковы, Тискины, заселенными остяко-самоедами. На конец 18 в. об этом имеются сведения у И.Фалька. В 19 в. население этой волости продолжало считать родным языком остяко-самоедский. Их потомки называли себя шешкум. Информации о населении 17-19 вв. Малой Чурубаровской волости содержится в работах Патканова С. (1911, с.17), Б.О.Долгих (1960, с.88), Н.В.Емельянова (1976, с.94-96), Чиндиной Л.А. (1975, с.72), Г.И.Пелих (1981, с.49-53).

Монеты – ценный информативный источник, позволяющий датировать погребения и курганы, благодаря изображенному на них году чеканки. На Тискинском могильнике обнаружено около 600 монет, из них 480 – в погребениях. Номинал монет разнообразен: это деньги, полushка, 1/2, 1/4 копейки, 1, 2, 5 копеек. В коллекции есть серия сибирских монет (42 экз.), отличающихся от общегосударственных помимо штампа дополнительными примесями серебра и золота. Наиболее древние из монет относятся к 1736 г., самые «молодые» – к 1854 г. За 120-летний период номинал монет почти не изменился, зато изменился их внешний вид. Так, имеется 4 вида монет достоинством 2 копейки, 4 вида достоинством 1 копейка, 2 вида достоинством 5 копеек. Преобладают монеты достоинством в 2 копейки (их 44% от общего числа монет), на втором месте монеты достоинством в 1 копейку (24%).

В погребениях они всегда лежали в виде скоплений справа от бедренных костей похороненного человека. Их клали и взрослым, и детям, и мужчинам, и женщинам. Следует отметить, однако, что наибольшие из скоплений связаны с мужскими захоронениями в возрасте от 50 до 70 лет. Находки монет в насыпях погребений единичны. Особенностью монет общегосударственного образца из Тискинского могильника является их сохранность, свидетельствующая о том, что большая их часть практически не была в обращении.

Анализ данной категории инвентаря позволил провести более подробную хронологию для погребений этой группы: вторая четверть – 90-ые гг. 18 века; 90-ые гг. 18 в. – 20-ые гг. 19 века; 20-ые гг. – начало второй половины 19 века.

Другой наиболее массовой категорией инвентаря являются нательные кресты (54 экз.). Они обнаружены в 37 детских и 28 взрослых погребениях. По форме делятся на два вида: простые и сложные. Простые – 34 экз. Отлиты из цветного металла. Имеют строго геометрическую форму. Различаются по размерам на а) большие, б) средние, в) малые. Вертикальная основа этих крестов обычно длиннее горизонтальной.

Сложные (фигурные) 20 экз. Отлиты из цветного металла. Помимо вертикальной основы и перекрестья имеют украшающие крест элементы в виде: а) шарообразных оконечностей; б) растительного орнамента; в) огненосных окантовок (используется терминология гр. А.С.Уварова).

Подавляющее большинство крестов исходит из одного общего мотива – четырехконечного креста с изображением на лицевой стороне восьмиконечного креста с копьем и тростью, Галгофой, Адамовой головой и надписями, обыкновенными для подобных изображений. Вверху: Ц Р Ъ С Л В Ы или Ц С; по сторонам: І С Х С или И С Х С; также С Н Ъ Б Ж І Й; внизу: М Л Р Б , Н І К А или Н И К А.

На оборотной стороне крестов обычно помещен текст молитвы, или начало псалма.

Все нательные кресты в Тискинском могильнике обнаружены в области груди погребенных, то есть там, где и при жизни носят их верующие люди. В погребении 5 кургана 9 вместе с погребенным обнаружена часть складня. Для XIX в., считает А.И.Боброва, можно говорить об укреплении позиций христианства в среде населения, оставившего Тискинский могильник (1984, с. 154.).

А.И. Боброва, Н.В. Торощина
(Томск, Томский государственный университет)

Погребения детей в средневековых некрополях Бедеревский Бор I, II на р. Тым

Урочище Бедеревский Бор находится в 10-15 км от пос. Напас вверх по течению р. Тыма, в его правобережье, в Каргасокском районе Томской области. В 1989 г. обследовано А.И. Бобровой и, помимо известного могильника (Кутафьев, 1938), обнаружены еще два. Все они получили соответствующие номера: I, II, III и на сегодняшний день практически раскопаны (Боброва, 1990, 1991; Березовская, 1992).

По типу захоронения относительно уровня горизонта могильники относятся к грунтовым. На современной дневной поверхности могилы хорошо различаются в виде западин подпрямоугольной или овальной формы, образующих ряды. Объектами исследования являются погребения XV-XVII вв. из некрополей Бедеревский Бор I, II (далее ГМБ-I, ГМБ-II), расположенных в приустьевой части Могильной Акки (ее левого берега), правого притока р. Тыма. Основное внимание уделено детской группе захоронений в возрасте 0,5-1 года до 12 лет (Антропологические определения выполнены В.А. Дремовым и М.П. Бокша). Таких погребений на могильнике I – 3 (из 14 раскопанных), на могильнике II – 16 (из 51 раскопанных). Одно из них коллективное: ребенок 10-12 лет похоронен вместе со взрослым в общем погребальном сооружении; в трех случаях могло иметь место подхоранивание ребенка 3-10 лет в могилу взрослого человека. Остальные погребения являются одиночными.

Детские захоронения на могильнике II в основном расположены на северном участке некрополя, среди них чаще, чем в могилах взрослых, визуальнo различаются подпрямоугольные очертания западин, отражающих аналогичной формы внутримогильные деревянные конструкции. Наименьшие размеры по внешним контурам западин: 98x35, наибольшие – 214x 90 см. Наименьшие размеры по дну могил или погребальному сооружению после расчистки: 70x30; наибольшие – 230x90 см. Глубина могил от уровня современной дневной поверхности – от 15 до 117 см. В среднем она равна 40-60 см. В одном случае отмечен слабозаметный на поверхности надмогильный холмик.

Антропологический материал крайне плохой сохранности, во многих могилах кости нарушены, отсюда неопределенность возраста и пола погребенных. В двух случаях кости отсутствуют. В возрасте до 3 лет похоронены 3 человека. Условно, по малым размерам могил к этой группе отнесены еще 3 могилы. В возрасте 7-12 – 5 человек.

Нарушение костей могло происходить по следующим причинам: 1. Во время похорон могильную яму не засыпали землей: на дневной поверхности устраивали жердевое перекрытие. В этом случае и покойный и вещи могли быть нарушены животными. 2. Захороне-

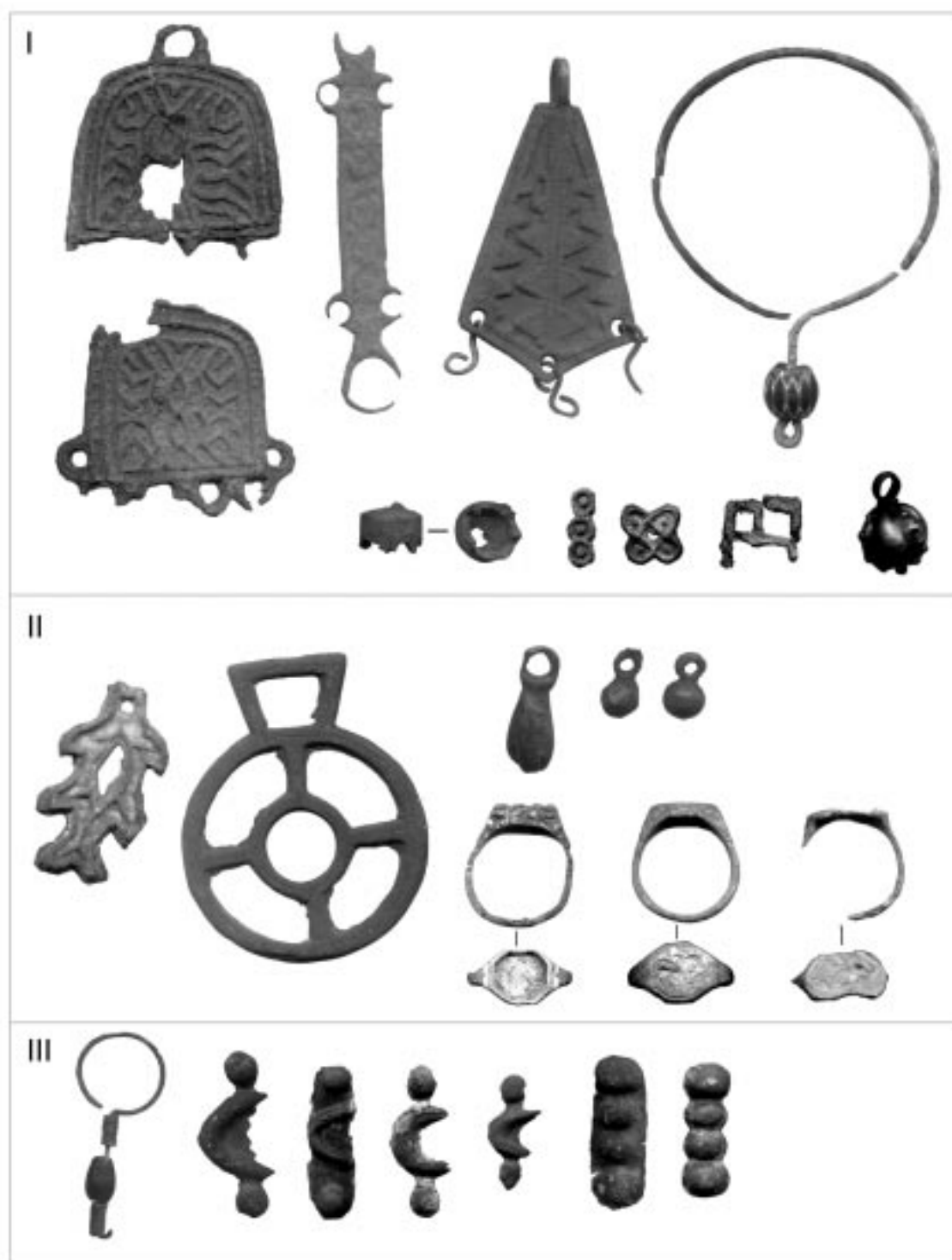

Табл.1. Украшения из погребений детей в грунтовых могильниках Бедеревский Бор I и Бедеревский Бор II

ния могли иметь повторный характер, что подтверждается материалами П.И. Кутафьева (1938) и Г.И. Пелих (1972).

Обычное положение погребенных – на спине, головой на ЮЮВ, ЮВ, перпендикулярно течению Могильной Акки головой вниз по течению «большой реки» Тыма. В одном случае – на ССЗ.

Среди погребальных сооружений, устроенных на дне могильных ям, встречены простые (их большинство) и сложные. Последние имели внешнюю камеру (срубы в один-два венца) и внутреннюю (колоды или лодки). Для покрытий, подстилок и для обертывания использовали бересту. Некрополи Тыма по погребальному обряду, имеют аналогии обряду в грунтовых могильниках Сургутского Приобья (Терехова, Карачаров, 1994), в хантыйско-ненецком кладбище Халас-Погор (Могильников, 1964), в хантыйском кладбище Перегребное IX (Морозов, 1990).

Практически в каждом погребении присутствует инвентарь. Основная его часть представлена украшениями. Это подвески, перстни, пронизи, нашивки, бусы, бисер.

I. Есть украшения, встреченные **только в погребениях детей** (табл. 1-II). К ним относятся: 1. *Литые подвески*: оловянные бляхи-подвески трапециевидной формы, с изображением на лицевой стороне: а) четырехлепесткового цветка, б) геометрического орнамента; оловянный колокольчик; бронзовая подвеска прямоугольной формы с шестью петлями и орнаментом на лицевой стороне в виде цепочки из пяти колец с ложной зернью; бронзовые подвески, в виде стилизованной лапы водоплавающей птицы с ушком и тремя отверстиями, в которые вставлены проволочные петли, с орнаментом на лицевой стороне из взаимопроникающих треугольников, выполненным ложной зернью. 2. *Штампованные подвески*: серебряные в виде ягод. 3. *Подвески-пуговицы*: с напускной стеклянной бусиной; костяная с выточенным ушком и шаровидным туловом. 4. *Литые и штампованные нашивки*: оловянные крестовидные; оловянные решетки; оловянные двухчастные и трехчастные нашивки; медная пластина с выпуклой центральной частью, фрагмент наперстка.

II. Преимущественно в детских погребениях, но и во взрослых тоже встречены следующие литые подвески и перстни (табл. 1- II): 1. Оловянные подвески в виде стилизованной рыбы с изображением на лицевой стороне рельефных линий вдоль тела и плавников рыбы (3 – дет., 2 – взр.). 2. Бронзовые колесовидные подвески с крестообразными перемышками (19 – дет., 8 – взр.). 3. Бронзовые и оловянные объемные цельнолитые подвески с ушком (86 – дет., 6 – взр.). По форме тулова различаются: а) шаровидные без орнамента и с радиально нарезанными линиями, сходящимися в центре нижней части; б) биконической формы, нижняя часть или обе части имеют ребристую поверхность; в) сплюсненной формы с выступающим продольным швом. 4. Бронзовая полая подвеска (1- дет., 1 – взр.). 5. Перстни (3 – дет., 2 – взр.): а) перстень со вставкой, ячейка восьмигранной формы отлита отдельно и припаяна к дужке, внешние грани оправы украшены белой эмалью, вставка отсутствует; б) перстни-печатки, отлитые в форме со вставным стержнем. Печатки округлой формы с изображением животных.

III. Изделия, редко встречающиеся в погребениях детей (табл. 1-II). 1. Медные серьги-подвески в форме знака вопроса из круглой в сечении проволоки (10 дет., 36 – взр.). Различаются по общей величине (высоте, диаметру колец, длине стержня) и диаметру сечения проволоки. Стержни украшены бусами, закрепленными сверху и снизу навитой медной проволокой. Их концы завершены простой петлей. Наиболее массивные серьги обнаружены у детей до 7 лет, в погребениях взрослых их нет. В могилах детей 8-12 лет они аналогичны тем, что обнаружены во взрослых. 2. Медное кольцо (1 – дет., 6 – взр.). Изготовлено из листа, свернутого в плоскую трубочку, согнутую в кольцо. 3. Медные и железные цилиндрические пронизи (9 – дет., 12 – взр.). Изготовлены из листа, свернутого в трубочку. 4. Медные штампованные лунницы (32 – дет., 33 – во взр.). В виде полумесяца с выпуклыми сфе-

рами по краям. Медные штампованные четырехчастные бляшки (35 – детских, 39 – взр.). 5. Бусы (сохранность плохая, 311 – дет., 594 – взр.). Из растянутых стеклянных круглых в сечении одно- и многоцветных трубочек, в основном зонные: белые и голубые непрозрачные, зеленые прозрачные, фиолетовые полупрозрачная, бесцветные прозрачные с белыми продольными полосами, синие полупрозрачные с белыми продольными полосами, белая непрозрачная с тремя красными и тремя зелеными чередующимися продольными полосами; эллипсоидная двухцветная из синего и белого стекла непрозрачная с 3 белыми диагональными полосами. Бисер (260 – дет., 500 – взр.) зонный: белый и синий непрозрачный, бесцветный прозрачный.

Встречены и другие предметы: медный котел с железной дужкой, бронзовая ложка, бронзовая трубка, костяной гребень, кожаное изделие в виде футляра, железные ножи, пальма, наконечники копья, железные и костяной наконечники стрел. Характерно, что наконечники стрел, воткнуты острием в землю.

Таким образом, в ГМБ-I, II прослежена традиция хоронить детей на общем кладбище, группируя их рядом, соблюдая погребальную обрядность, общую для всех возрастных групп населения, обильно снабжая их украшениями. Причем определенные типы украшений характерны только для детей. Большое внимание уделялось украшению головы и пояса. Интересным является поясной набор из м. 54, уложенный поверх рук умершего ребенка 10-12 лет, как в погребениях селькупских женщин в могильнике Мигалка (Чиндина, 1995). Аналогичный пояс есть в костюме селькупской шаманки, привезенном из с. Кананак (р. Тым) (Коллекция № 6327 а, б, в. МАЭС ТГУ). Притымье, в XVII в., по мнению Г.И. Пелих (1981), являлось территорией расселения селькупов, их диалектно-локальной группы чумульгула.

Первобытное искусство

А.В. Матвеев

(Новосибирск; Институт археологии и этнографии СО РАН)

**Эволюция взглядов на сущность палеолитического искусства
в отечественной науке (по поводу монографии А.К. Филиппова)**

*Мы можем ошибаться, интерпретируя на
современный лад отпечатки рук, изображе-
ния заколдованных бизонов, эмблемы пло-
довитости, в которых выражены занятия и
религия ориньякца или мадленца.*

*Пьер Тейяр де Шарден
«Феномен человека»*

1. Начиная с 70-х годов прошлого столетия, то есть с дискуссии о концепции А.Д. Столяра, философско-методологические проблемы изучения палеолитического искусства и сущностные вопросы доисторического искусства вообще перестали привлекать внимание исследователей. Между тем, именно от общих, в том числе и философских, посылок зависят методы и результаты семантического анализа конкретных изображений. Нерешенность вышеуказанных вопросов ведет к агностицизму и к концептуальной индифферентности, при которых отсутствуют попытки осмысления и интерпретации (если не считать таковыми повторение уже известных теорий). Это вновь, как в 20-30-е годы прошлого века, ставит археологию в ряд вспомогательных исторических дисциплин и обрекает на эмпирический стиль работы, при котором исследователь не идет дальше описания открытого памятника.

2. Данная ситуация, т.е. отсутствие концептуальных дискуссий, имеет еще одно последствие: имеют место попытки преподнести в качестве раз и навсегда разрешенных проблемы, вызывавшие оживленные споры в течение многих десятилетий. Речь идет, в частности, о концепции Анатолия Кузьмича Филиппова. Его гипотеза генезиса искусства из «эстетического отношения» к орудиям труда в нижнем палеолите перекликается со взглядами С.Н. Замятнина и А.П. Окладникова, да и А.Д. Столяр, разработавший единственную пока в отечественной науке аутентичную концепцию генезиса искусства, вполне положительно отзываясь о подобных теориях: «Мысль о древнейших орудиях как источнике эстетических начал... очень популярна... В качестве общей посылки она верна, ... пока не искажается преувеличениями» (Столяр А.Д., 1985, с. 264). Вышеизложенное было бы добросовестным продолжением марксистской, точнее, производственно-материалистической традиции анализа генезиса искусства и его форм, если бы не ревизия А.К. Филипповым ключевого вопроса о познавательном (когнитивном) или эстетическом характере палеолитического искусства. Среди сторонников и того, и иного подхода, как среди его основателей, так и среди адептов, в том числе отечественных, много известных имен. Когнитивистской точки зрения придерживались Леонардо да Винчи, Д. Дидро, Ф. Бурдьё, А. Маршак, А.С. Гушин, некоторые данные позволяют причислить сюда и А.Д. Столяра, и А.П. Окладникова (хотя его точка зрения, высказанная в «Утре искусства», довольно противоречива); эстетическую точку зрения выражали И. Кант, Ф. Шиллер, А. Брейль, Г. Обермайер, Г.В. Плеханов, А.А. Миллер. С традиционно-непредвзятой историографической точки зрения видно, насколько уважаемые исследователи нами перечислены с обеих сторон, а ведь многие еще и не названы. Ясно, что вопрос о характере искусства требует и фундаментального обоснования, и строгих выводов. Тут невозможны амбивалентные решения.

3. В начале монографии А.К. Филиппов дает однозначное определение: «Искусство –... это знаково-символическая деятельность, создающая мир образов и связанная с эмоционально-духовной ориентацией человека в обществе; искусство... проявляет такие...

эстетические качества, как целостность... фигуративной или абстрактной образности» (Филиппов, 1997, с. 5). Однозначно заявив, таким образом, о эстетическом характере искусства, в историографическом разделе Филиппов привел только подтверждающие эту точку зрения взгляды. Цитировались Плеханов, Фриче, Шмит, Ефименко, Замятнин. Там же, где, при необходимости, приходилось цитировать противников эстетической концепции искусства, их взгляды несколько видоизменялись, а концепция А.П. Окладникова вообще не была изложена. В абзаце о концепции А.С. Гущина ему приписан взгляд на искусство, как на одну из сторон производственного процесса, хотя диалектическая концепция Гущина, во-первых, слишком сложна, чтобы излагать ее в одном абзаце, а во-вторых, исходит из явной посылки о когнитивном характере искусства. (Гушин, 1937, с. 46-47) Повествуя о взглядах А. Ляминь-Амперер, Филиппов пишет: «Ляминь-Амперер подвергла сомнению... мнение об отсутствии эстетической функции пещерных изображений» (Филиппов А.К., 1997, с. 9). И там же Филиппов подчеркивает новаторство Ляминь-Амперер в области мифологической интерпретации пещерного искусства. Между тем, мифологическая концепция А. Ляминь-Амперер и А. Леруа-Гурана (рассматриваемые обычно вместе), особенно в изложении Д. Виалу, работы которого обильно цитирует А.К. Филиппов, говорит о моделировании людьми палеолита окружающей вселенной, о кодировании ими этих знаний, что и предусматривает познавательный характер палеолитического искусства. Речь, по Д. Виалу, идет о преднаучной стадии познания. Нельзя не процитировать мнение А.Ф. Лосева о связи мифологии и науки (читай – познания): «Наука не рождается из мифа, но наука не существует без мифа, наука всегда мифологична» (Лосев А.Ф., 1990, с. 407). И сам Филиппов пишет в шестой главе: «В начале верхнего палеолита существовало мифологическое объяснение некоторых... явлений» (Филиппов А.К., 1997, с. 86) Налицо некоторый эклектизм. В вопросе о генезисе искусства А.К. Филиппов считает его проявлением «эстетического отношения» (данный термин не указывает, к чему именно), в попытках интерпретаций Филиппов говорит об определенных закономерностях организации изображений, как внутри отдельной композиции, так и внутри пещеры в целом (Филиппов А.К., 1997, с. 80), и даже о проявлении «морфосинтаксиса» (там же, с. 82). Остается предполагать, что искусство с момента возникновения из технологической практики изготовления каменных орудий, когда оно было лишь эстетической реакцией на оптимальную форму орудия (там же, с. 18), прошло некоторую эволюцию, превратившись из эстетического в интеллигентный феномен. Описание этой эволюции и составило бы решение Филипповым проблемы происхождения изобразительного искусства, но, по его признанию, «...механизм возникновения ранних форм искусства остается не совсем ясным» (там же, с. 16). Во второй главе, поднимая вопрос о связи технологической практики с духовным миром, ключевой для подобной концепции, А.К. Филиппов также «не берется...» более конкретно рассмотреть эмоциональную и интеллектуальную деятельность первых людей» (там же, с. 17).

4. Такой агностицизм объясняется тем, что эстетический подход, как оказалось, не предусматривает верификации теоретических посылок и выводов данными других наук или смежных научных дисциплин. В эмпирический период развития археологии это было вполне допустимо (хотя работы Б.Л. Богаевского и А.С. Гущина являют обратный пример), в постбрейлевскую эпоху палеолитоведения мы такого уже не наблюдаем. А.П. Окладников широко использовал данные этнографии, Гушин – языкознания, А.Д. Столяр – палеоантропологии и психологии, Б.А. Фролов и В.Е. Ларичев – астрономии и этнографии. Видимо, на существующем этапе развития археологической мысли придется признать тезис о закономерности и разумности, то есть о когнитивности, палеолитического искусства, ибо только на этом тезисе можно построить исследовательскую программу, отвечающую требованиям строгой научности.

М.Б. Кардаева
(Омск, Омский государственный университет)

История изучения Томской писаницы

Томская писаница – один из древнейших памятников наскального искусства Сибири. Она была открыта в XVII в., когда русские осваивали Сибирь. Первооткрывателями этого края и памятников духовной культуры были простые русские люди, которые и нашли писанный камень на Томи.

Настоящий научный интерес к писанице возник в XVIII в. В 1719 г. в Сибирь по приказу Петра I был направлен Д.Г. Мессершмидт (Окладников А.П., 1972, с. 10). Прибыв в Тобольск, он снарядил экспедицию. В этом же городе Д.Г. Мессершмидт познакомился с Ф.-И. Страленбергом. Помимо них, в экспедиции участвовали Шульман, П. Кратц и др.

Экспедиция выехала 1 марта 1721 г. Она двигалась по дороге вдоль Иртыша до г. Тары, далее через Барабинскую степь, мимо оз. Убо до Чаусского острога. От острога доехали до села Богородского и оттуда свернули к р. Томи. Д.Г. Мессершмидт поехал на Енисей, а Ф.-И. Страленберг исследовал Томскую писаницу и отбыл в Абакан. Он собирал сведения о местонахождении археологических памятников и нанес на карты рисунки на р. Томи (Покровская А.Ф., 2000, с. 89).

Весной 1722 г. Ф.-И. Страленберг получил известия о своем освобождении из плена, и вернулся на родину. В Стокгольме в 1730 г. вышла его книга «Описание северной и восточной части Европы и Азии». В одной из глав книги он описывает древние памятники Сибири, где говорит и о Томской писанице. Ему виделись в изображениях знаки какой-то неизвестной древней письменности, родственной руническим знакам древней Скандинавии (Окладников А.П., 1972, с. 10).

Ф.-И. Страленберг – первый, кто зарисовал Томскую писаницу и попытался определить ее изображения.

Печальна судьба Д.Г. Мессершмидта. В 1730 г. он вернулся в Петербург с большим количеством материала, который был сдан в Академию Наук. В 1729 г. он, возвращаясь в Германию, он во время плавания потерял материалы и коллекцию, что подорвало его здоровье. В 1730 г. Д.Г. Мессершмидт вернулся в Россию, где в 1735 г. умер (Покровская А.Ф., 2000 г., с. 90).

Дальнейшее исследование Томской писаницы проводил В.И. Татищев. Сам он не был на Томи, но организовал работу по составлению карт и чертежей «курьезных мест». Для описания Томской писаницы Татищевым был послан геодезист В. Шишков (Окладников А.П., 1972, с. 10).

В 1733-1743 гг. Российской академией наук была организована грандиозная по масштабам Северная экспедиция. Выехав из Петербурга в 1733 г. она придерживалась маршрута: Тюмень, Тобольск, вверх по Иртышу, по Колыванским горам, по Оби до Кузнецка и далее в Томск, а оттуда на восток.

Среди других загадок Сибири обращала на себя внимание и Томская писаница. Подробное описание скалы мы встречаем в работе Ф. Миллера «История Сибири», вышедшей в 1750 г. Он интересовался сибирскими древностями не случайно, к моменту отправления экспедиции он ознакомился с работой Ф.-И. Страленберга. Знал Ф. Миллер и о Томской писанице. Но по воле судьбы ему не удалось побывать на месте древнего святилища. По просьбе Ф. Миллера Томскую писаницу описал Гмелик, а зарисовал Люрсенниус. Гмелик в 1847 г. вернулся в Германию, где и опубликовал свои дневники под названием «Путешествие по Сибири».

Ф. Миллер использовал его материалы при написании «Истории Сибири». Он считал, что Ф.-И. Страленберг ошибался, относя рисунки к древней письменности, и относил петроглифы к более позднему времени, чем на самом деле (Покровская А.Ф., 2000, с. 91-92)

Ф. Миллер оказался первым из исследователей, заявивших о необходимости изучения и сохранения Томской писаницы.

Все ученые XVIII в. только описывали скалу, ее местонахождение и техническое исполнения рисунков, и лишь в XIX в. ученые начинают обращать внимание на значение изображений и ставят вопрос о времени их создания.

Многие исследователи побывали у подножия Томской писаницы, но Г. Спасский оказался самым серьезным ее исследователем этого периода. Он видел в петроглифах памятники высокой древней цивилизации. Г. Спасский создал карту, на которой точно изображена скала с выступами, где передано общее размещение рисунков. Он ставил вопрос о времени создания писаницы и считал, что оно произошло задолго до освоения Сибири русскими. Такую писаницу должен был создать большой народ, живший в Европе и Азии, или проходивший через эти места. Исходя из этого, мысль Г. Спасского остановилась на гуннах (Окладников А.П., 1972, с. 14-16). Он является первым ученым, который ставит вопрос о народе, создавшем Томскую писаницу.

Исследование Томской писаницы продолжалось и в XX в. Одним из исследователей этого времени был И. Савенков, в 1908 г. опубликовавший книгу «О древних памятниках изобразительного искусства на Енисее». В этом труде упоминается и Томская писаница. И. Савенков считал, что эти изображения очень древние и относятся к переходному времени от камня к меди и началу железного века. Савенков видел в них религиозное назначение.

Большое внимание писаному камню на Томи уделил и Н. Овчинников, написавший статью «О писаных камнях в Томском уезде». Он первым использовал фотоаппарат для запечатления петроглифов. Объектом съемки были нижние изображения. Н. Овчинников интересовался техникой нанесения рисунков и указал, что большая их часть «состоит из контуров», вырезанных «бороздками» (Окладников А.П.Э, 1972, с. 19-20).

В 60-х гг. XX в. Томская писаница была тщательно исследована группой специалистов во главе с А.П. Окладниковым и А.И. Мартыновым. Их исследование вылилось в работу «Сокровища Томской писаницы». Рассматривая писаницу, А.П. Окладников пришел к выводу, что она создана в эпоху неолита и дополнялась до I тыс. до н.э. На нее влияли народы севера и юга.

Он обратил внимание на стиль нанесения изображений: 1) выбивка контура и 2) выбивка поверхности, обычно головы, которая выбивалась полностью, а остальное – контуром.

Искусству писаницы свойственна склонность к реализму и условности изображения. А.П. Окладников доложил, что образцы писаниц на Томи и Ангаре совпадают с отдельными образцами писаниц Карелии и Скандинавии. В их основе лежит «звериный эпос» – изображение промысловых животных: лосей, медведей, оленей, знаков плодородия, человека. В них был вложен смысл окружающей природы (Окладников А.П., 1972, с. 165-167, 237-238).

Томская писаница изучается и в наше время. Так, экспедиция во главе с И.В. Ковтуном в 1991 г. на нижнем течении р. Томи нашла новые наскальные рисунки. Экспедиция исследовала берег р. Томи от с. Пачи до г. Юри, целью ее являлось нахождение неизвестных памятников наскальной живописи. Экспедицией был найден памятник Висячий Камень, где главным изображением является лось (Ковтун И.В., 1990, с. 3-4)

В 90-х годах продолжил свою исследовательскую деятельность и А.И. Мартынов. В статье «К вопросу о типологии памятников петроглифического искусства» он высказал идею, что Томская писаница – это комплекс, который является святилищем. Люди использовали природную исключительность места, где располагались изображения различных эпох. Томская писаница являлась святилищем для большой округи, т располагалась так, что к ней можно было легко причалить с любой стороны. Она была представлена для коллективных действий эпох неолита и бронзы (Мартынов А.И., 1990, с. 14-17).

Материалы Томской писаницы использовались в статье В.И. Матющенко и И.В. Толпеко «Образ лося в древнем искусстве Западной Сибири», где отмечено, что в изображениях конца неолита заметно тяготение к схематизму и условности, не было реализма (Матющенко В.И., Толпеко И.В., 1996, с. 132-136, 140-143). Проблемой изучения Томской писаницы занимается А.Ф. Покровская.

Томская писаница изучается на протяжении трехсот лет, и за это время меняются взгляды ученых по поводу того, как и что изучать в этом памятнике. В XVIII в. во главу угла ставится зарисовка изображений, нанесение их на карту и описание. Затем в этом же столетии ставится вопрос о сохранении и изучении Томской писаницы. В XIX в. ученые уже обращают внимание на значение изображений и время их создания, какими народами она была создана. В XX в. стали отмечать стиль выполнения изображения. Производится сравнение материала Томской писаницы с материалом писаниц Ангары, Карелии и других регионов.

В XX в. было определено время создания писаниц на Томи – от неолита до I тыс. до н.э. (по А.П. Окладникову), и, находясь на границе лесов и степей, на нее влияло население как севера, так и юга.

Исследование Томской писаницы продолжается и сейчас. Ведутся повторные описание и копирование памятника. Но, к сожалению, Томская писаница разрушается, и те изображения, которые описаны Ф.-И. Страленбергом и Ф. Миллером не сохранились. Таким образом, вопрос о сохранении древнего святилища, поставленный еще в XIX в., актуален и сейчас.

Научный руководитель – И.В. Толпеко.

А.Л. Заика, Т.А. Ключников

(Красноярск, Красноярский государственный педагогический университет)

**Древнейшие изображения в наскальном искусстве Нижнего Приангарья
(по материалам работ 2000 года)**

Начиная с 1994 года сотрудниками Красноярского государственного педагогического университета, ведутся планомерные работы по изучению петроглифов в нижнем течении реки Ангары. В августе-сентябре 2000 года отрядом лаборатории археологии КГПУ при финансовой поддержке РФФИ (гранты № 98-06-80237, 00-06-88019) были выявлены новые местонахождения с петроглифами, уточнены данные о ранее известных памятниках наскального искусства на участке реки от устья до створа Богучанской ГЭС.

В этом же году в сентябре-октябре совместный отряд Красноярского государственного педагогического университета и Центра по охране памятников истории и культуры Управления культуры администрации Красноярского края проводил археологические исследования в долине р. Бирюсы (составляющая левобережной гидросистемы бассейна р. Ангары) на участке Почет-Кайтым.

В результате исследований был выявлен большой комплекс наскальных изображений копытных животных сравнительно раннего возраста.

Писаница «Средний Брат» Обнаружена в 2000 году, находится на левом берегу р. Бирюсы напротив порога «Средний Брат», в 72 километрах выше по течению устья реки. Петроглифы выявлены на вертикальной поверхности большого базальтового валуна, обращенной к реке (на север). Зафиксированы фрагменты контурных изображений крупных лосей, выполненные путем выбивки с последующей шлифовкой. Ориентированы животные в правую сторону, вниз по течению реки (на запад).

Писаница «Нижний Брат» В 2000 году при обследовании местонахождения было выявлено 7 вертикальных плоскостей с изображениями, что значительно расширило границы памятника.

Петроглифы находятся на левом берегу р. Бирюсы, в 10 км к северо-востоку от деревни Кайтым, напротив нижней границы порога «Нижний Брат» (70 км от устья). На поверхности ступенчатых скальных выходов базальта, обращенных к реке (на север и северо-запад) обнаружены изображения лосей и чашевидные углубления. Выполнены рисунки путем выбивки с последующей шлифовкой. Интерес представляет фигура лося (лосихи), выполненная на горизонтальной плоскости. Контур фигуры выполнен двойным желобком. У животного массивное туловище подчетырехугольной формы, хорошо шлифован характерный горб и отвисший живот. Голова на короткой шее вытянута вперед, вниз по течению реки, немного опущена вниз. Показана развилка коротких ушей и двойным желобком – подшейная кисть. Внутри контура фигуры прямой линией обозначена «линия жизни», оканчивающаяся приостренным овалом – «сердцем» (рис. 1. –1).

Петроглиф Мурожный камень-4 Обнаружен в 2000 г. Находится на правом берегу р. Ангары, в 450 м ниже устья р. Малой Мурожной и представляет собой массивный валун диабазы, расположенный в 6 м от берега, на высоте 1,1 м от уреза воды. Высота валуна 1,6 м, ширина 2 м, длина более 3 м. Вследствие длительного подпорного давления воды и льда, валун по диагонали раскололся, верхняя часть на 0,5 м сдвинулась вниз по течению и заглубилась в грунт, проламывая и сминая более хрупкие выходы сланца. При его обнаружении, максимальная высота его составляла около 1 м. Наше внимание привлекли многочисленные чашевидные углубления (более 300 лунок диаметром 2-6 см и глубиной 0,2-0,4 см) на верхней и боковых гранях валуна, а также фрагменты линий, уходящих вглубь, что заставило произвести выборку грунта по периметру валуна до его основания. В результате работ на боковых гранях кроме чашевидных углублений были зафиксированы контурные реалистические фигуры лосей, выполненные путем выбивки с последующей шлифовкой.

Писаница Мурский порог. На писанице, где в 1999 г. было обнаружено две плоскости с петроглифами (Макулов, 1999) при более детальном обследовании местонахождения в 2000 г. было выявлено 12 плоскостей с рисунками. Изображения выполнены путем выбивки (в ряде случаев – с последующей шлифовкой и промазыванием охрой) и нанесены красной охрой.

Относительная архаичность рисунков установлена на основе ряда методических принципов применявшихся для определения возраста рисунков.

Во-первых, мы учитывали особенности топографии памятников, прежде всего удаленность от реки и высоту над урезом воды. По мнению ряда исследователей, чем ближе расположены рисунки к воде, тем они древнее и, наоборот, чем плоскости дальше от реки, и выше, тем они моложе (О.С. Советова, Е.А. Миклашевич, 1999, с. 69). Все вышеприведенные памятники находятся часто в непосредственной близости от воды, что дает нам определенные аргументы в пользу древнего возраста данных рисунков.

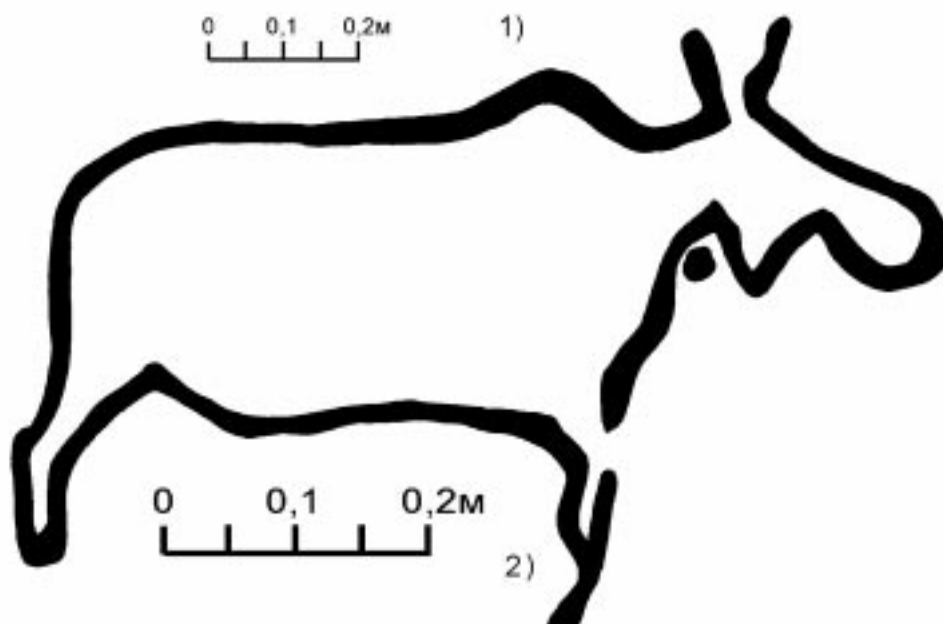
Во-вторых, учитывались техника выполнения и сюжет рисунков. В эпоху неолита ведущим сюжетом в наскальном искусстве Нижней Ангары является лось. Среди приведенных нами здесь рисунков образ сохатого также занимает доминирующие позиции. Изображения выполнены путем выбивки по контуру с последующей шлифовкой, иногда встречаются следы красной охры по контуру фигуры. Большинство данных признаков отмечал А.П. Окладников на других памятниках Ангары и относил подобные изображения к эпохе неолита (Окладников, 1966).

В-третьих, мы учитывали уровень сохранности рисунков (данный метод не всегда может быть достаточным основанием для датировки, но в сочетании с другими методами определения хронологии дает определенные положительные результаты). Необходимо отметить, что рисунки вследствие длительного воздействия внешней среды слабо просматриваются на поверхности скалы и с трудом поддаются контактному копированию, даже на микалентную бумагу. Многие изображения были нами выявлены при искусственном боко-

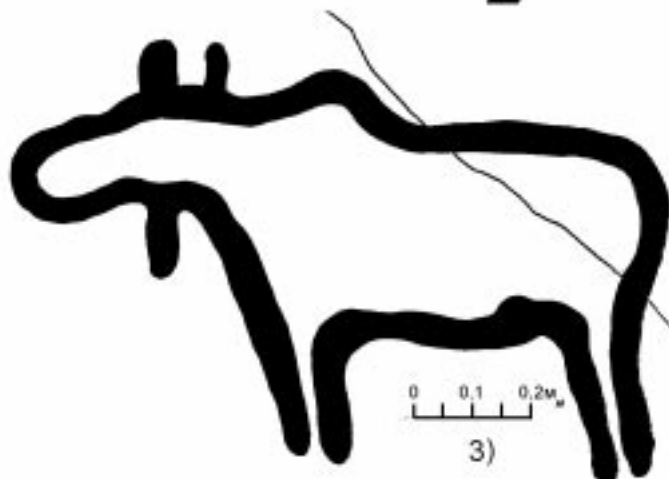
0 0,1 0,2м

1)

0 0,1 0,2м

2)

0 0,1 0,2м

3)

Рис. 1. Изображения лосей на писаницах Нижнего Приангарья:
1) Писаница Нижний Брат;
2-3) Петроглиф Мурожный Камень.

вом освещении (рис. 1. –1), что свидетельствует об их относительной архаичности на фоне более «контрастных» изображений поздних периодов.

В-четвертых, нами был проведен стилистический анализ рисунков и их соотнесение с датированными петроглифами сопредельных территорий (Южной и Западной Сибири, Прибайкалья и Якутии). Изображения животных выполнены в реалистичной манере. Фигуры животных переданы в динамике – возможно лоси идут либо плывут по воде, в большинстве своем соответствуют фигурам первого типа (Ключников, Заика, 2000, с. 137 – 139).

К числу основных стилистических особенностей изображений сохатых относятся также трактовка подшейной кисти и морды зверя. Во всех вышеприведенных случаях, лоси имеют параболоидную форму головы, что является определенным показателем архаичности рисунков (Окладников, 1966, Кочмар, 1994).

Трактовка подшейной кисти почти во всех выявленных изображениях идентична: подшейный клочок волос, в котором по преданиям многих сибирских народов живет душа лося, изображен контурно и имеет подтреугольную форму (рис. 1. –1-2). Единственное исключение представляет фигура сохатого на местонахождении Мурожный камень-4 (рис. 1. –3). Данная фигура расположена несколько обособлено значительно отличается от всех остальных изображений сохатых, прежде всего, это – статичный, реалистичный образ с характерной параболоидной мордой, но подшейная серьга показана условно одной вертикальной линией. Подобные изображения лосей в Нижнем Приангарье пока не встречаются, однако имеются определенные аналогии в наскальном искусстве Якутии. Там подобные изображения датируются эпохой неолита (Кочмар, 1994, с. 135). По нашему мнению данный рисунок можно датировать в более широких рамках – от неолита до эпохи бронзы т.к. подобные фигуры относятся нами к третьему типу изображений животных (Ключников, Заика, 2000, с. 137-139).

Итак, рассмотрев все выше приведенные факты, используя основные принципы и методы датировки наскальных изображений (топографию памятников, манеру исполнения рисунков, уровень сохранности, сюжетный и стилистический анализ, сопоставление с уже известными памятниками наскального искусства), можно сделать предварительные выводы: наиболее архаичные изображения сохатых на писаницах «Средний Брат», «Нижний Брат», «Мурский порог», и Мурожный камень-4, к настоящему времени являются наиболее архаичными в петроглифах Нижней Ангары и относятся к эпохе неолита.

В.Д.Кубарев

(Новосибирск, Институт археологии и этнографии СО РАН)

Мамонты из Бага-Ойгура

(К вопросу о хронологии древнейших рисунков Монгольского Алтая)

Настоящей сенсацией полевого сезона 1998 года стало открытие рисунков, по мнению Д. Цэвээндоржа, корректирующих хронологию самых древних изображений в долине р. Бага-Ойгур (Баян-Ольгийский аймак, Республики Монголия). Найденные изображения мамонта ученый датирует поздним палеолитом (рис. 1, 1-3). Действительно, среди многочисленных петроглифов Монголии подобный персонаж неизвестен, хотя в красочных росписях пещеры Хойт-Цэнкер-Агуй имеется единственная композиция с животными, напоминающими слонов (см. рис. 1, 4) (Окладников А.П., 1972, с.7-40, рис.20, рис.21). По проблеме датирования изображений слонов из Бага-Ойгура, выполненных в технике пикетажа, мнения исследователей разделились. Монгольский археолог Д. Цэвээндорж настаивает на палеолитическом возрасте рисунков (1999, с.95-100, табл.132), американская исследователь-

ница Э. Якобсон, самый древний пласт петроглифов Бага-Ойгура (в том числе и рисунки слонов), относит к мезолиту (2000, с.63). Автор считает, что нет пока весомых аргументов в пользу палеолитического, равно как и мезолитического датирования открытых изображений «мамонтов» или слонов (Kubarev V.D., 1998, pp. 208-209). Нет никаких оснований и для определения нашими коллегами бага-ойгурских изображений слонов «мамонтами» (Молодин В.И., Черемисин Д.В., 1999, с.147). Это совершенно ясно, если внимательно рассмотреть две, менее других, стилизованные фигуры (см. рис.1, 1). Отсутствие бивней, маленькая голова у одного и большое острое ухо у другого животного, а также узкое туловище с короткими ногами у обеих фигур, не вызывают никаких ассоциаций с реальной фигурой мамонта. К тому же в упомянутых пунктах со многими тысячами петроглифов нет других рисунков персонажей ископаемой фауны, характерных для палеолитического искусства Евразии. Появление этого редкого образа в горах Алтая остается загадочным, но на территории соседнего Китая в петроглифах изображения слонов представляются обычным явлением (рис.1, 5). На одной из композиций, рисунок «слона» с хоботом и длинным хвостом находится рядом с быками, типичными для эпохи бронзы (рис.1, 6). Судя по расположению фигур, включенных в небольшую сцену, – все изображения одновременны (Су Бэйхай, 1994, с.588, рис.53, рис.54). Хотя мы и избегаем, приводить в своих работах отдаленные аналогии, но в данном случае важны все имеющиеся сведения о рисунках «слонов». Поэтому обратимся к древним гравюрам известного грота Быка на Украине. Среди изображений лошадей, быков, «колдуна», собаки и многочисленных линейно-геометрических фигур присутствуют странные рисунки «хоботообразных существ», выполненные силуэтом и покрытые красной охрой (Михайлов Б.Д., 1994, с.41, рис.8, 3, с.145-150, рис.93). Длинный хобот животного, вызывал у многих исследователей представление о сходстве с мамонтом (рис.1, 7,8). Однако, мощное туловище, голова (в одном случае с рогами) – характерные морфологические признаки реального быка. Может быть, поэтому, О.Н. Бадер и некоторые другие ученые назвали эти, конечно же, синкретические изображения «мамонтами-быками» и предположительно датировали их поздним палеолитом или мезолитом. Б.Д. Михайлов, приводя, ранее неизвестные результаты раскопок, как в самом гроте Быка, так и у входа в него, а также изобразительные параллели, известные в рисунках Гехамских гор в Армении и на плитах кромлехов курганов усатовской культуры, убедительно доказал, что рисунки «хоботовидного быка» в гроте датируются эпохой энеолита. Появление такого необычного, синкретического образа Б.Д. Михайлов связывает с зарождением мифа о «небесном дождевом быке», дарующем «...человеку блага и изобилие» (1994, с.148). Учитывая, что многие рисунки на Алтае выполнены мигрантами – первыми скотоводами эпохи бронзы, можно предположить компилятивный характер изображений «слонов-быков» из Бага-Ойгура. Возможно, и семантика их близка по содержанию рисункам «мамонтов-быков» из грота Быка на Украине.

Что касается еще одного, алтайского пункта наскальных изображений Арал-Толгой, открытого нами на границе с Китаем, и которое «заслуживает самого пристального внимания...» В.И. Молодина и Д.В. Черемисина (1999, с.147), то мы в своем предварительном сообщении даже не пытались датировать этот памятник, до его полного изучения (Кубарев В.Д., Цэвээндорж Д., Якобсон Э., 1998, с.262). Однако, нашим коллегам уже все ясно из публикации всего одного рисунка из Арал-Толгой. С их «...точки зрения, нанесение рисунков на горизонтальные плоскости, их сильная патинизация, наконец, – сами изображения, среди которых присутствуют страусы (? – В.Д.) и лошади, свидетельствуют об открытии еще одного памятника, ранний пласт которого, возможно, относится к концу плейстоцена» (Молодин В.И., Черемисин Д.В., 1999, с.148). Во второй нашей статье, посвященной Арал-Толгой, мы датировали памятник, по приведенным аналогиям из Центральной Азии, в пределах неолита–ранней бронзы (Кубарев В.Д., Цэ-

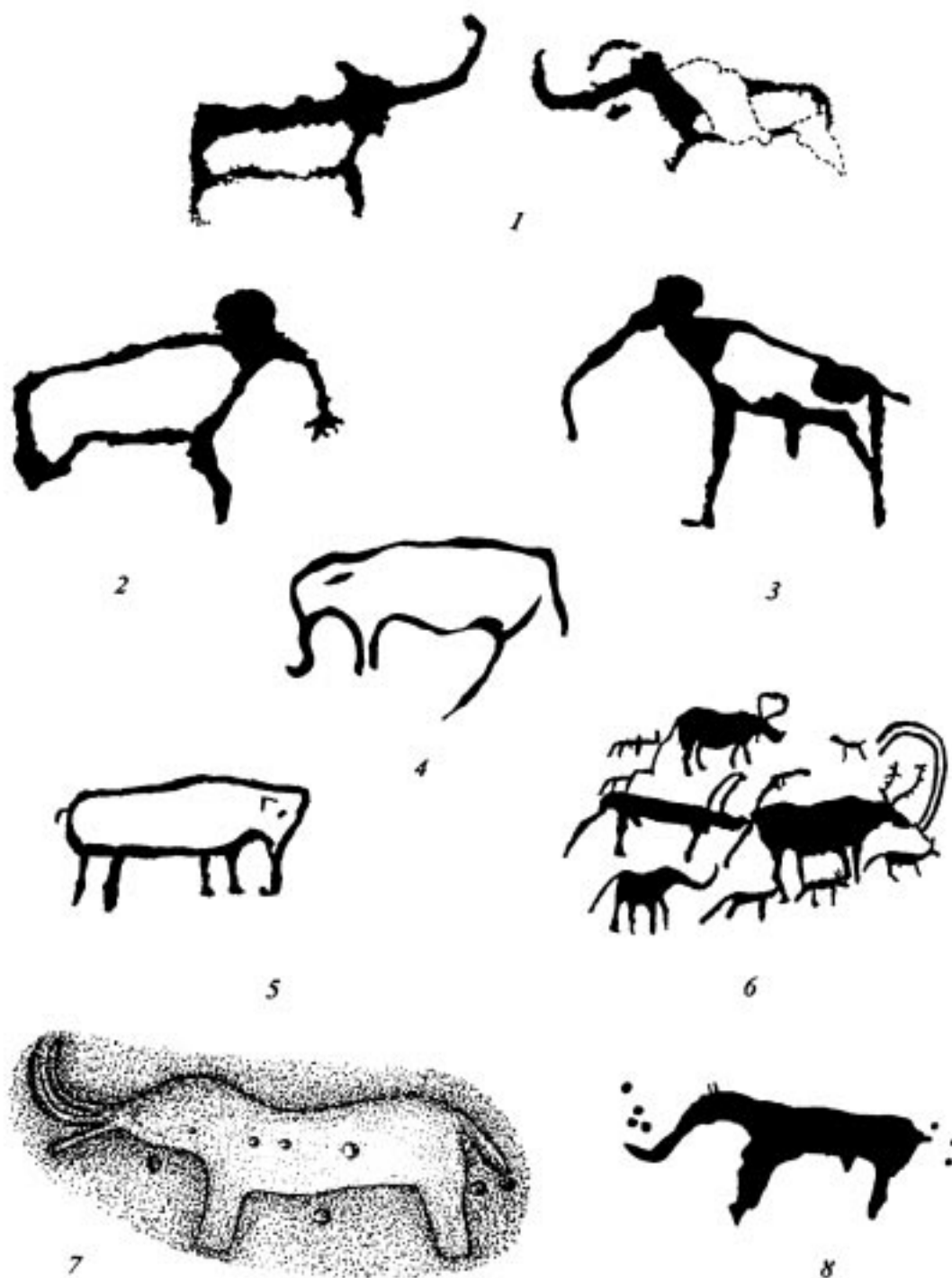

Рис. 1. Изображения слонов-«мамонтов»: 1-3 из петроглифов Цагаан-Салаа и Бага-Ойгура (Монгольский Алтай), 4 – из росписей пещеры Хойт-Цэнкер (Монгольский Алтай), 5,6 из петроглифов Китая, 7,8 – из росписей грота «Быка» (Каменная Могила на Украине).

вээндорж Д., 2000, с.50-51, рис.4). В настоящее время, по окончании исследования петроглифов Арал-Толгоя, к выделенным ранее периодам создания наскальных изображений, прибавились новые рисунки, выполненные в раннескифское время и эпоху древних и средневековых кочевников.

Серьезной проблемой остается определение даты древнейших рисунков и на уже известных памятниках Центральной Азии. До сих пор самым архаичным памятником первобытного искусства Монголии считалась пещера Хойт-Цэнкер. Росписи в ней, выполненные охрой, были датированы эпохой палеолита (Окладников А.П., 1972). Но даже в те годы, когда в Монголии впервые была открыта пещерная живопись, отдельные исследователи сомневались в ее палеолитическом происхождении (Ларичев В.Е., 1968, с.353; Дорж Д., Новгородова Э.А., 1975; Бадер О.Н., 1976, с.332; Формозов А.А., 1983, с.12). Да и само качество рисунков из Хойт-Цэнкера представлялось несопоставимым с европейскими росписями – настоящими произведениями искусства каменного века. «По мнению Э.А. Новгородовой дата рисунков в Хойт Цэнхэрийн Агуй весьма занижена. Она считает, что изображение слона или мамонта в пещере скорее можно принять за рисунок кабана... В более поздней мезолитической или даже скорее неолитической (*подчеркнуто – В.Д.*) дате этого памятника, по мнению Э.А. Новгородовой, убеждают и совершенно аналогичные изображения на скалах под открытым небом в местности Аршан-Хад Кентейского аймака. Там скала с рисунками окружена обильным слоем с яшмовыми и халцедоновыми отщепами, скребками и пластинами неолитического времени» (Дорж Д., Новгородова Э.А., 1975, с.39). После раскопок монгольским историком Х. Пэрлээ одного из камней с рисунками (две трети которого были перекрыты культурным слоем), Э.А. Новгородова ещё более укрепила в своем взгляде на хронологию аршанхадских изображений и знаков, считая их уже мезолитическими (1984, с.30). Обосновывая предложенную хронологию памятника, Э.А. Новгородова подвергла критике мнение А.П. Окладникова, считая, что он «...не привел достаточно веских аргументов» в доказательство палеолитической принадлежности аршанхадских рисунков. Она фактически отказалась от своей прежней датировки рисунков Аршан-Хада неолитом, объясняя их поразительное сходство с росписями пещеры Хойт-Цэнкер преемственностью «традиций при переходе от верхнепалеолитического рисунка к искусству мезолита ...» (Новгородова Э.А., 1989, с.53). Именно на эти выводы, во многом противоречивые и также ничем не обоснованные, опираются сторонники палеолитической принадлежности аршанхадских изображений, полагая, что вот они то и являются самыми главными аргументами исследовательницы (Молодин В.И., Черемисин Д.В., 1999, с.138-139). Но все ученые почему-то игнорировали мнение ещё одного исследователя об Аршан-Хаде: «...редком для востока МНР скоплении рисунков, которые как представлялось ранее, частично перекрывалось слоем с неолитическим кремнем. Однако раскопками установлено, что кремневые поделки просто смыты, переотложены, с расположенной несколько выше петроглифов неолитической стоянки. Там же обнаружен слой с обработанным камнем верхнепалеолитического облика» (Волков В.В., 1981, с.486). Его заключение основано на результатах работы Советско-Монгольской историко-культурной экспедиции (СМИКЭ) в 1979-1980 гг., материалы которой были опубликованы А. П. Окладниковым и его коллегами (1983, с.3-55). Авторы исследования памятника уверены, что петроглифы Аршан-Хада относятся к раннему и среднему палеолиту, но отсутствие стратиграфических разрезов, заложенных шурфов у основания плиты с петроглифами, а также разнородный состав находок в культурном слое (от обломка зуба носорога – единственного артефакта ископаемой фауны до железных изделий и керамики киданей) не убеждает в этом. Да и сам А.П. Окладников, в своей последней работе, пришел к выводу о том, что наличие около плит с петроглифами «...каменных орудий не является свидетельством прямой связи рисунков с этими орудиями. Вероятнее все-

го, древние каменные изделия в гумусном заполнении шурфа и в лежащем глубже слое суглинка или супеси были смыты сверху, с возвышенности над скалой» (1980б, с.78). К эпохе палеолита А.П. Окладников и его соавторы отнесли ещё два памятника с петроглифами: Ишгэн-Толгой и Чандмань-хар-Узюр (1983, с.54-55). К сожалению, в приложении статьи нет ни одного рисунка из этих местонахождений, а их краткое описание также заставляет сомневаться в палеолитическом возрасте рисунков. Да и Э.А. Новгородова в своих последних публикациях была уже не столь уверена, в определении даты других монгольских петроглифов аналогичного типа, отнесенных ею, ранее к мезолиту (1983, с.309). По этому поводу она писала: «Пока же остается открытым вопрос о возрасте многих ранних изображений, например оленя, выбитого на скале в Багазарын-Чулуу в Среднегобийском аймаке, где зверь показан в натуральную величину длиной 160 см рядом с фигурой, напоминающей палеолитический знак» (Новгородова Э.А., 1989, с.54). Сомнения исследовательницы вполне понятны, так как в более ранней работе она датировала этот же памятник неолитом, а «палеолитический знак» рядом с фигурой оленя интерпретировала как изображение тамги, напоминающую «схематичную фигуру мужчины с широко расставленными ногами и высоко поднятыми руками, согнутыми в локтях. Над головой он держит сложное сооружение квадратной формы. Загар этого рисунка более бледный, что свидетельствует о позднем ее возрасте» (Дорж Д., Новгородова Э.А., 1975, с.32-33, с.199, табл. XXVII, 1).

Общепринятый взгляд ряда исследователей на рисунки, выполненные охрой (так называемые писаницы и росписи) в пещерах, гротах и под скальными навесами, как на самые древнейшие в Сибири и Центральной Азии, не подтверждается фактами. В соседней с Монголией Туве, рисунки краской, известны на Верхнем Енисее, у Джойского порога и в Сосновке Джойской. Персонажи: лось, бык, лошадь; сюжеты: лодка с людьми, а также около 30 окуневских масок. Животные выполнены в контурной и силуэтной технике. Я.А. Шер датирует памятники энеолитом (1984, с.133). Интересно, на наш взгляд, и его замечание по поводу, опубликованных Д. Доржем и Э.А. Новгородовой, тамгообразных знаков, нанесенных охрой. Он видит в косых крестах, полосах, линиях с разветвлениями, сходство с основными деталями окуневских масок из Саянского каньона, Минусинской котловины и Восточного Саяна (Шер Я.А., 1984, с.128). Совсем недавно в Туве исследованы и опубликованы крашенные рисунки в урочище Ямалык, находящимся в районе, близком к котловине Великих озер. Репертуар росписей: быки, лошади, олени, лоси и бараны. Имеются и различные знаки, в том числе косые кресты. Исследователи сравнивают некоторые фигуры животных с изображениями в пещере Хойт-Цэнкер, однако, датируя тувинские росписи энеолитом или ранней бронзой, вплоть до скифской эпохи. В этой же работе подвергаются критике определения дат монгольскими археологами для других пунктов с петроглифами Монголии, и в частности палеолитический возраст рисунков Ишкийн (Ишгэн)-Толгой в долине р. Цэнхэр, у сомона Махан, Кобдосского аймака (Килуновская М. Е., 1990, с.198-205).

В настоящее время появился ряд публикаций, ставящих под сомнение палеолитический возраст росписей пещеры Хойт-Цэнкер (Варенов А.В., 1995, с.17-18; он же, 1998, с.89-91; Корсун О.В., 1995, с.77-80; и др.). Проблемам датирования росписей Хойт-Цэнкера и «палеолитических» рисунков Аршан-Хада были посвящены и большие разделы в статьях автора, в которых на основе анализа имеющихся данных был сделан вывод, что рисунков, относящихся к эпохе камня, в Центральной Азии пока неизвестно (Кубарев В.Д., 1997, с.25; Kubarev, 1998, p.205-206). Предположение автора об отсутствии палеолитических росписей в пещерах и гротах соседнего Китайского Алтая также подтвердилось. Нижняя хронологическая граница создания крашенных рисунков «пещерного искусства» определена китайскими археологами периодом позднего неолита или эпохой ранней бронзы (Су Бэйхай, 1994; Варенов А.В., 1998, с.89-90). И совсем недавно открыты рисунки, выполненные ох-

рой еще в двух пещерах Монголии: Цаган Агуй и Саальтын (Гобийский Алтай). Исследователи, по аналогии с забайкальскими памятниками, связывают их с культурой плиточных могил и датируют росписи концом II – началом I тыс. до н.э. (Деревянко А.П., Петрин В.Т., и др., 1997, с.73-75).

На основании приведенных фактов следует сделать вывод, что еще одна попытка интерпретации синкретических рисунков животных из алтайского высокогорья как изображений мамонтов, также оказалась не состоятельной. Таким образом, вопросы зарождения и эволюции первобытного искусства на территории Монгольского Алтая, да и всей Центральной Азии, и сегодня остаются открытыми и дискуссионными.

У.В. Ярных

(Якутск, Якутский государственный университет)

Информационные традиции в искусстве неолита Якутии

Первобытное искусство нельзя рассматривать с точки зрения искусства современного, оно несло другое значение. Иногда выполняло и информативную роль (Мартынов, 1996). Отличие его от современного в том, что кроме художественного образа имелись информационные системы. Они несут в себе очень часто календарную информацию (календари лунные, солнечные и других планет), составленную в результате тысячелетних наблюдений древних людей за небом.

Информационная система состоит из двух компонентов: орнаментальный и информационно-знаковый. Последний составляют изображения животных, антропоморфные и зооморфные существа; встречаются главным образом в рисунках, гравюрах и скульптурах (Ларичев, 1993). Орнаментальный компонент искусства (счётные знаки) делятся: 1) пятна (или лунки) и прямые линии (или насечки), характерные для писаниц и мелкой пластики, составляют пунктуации; 2) геометрические знаки (зигзаги, решетки).

Цель данной работы – рассмотреть только линейные виды счётных знаков (линии, насечки, черточки), как носителей календарной информации в искусстве неолита Якутии, ведь именно они чаще, чем, например, зигзаги или изображения животных являются таковыми.

Насечки бывают короткие, длинные и с их «продуманным» чередованием. В сылахской культуре примером могут служить находки из пещеры Хаергас. Это игольники, выполненные из костей животных или крупных птиц.

Первый игольник, найденный в четвертом слое, имел длину примерно 10,5 см. Его «узор» можно разделить на 6 секторов:

1) 7 одинаковых длинных насечек (7 лунных циклов, т.е. зимне-весенний сезон), 5 длинных насечек (5 лунных циклов летне-зимнего сезона), символ «И» (соединены три линии) между ними, возможно, так обозначен какой-то древний праздник.

2) 15 коротких насечек, расположенных в два ряда один над другим – 1/2 синодического лунного цикла.

3) 5 одинаковых, длинных насечек. Здесь следует заметить, что кроме единичного нормального кода, когда каждая насечка имеет счёт (5 насечек = 5 знакам), есть ещё и единичный позиционный код, когда считаются не насечки, а промежутки между ними, счёт начинается не с единицы, а с нуля (5 насечек = 4 знакам). В этом блоке – позиционный код – 4 деления, т.е. 1/2 года (1 деление – 45-46 суток).

4) 2 ряда по 15 и 16 коротких насечек, учитывая позиционный код, это один синодический лунный цикл (29 суток).

5) 9 длинных линий (8 делений) – один солнечный год (8 месяцев по 45-46 дней).

6) Сектор повреждён.

Другой игольник с несколькими рядами насечек найден в четвёртом культурном слое. Игольник повреждён, но можно предположить, что он орнаментирован пятью рядами по 29 насечек в каждом. Насечки параллельны друг другу, но длина их разная. 29,5 – количество суток в лунном месяце, т.е. на изделии изображено пять лунных месяцев. Причём на втором и четвёртом рядах добавлено по одному знаку (=30) для выравнивания счёта. В обоих игольниках насечки параллельны, за исключением символа «И» в первом.

Типы насечек разделяются по критериям: 1) величина – длинные и короткие (о чем говорилось выше), параллельность, толщина и т.д.; 2) обособленные и соединяются («И»), как располагаются в пространстве элементы разной длины – перпендикулярно или параллельно.

К белькачинской культуре относится Родинское погребение на Колыме, где было обнаружено несколько костяных орнаментированных изделий, скорее всего – древние календари (Алексеев, 1996). Количество насечек на одном из них делятся на 4 блока, кратные 9 и 4 блока кратные 4. При такой комбинации можно получить любое число от 72 до 92, некоторые из которых соответствуют древним расчетам в природных циклах (Пеньков, 1993). Линии разной длины с одной стороны и одинаковые с другой параллельны друг другу. Соединяются под углом, образуя своеобразный зигзаг. Другие предметы также имеют календарно-астрономическое значение, но виды орнаментации (счетных знаков) иные, поэтому в данной статье рассматриваться не будут.

В Иччилахском погребении, которое относится к ымыяхтахской культуре (Федосеева, 1980), также обнаружены орнаментированные изделия. На одном из игольников вертикальные насечки расположены между верхним и нижним ободками и записывающих его горизонтальных линий и направленных к ним коротких перпендикулярных штрихов (Федосеева, 1980). Горизонтальные линии с обоих концов игольников параллельны друг другу и состоят из соединенных насечек (зигзаги). Перпендикулярны им в середине изделия располагаются длинные парные линии. Такая же «парность» наблюдается на орнаменте керамического сосуда. От центра под острым углом отходят линии. Зрительно они воспринимаются не как две черты, а как одна широкая и выпуклая (схожая с единичным позиционным кодом). В качестве вывода необходимо отметить информационную традицию, которая наиболее ярко отобразилась именно в линейных формах четных знаков. Это использование единичного нормального и единичного позиционного кода. Последние являются большим достижением, и использование его относится к довольно развитым эпохам.

Научный руководитель – к.г.-м.н. А.В. Пеньков

П.С. Кнуренко

(Якутск, Якутский государственный университет)

Распределение наскальных изображений Таежного и Степного стилей по плоскостям писаниц Приамурья и Восточного Забайкалья (VI-I тыс. до н.э.)

Многие исследователи отмечают в своих работах наличие преобладающего типа экспозиции скальных плоскостей с изображениями или сходную ориентацию фигур на отдельных памятниках и в некоторых географических районах (Линевский А.М., 1939, с. 54, 82; Формозов А.А., 1969, с. 227; Чернецов В.Н., 1969, с. 107-113, 1971, с. 83; Окладников А.П., Запорожская В.Д., 1970, с. 65; Диков Н.Н., 1971; Хлобыстина М.Д., 1971, с. 174, 176; Окладников А.П., Мартынов А.И., 1972, с. 240-241; Равдоникас Ф.В., 1978, с. 117-132; Окладникова Е.А., 1984, с. 60-61; Пяткин Б.Н., 1985, с. 116-117; Мельникова Л.В., 1990, с. 217-221, 1996, с. 89-100; Тиваненко А.В., 1990а, с. 52, 1990б, с. 222-228; Деревянко А.П. и др., 1996, с. 62; Дэвлет М.А., 1998, с. 148, 230). По нашему мнению, это одно из проявлений опреде-

ленной системы в духовной культуре древнего человека. Вполне возможно, в отдельных группах населения, обособленных хронологически или территориально, существовали традиции не только в стилистике петроглифов, но и в ориентации плоскостей с наскальными изображениями и в распределении самих рисунков по данным плоскостям (Кочмар Н.Н., Пеньков А.В., Кнуренко П.С., 1996, с. 83-87; Кнуренко П.С., 1999а, с. 92-93, 1999б, с. 242-250). При этом некоторые изобразительные традиции могли носить интервременной характер (Мартынов А.И., 1995, с. 5) и (или) распространяться на обширной территории.

Руководствуясь данными положениями, предпринято изучение расположения наскальных изображений Таежного и Степного стилей датируемых периодом неолита и раннего металла (VI-I тыс. до н.э.). Данные стили выделены А.И. Мазиным на писаницах Приамурья и Восточного Забайкалья (см. рис. 1) на основе различий в стилистике и тематике рисунков (Мазин А.И., 1986, с. 105-115; 1994, с. 81-88). Помимо этого им зафиксированы различия по территории распространения памятников и типам сопутствующих жертвенников. Отметим строго выдержанную архитектуру жертвенников в оградках и их расположение в одинаковых топографических условиях; общую, для человеческих жертвоприношений, ориентацию костяков в восточном направлении и ориентацию черепов на запад в средневековых захоронениях у плоскостей с наскальными изображениями (Мазин А.И., 1994, с. 72-75).

Всего выявлено: на 12 писаницах – 47 скальных плоскостей с изображениями Таежного стиля, на 11 памятниках – 67 плоскостей с рисунками Степного стиля (по писанице Дровяной нет данных об ориентации плоскостей, поэтому она не была включена в выборку). Плоскости с изображением Таежного стиля, как правило, экспонированы на юго-запад (36,2%) и юг (23,4%). На писаницах, относящихся к Степному стилю, преобладает западная (28,4%) и юго-восточная (23,9%) ориентация плоскостей (см. рис. 2).

Анализ распределения некоторых видов изображений показал:

1. На писаницах с рисунками Таежного стиля зооморфные фигуры встречаются чаще (66 особей на 18 плоскостях, против 22 особей на 13 плоскостях, относящихся к Степному стилю). В первом случае преобладают единичные фигуры и группы (3 и более особей), во втором, единичные особи и пары. Зооморфные изображения обоих стилей, в основном, краинальной частью туловища ориентированы вправо: 47 особей (71,2%) Таежного стиля и 13 особей (59,1%) Степного стиля. Соотношение особей Таежного и Степного стилей – 3:1. Таким образом, зооморфные фигуры можно отнести к одной из изобразительных традиций Таежного стиля (Мазин А.И., 1994, с. 82-84).

Различия между стилями также прослеживаются в типах прорисовки зооморфных изображений: на писаницах Степного стиля встречаются только силуэтные фигуры (100%), а Таежный стиль представлен, в основном, контурными – 53 особи (80%). При этом силуэтные изображения Таежного стиля встречаются на плоскостях, экспонированных на юго-запад, юг и восток, в то время как контурные – на плоскостях с различной экспозицией, кроме северо-западной. Северо-западный сектор является «запретным» для нанесения зооморфных изображений обоих стилей. Зооморфные фигуры Степного стиля отсутствуют на плоскостях с северо-западной, северо-восточной и южной экспозицией, в то же время на плоскости с южной экспозицией приходится максимальное количество особей Таежного стиля (36,4%). Возможно, это связано с большим числом плоскостей (подобно этому максимум особей Степного стиля (31,8%) зафиксирован на плоскостях, ориентированных в западном направлении). Однако, на плоскостях с юго-западной экспозицией (максимальное количество плоскостей Таежного стиля) присутствует всего 10,6% зооморфных изображений. Интересно, что особи Степного стиля, на плоскостях с северной и юго-восточной экспозицией, чаще обращены к западу и юго-западу, чем к востоку и северо-востоку, а особи Таежного стиля (на плоскостях с юго-западной и юго-восточной ориентацией) – к востоку.

Рис. 1. Местонахождение писаниц с рисунками Таежного и Степного стилей (по А.И. Мазину, 1986).

Таежный стиль: 1 – Бараун Чулутай; 2 – Цорон I; 3 – Цорон II; 4 – Усть-Цорон; 5 – Бараун Кондуй I; 6 – Калашниково; 7 – Бырка; 20 – Олекма; 21 – Средне-Шайкано; 22 – Средний Нюкжа; 23 – Геткан; 24 – Большой Онон.
 Степной стиль: 8 – Копчил; 9 – Цорон III; 10 – Бараун Кондуй II; 11 – Могойтуй; 12 – Малый Улестай; 13 – Маргузец; 14 – Урулдонгуй I; 15 – Нортуй I; 16 – Нортуй II; 17 – Казачий III; 18 – Казачий IV; 19 – Дроздовой (нет данных по ориентировке плоскостей с изображениями).

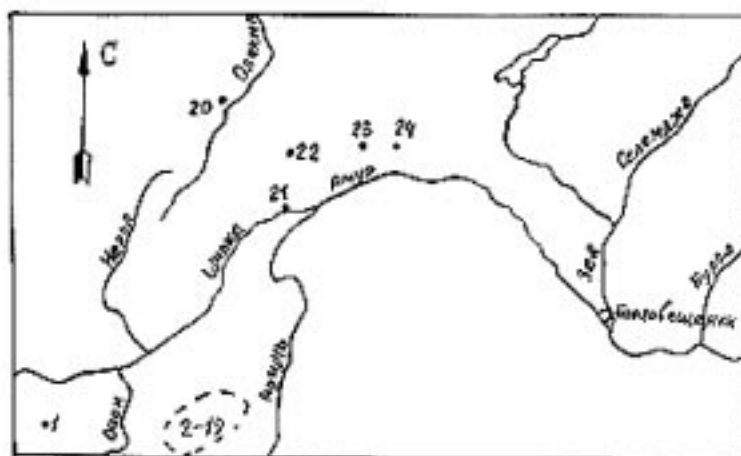
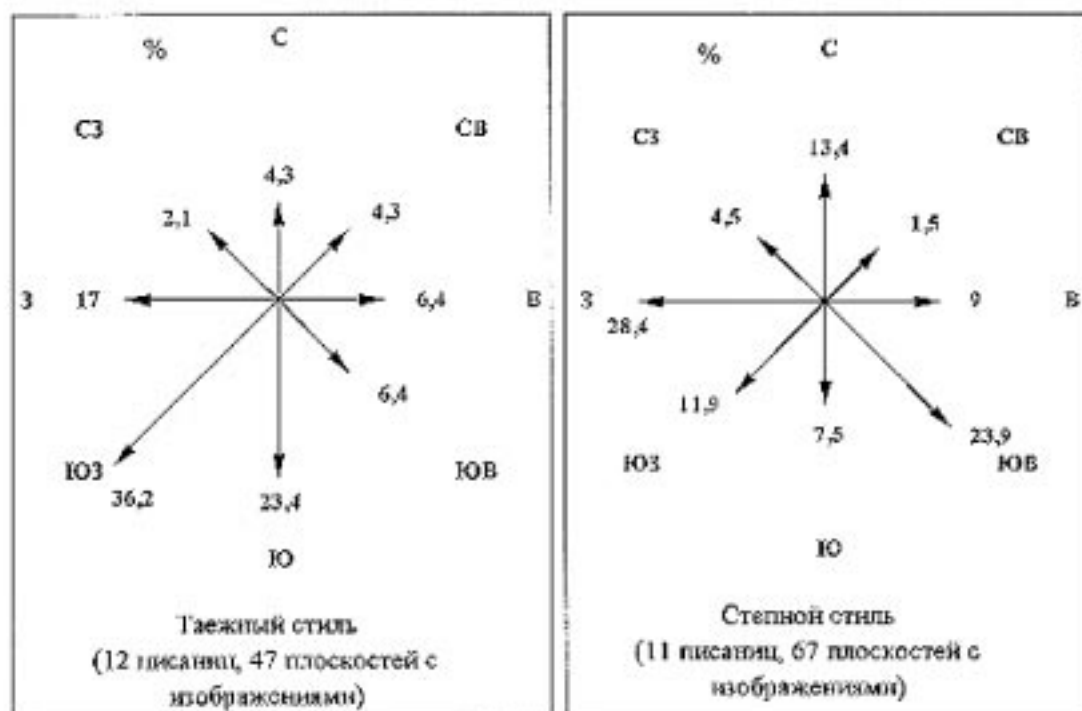

Рис. 2. Распределение плоскостей с наскальными изображениями Таежного и Степного стилей по экспозиции.

2. На 37 плоскостях, анализируемых писаниц, зарегистрировано 136 достоверно антропоморфных фигур Таежного стиля. 301 антропоморфное изображение Степного стиля присутствует на 51 плоскости. На двух плоскостях писаниц, относящихся к Таежному стилю, выявлены 6 рисунков лодок с 46 вертикальными черточками – фигурками «гребцов» (4 лодки с 36 «гребцами» на писанице Олекма и 2 лодки с 10 «гребцами» на писанице Средне-Шайкино). Антропоморфных фигур Степного стиля в 2,2 раза больше, чем фигур Таежного стиля (в 1,7 раз больше с учетом гребцов на лодках).

Соотношение зооморфных и антропоморфных изображений свидетельствует о преобладании последних на плоскостях с рисунками Таежного стиля – 1:2,1 (1:2,8 с учетом гребцов) и на памятниках Степного стиля – 1:13,7 соответственно. Интересно, что зооморфные и антропоморфные изображения Степного стиля в количественном соотношении распределяются по-разному: если зооморфные особи чаще изображаются единичными, то антропоморфные фигуры – группами. Рисунки Таежного стиля распределяются иначе: реже встречаются парные, чаще единичные и группы:

Стили	Изображения	Единичные	Пары	Группы
Степной стиль	зооморфные	7	4	2
	антропоморфные	7	8	36
Таежный стиль	зооморфные	7	4	7
	антропоморфные	12	8	17

Большинство антропоморфных фигурок Таежного стиля находится на плоскостях с южной экспозицией, Степного стиля – с юго-восточной:

	С	СЗ	З	ЮЗ	Ю	ЮВ	В	СВ
ТС	7 (5,1%)	3 (2,2%)	31 (22,8%)	34 (25%)	56 (41,2%)	10 (7,4%)	2 (1,5%)	3 (2,2%)
СС	47 (15,6%)	6 (2%)	75 (25%)	46 (15,3%)	19 (6,3%)	89 (29,6%)	21 (7%)	-

Анализ типов прорисовки антропоморфных фигур показывает преобладание линейной прорисовки в обеих группах (Таежный стиль – 76,5%, Степной стиль – 92,4%). Только такие фигуры встречаются на плоскостях с южной экспозицией (Степной стиль), с северной, северо-восточной, восточной (Таежной стиль) и с северо-западной ориентацией (в обоих случаях). Контурные фигуры на писаницах Степного стиля отсутствуют.

Таким образом, выявлены некоторые различия между памятниками Степного и Таежного стилей, заключающиеся в ориентировке плоскостей с изображениями; количестве антропоморфных и зооморфных фигур, на плоскостях с определенной экспозицией; типах прорисовки. Это, в определенной мере, дополняет результаты ранее проведенных исследований А.И. Мазина. По-видимому, выявленные различия отражают своеобразие духовной культуры таежных охотников и скотоводов. Изучение распределения наскальных изображений Таежного и Степного стилей следует продолжить для уточнения характера выявленных различий (функционального, хронологического, территориального, или их совокупности).

Научный руководитель – д.и.н. А.Н. Алексеев.

А.Н. Савин

(Новосибирск, Новосибирский государственный педагогический университет)

Классификация антропоморфных изображений искусства самусьской культуры

История изучения самусьской культуры в археологии Западной Сибири насчитывает более 40 лет. За это время был создан ряд работ посвященных изучению семантики искусства самусьской культуры. Основную часть самусьского творчества составляют антропоморфные и зооморфные изображения из поселения Самусь VI.

Единичные изображения были так же найдены в Томском Приобье на поселении Держинский и в Новосибирском Приобье на памятниках самусьской культуры Крохалевка-1 (Молодин В.И., Глушков И.Г., 1989) и Крохалевка-13.

Многообразие мотивов самусьского искусства поставило вопрос классификации изображений. Подробно эту тему рассмотрел Матющенко В.И., выделив три вида изобразительного творчества самусьской культуры: 1 Орнамент на керамике; 2 Антропоморфные и зооморфные рисунки на стенках сосудов; 3 Скульптура из камня и глины (Матющенко В.И. 1973, с. 95).

Глушков И.Г. рассматривая керамику самусьской культуры, предложил классификацию антропоморфных изображений выполненных на стенках сосудов. Но была охвачена лишь часть известных изображений (Глушков И.Г., 1986, с. 75).

На сегодняшний день классификация Матющенко В.И. является основополагающей в изучении искусства самусьской культуры.

С появлением новых материалов изобразительного искусства самусьской культуры будет уместно частично пересмотреть и дополнить классификацию Матющенко В.И., задействовав полный на сегодняшний день, комплекс антропоморфных изображений самусьской культуры.

Группу антропоморфных изображений самусьской культуры, на основании технологических различий, можно разделить на три типа изображений: 1. Объемные; 2. Плоскостные; 3. Графические.

I тип. Объемные антропоморфные изображения из камня. Представлен пятью каменными скульптурами в виде головы человека, обнаруженные на поселении Самусь IV, и единичной находкой с поселения Держинский в виде каменной Г-образной «утюжка-гладилки» увенченного скульптурной головой человека. Все изображения выполнены на плоскости гальки, включая узкую грань, с помощью точечной ретуши. Изображения выполнены в одной стилистической манере и отражают один физический тип (Студзицкая С.В., 1987, с. 76).

Каждая из скульптур имеет индивидуальные художественные черты, но при этом схожи между собой по ряду признаков: изображение лица в форме удлинённого овала, глаза показаны выступающими плоскостями, желобчатые линии на поверхности скульптур. Высота фигурок 13-15 см. Видимо изображение туловища в скульптуре самусьского творчества было маловажно и не носило смысловой нагрузки. Наиболее близкие аналогии самусьским скульптурным изображениям можно найти среди каменных изваяний Окуневской культуры (Вадецкая Э.Б., 1969, с. 270-274; Леонтьев Н.В., 1978, с. 97-99).

II тип. Бронзовые плоскостные антропоморфные изображения искусства самусьской культуры представлены единичной находкой. Бронзовая фигурка человека в «танцующей позе» с памятника Крохалевка-13 (Троицкая Т.Н., Дураков И.А., Савин А.Н. (в печати)). Голова человека передана в форме овала с двумя вдавлениями, изображающими глаза. Руки человека чуть согнуты в локтях, а кисти рук лежат в области таза. Человек стоит приподнявшись на носках, чуть согнув колени.

В плоскостной антропоморфной фигуре Крохалевки-13 можно проследить, по ряду признаков, стилистическое единство с изображениями человека на керамике поселения Самусь IV. Прежде всего это вытянутые пропорции туловища, одинаковая поза «танцующего человека». Кроме того, среди антропоморфных рисунков с поселения Самусь IV имеется изображение человека с головой в форме овала. Возможно, стилистическое единство этих изображений может свидетельствовать о схожем семиотическом значении плоскостной фигурки человека с памятника Крохалевка-13 и части антропоморфных изображений на керамике с поселения Самусь IV.

III тип. Графические антропоморфные изображения выделены на основании самой многочисленной группы изображений, выполнены прочерченными линиями на поверхности керамики.

В антропоморфных графических изображениях, на основании различной схематичности, можно выделить три под типа: 1. Полное изображение человека в фас; 2. Схематическое изображение человека; 3. Изображение личин.

1 подтип. Полное изображение человека в фас. Имеет множество различных модификаций, повторяющейся чертой которых является наличие контурно обозначенного туловища. Среди полных изображений человека в фас можно выделить шесть видов.

1 вид. Полное изображение человека в фас с двумя линиями вместо головы. Среди 1-го вида различается четыре модификации: с осевой линией по центру туловища (а), со скелетным орнаментом в виде «тельняшки» (б), с осевой линией по центру туловища и контурно выделенными руками (в), с двумя парами рук и «тельняшкой» (г).

2 вид. С тремя линиями вместо головы. Во втором виде можно выделить пять модификаций: с «тельняшкой» (а), с двумя парами рук и осевой линией по центру туловища (б), с удлиненной «тельняшкой» и косым крестом в области таза (в), биконическая фигура с поднятыми руками. Схематично обозначены кисти рук. Тело заполнено «тельняшкой». От рук и крайних линий головы отходит по два луча (г), с двумя парами рук и «тельняшкой» (д),

3 вид. Полное изображение в фас, лежащее в горизонтальной плоскости. Расположено по устью сосуда.

4 вид. Полное изображение человека в фас со стилизованной передачей лица.

Голова в форме усеченного с верху овала, заканчивающегося тремя лучами. Изображение имеет контурно выделенное туловище с вертикальной осевой линией. В некоторых случаях нос вылеплен скульптурно выступающей поверхностью. В основном изображения этого вида вписаны в овал. От талии, бедер и коленей человека отходят линии, соединяющие фигуру человека с овалом.

5 вид. С пятью линиями вместо головы.

6 вид. С овальной головой.

II подтип. Схематическое изображение человека. Постоянной чертой всех видов данных изображений человека является схематично выполненное туловище. Видовое разнообразие является следствием различной доли схематичности изображений.

1 вид. Схематическое изображение со стилизованной передачей лица. Голова обозначена усеченным с верху овалом. От головы отходят три луча. Глаза и рот показаны вдавлениями. Зачастую от головы в стороны отходит 3-4 линии. Различается несколько модификаций.

2 вид. Схематическое изображение человека в фас, переданное с помощью одиночных линий в канонической позе.

3 вид. Схематические антропоморфные изображения в виде окружности, в центре которой стилизованно передано лицо. Тело передано тремя линиями. Нос может быть скульптурным или полностью отсутствовать.

4 вид. Предельно схематичные изображения: в виде прямоугольника с пересекающимися диагоналями (а), в виде двух дуг, пересеченных тремя линиями пополам (б), тело в виде прямоугольника, рассеченного пополам. От фигуры отходит 5 линий сверху и 3 линии снизу (в), окружность с круглым давлением в центре, три выходящие линии сверху, две по бокам (г), биконическая фигура (д).

III подтип. Изображения личин. Основным признаком всех изображений этого подтипа является стилизованная передача лица с помощью контурного обозначения овала или круга головы, выделенных контуром глаз иногда рта. Таким образом, предложенная классификация позволяет сгруппировать все известные типы антропоморфных изображений самусьской культуры, имеющие технологические различия, а так же проследить стилистическое единство ряда изображений. Рассмотрев полный видовой комплекс антропоморфных изображений можно говорить о присутствии нескольких стилей в построении рисунка самусьской культуры. Первый из них связан с объемными изображениями и более близкими к ним по стилю изображения личин. Второй стиль прослеживается как в плоскостных, так и в графических антропоморфных изображениях.

Научный руководитель – д.и.н. Т.Н Троицкая.

И.Ю. Леонова

(Барнаул, Алтайский государственный университет)

Коммуникативная функция образа лошади в эпоху бронзы

Существует несколько символических и смысловых значений образа лошади в жизни первобытного общества: конь был символом богатства, власти, мог выступать в роли тотема рода, покровителя профессионального союза или даже личного покровителя; колесница являлась одним из элементов инсигнии воинов. Мы остановимся лишь на одном аспекте.

Коммуникативная функция состояла в том, что образ коня выступал как своеобразное «средство связи» с иным миром. Это можно проследить на таких символически смысловых значениях данного образа, как жертвенное, психопомпное, иерофантаное, экстатическое и инкарнационное.

Принесение жертвы можно рассматривать как один из способов коммуникации (общения) с иным миром, который связывает коллектив и божество. Обмен из материальной сферы переносится в духовную, т.е. жертва обменивается на благо. Подобный обмен – основа ведийского культа, в котором подчеркивается жизненная необходимость данного ритуала. Особое внимание уделяется конской жертве. Обряд принесения дара богу имел у древних ариев сложный смысл, который заключался в следующем:

1. Добиться милости богов;
2. Привлечь внимание божества к нуждам жертвователя;
3. Выразить благодарность за уже проявленную богами милость;
4. Жертва усиливала богов, которые должны были исполнить просьбы людей;
5. Подчинить божество воле жертвователя;
6. Сотворения, рождения мира;
7. Освобождение от прегрешения, очищение.

Образ коня имел психопомпное значение – он служил проводником душ умерших. Это значение одно из основных для рассматриваемого образа (Элиаде, М., 1987, с. 173). В мифологии коня, действительно, преобладает погребальный мотив, данный образ воспринимался как символ смерти. Роль образа лошади как перевозчика душ хорошо прослеживается по иранским источникам, например, в Ригведе. «Перевозчик» – посредник между миром людей и небом помогал хозяину совершить трудный путь в обитель предков, на небесные

пастбища. Следует заметить, что по представлениям людей эпохи бронзы душа совершала путешествие в иной мир непосредственно не на коне (как в более поздние эпохи), а на колеснице, запряженной двумя лошадьми.

В погребальном культе смерть часто рассматривается как воскрешение новой жизни. Отсюда – иерофантная функция рассматриваемого образа: он дарует бессмертие, воскрешает. Это функция отражена, в частности, в обряде ашмаведхи. Хотелось бы отметить, что этот обряд интересен еще и тем, что он фиксирует соотношение частей тел лошади с определенным видом благ и общественным слоем: голова ассоциировалась с духовной энергией (и кастой брахманов), средняя часть – с физической силой (кшатрии), задняя часть – с обилием скота (вайшьи).

Образ коня используется как средство достижения экстаза, «выхода из себя» в шаманских ритуалах и мифологии. Отсюда его экстатическая функция. «Конь» дает шаману возможность взлететь на воздух, достичь неба, а не только возможность совершить путешествие в inferнальные края (Элиаде М., 1987, с. 173). Уже упоминалось, что конь – мифический образ смерти, с этих позиций он включен в идеологию и технику экстаза. Чтобы перейти в иное измерение, необходимо «умереть» в этом. Конь обязательно (в той или иной форме) присутствует в камлании, облегчая «впадение» в транс, обеспечивая полет души в иные миры.

Образ коня имел инкарнативное значение. Он был земным воплощением (или одним из воплощений) божества, что можно рассматривать также как один из способов общения различных миров. Следует отметить, что некоторые исследователи видят в инкарнации одно из проявлений сверхъестественной способности божества, что не связано с рассматриваемым элементом культа как таковым (Нестеров С.П., 1990, с. 10). Анализ функции божеств, воплощавшихся в образе коня, позволил сделать следующие выводы: 1) почти все божества относятся к разряду «атмосферных»; 2) они связаны с войной, это боги-воины, часто едущие на колесницах; в их культе отражена идеология воинов, правителей; 3) это «светлые» боги, принадлежащие к высшей мифологии (особо устойчива связь образа коня и солнца, коня и пары близнецных божеств); 4) рассматриваемые божества даруют блага, могущество, защищают от несчастий, злых сил; связаны с грозой, водой как дарами неба, правдой неба.

Все это не противоречит представлениям о коне как о символе богатства, силы, социального могущества.

Интерпретация образа лошади, рассмотрение его коммуникативной роли способствуют более адекватному пониманию археологических находок, наскальных изображений и других источников изучения жизнедеятельности древних обществ эпохи бронзы. Без учета особенностей восприятия мира древними людьми сложно интерпретировать культурное наследие прошлого.

Научный руководитель – к.и.н. А.А. Тишкин.

А.А. Уткин

(Новосибирск, Новосибирский государственный педагогический университет)

К вопросу о технологии производства бронзовых гвоздевидных подвесок ирменской культуры

Гвоздевидные подвески, как категория бронзовых украшений, имеет широкий ареал распространения в рамках ирменской культуры и по мнению ряда исследователей являются её этническим показателем (Молодин В.И., 1985, с. 126; Бобров В.В., Чикишева Т.А., Михайлов Ю.И., 1993, с. 90 и др.).

Для изучения технологии производства нами использованы изделия с курганных могильников Титово, Журавлёво-4, Преображенка-3, Милованово-1, Камышенка, Чёрное озе-

ро-1 и городища Батурино-1 (Савинов Д.Г., Бобров В.В., 1978, с.47-62; Савинов Д.Г., Бобров В.В., 1981, с.122-135; Бобров В.В., Чикишева Т.А., Михайлов Ю.И., 1993; Молодин В.И., 1985, с. 125-126; Сидоров Е.А., 1989, с. 35-41; Новикова О.И., 1995, с. 41-45; Членова Н.Л., 1994; Молодин В.И., Бородовский А.П., Троицкая Т.Н., 1996, с. 131). Всего учтено 38 экземпляров.

Гвоздевидные подвески представляют из себя изогнутый по форме ушной раковины стержень со шляпкой. Размеры, материал и способы изготовления различны. По размеру встречаются как довольно небольшие, так и массивные экземпляры. Материалом для изготовления в основном служила бронза, но известны и экземпляры из серебра (Членова Н.Л., 1994, с. 22, рис.6,31).

Проследить технологию производства нам позволяют трассологические признаки на самих изделиях. Наиболее информативными являются расположения литейных швов и сломов на поверхности изделия, литейные браки, а также следы вторичной обработки. Эти признаки с наибольшей достоверностью позволяют восстановить производственный процесс, начиная со строения литейных форм, способов подачи металла и заканчивая доработкой готовых изделий.

В независимости от того, как изготавливались подвески, каждая из них подверглась вторичной обработке, которая заключалась в удалении литников, швов, проковке стержня и залащивании внешней поверхности шляпки.

Литники и швы удалялись при образивной обработке, следы от которой на поверхности выглядят в виде параллельных друг другу царапин. Другим вариантам удаления литника, если он находился на конце стержня, был облом без подрезки, о чём говорит неровная поверхность слома. Более тонкий вариант обработки – это залащивание. Обычно такой обработке подвергалась лицевая поверхность шляпки, что придавала ей гладкий, возможно, зеркальный вид.

Исходя из этих признаков, подвески можно разделить на цельнолитные и паяные, когда к стержню подвески припаивалась шляпка (Савинов Д.Г., Бобров В.В., 1981, с. 133).

Паяные подвески изготавливались в два этапа. Первый заключался в изготовлении шляпки и стержня, а второй – в их соединении. Цельнолитные подвески изготавливались в один этап, и после этого не предполагалось каких-либо существенных доработок, связанных с литьём.

Отдельные составные части подвесок так же имеют свои особенности, которые, несомненно, связаны с технологией производства. Подвеску можно условно разделить на две части: шляпку и стержень. Шляпки по форме обычно бывают круглые или овальные, а по сечению плоские или выпуклые. Стержень имеет округлое сечение. Различия заключаются в степени вторичной обработки и толщине несоединённой со шляпкой части. В одном случае имела место проковка стержня с последующем заострением его оконечности. В других случаях мы можем наблюдать равномерно прикованный по всей длине стержень без заострения либо с утолщением его оконечности.

В заключении рассмотрим основные способы производства подвесок. Они изготавливались в двусторонних двухчастных или трёхчастных формах. В двухчастных формах заливка металла могла производиться как со стороны стержня, так и со стороны шляпки. При заливке со стороны шляпки сама шляпка являлась одновременно литниковой чашей. В этом случае получалась плоская по сечению шляпка обычно неправильной подовальной формы и была велика вероятность образования литейных дефектов на её поверхности. Их можно проследить визуально. Будут видны следы застывания поверхности натяжения металла и усадочные раковины. В дальнейшем такое изделие требовало основательной вторичной обработки шляпки, что, в конечном счёте, сказывалось на её внешнем виде. При заливке со стороны стержня, шляпки получались плоские или выпуклые правильной овальной или круглой фор-

мы. Грубой обработки требовал стержень подвески в виде удаления литника путём слома. Таким образом, характерными признаками изготовления в двухчастных формах являются: 1) наличие литейных швов на стержне и внутренней поверхности шляпки, 2) следы грубой абразивной обработки на лицевой поверхности шляпки, 3) образование литейных браков на поверхности шляпки и её не совсем правильная форма при заливке со стороны шляпки.

В трёхчастной форме заливка производилась со стороны стержня. Характерными признаками заливки данную форму являются: 1) гладкая лицевая поверхность и правильная форма шляпки, 2) наличие литейных швов только на стержне и отсутствие их на шляпке, 3) небольшое утолщение стержня в месте его перехода в шляпку.

Научный руководитель – И.А. Дураков.

Н.А. Михалев

(Чита, Забайкальский государственный педагогический университет)

Петроглифы бассейна реки Хилок (Забайкалье): стилистика и идейное содержание

Бассейн р. Хилок представляет собой территорию, которая в историческом и культурном отношении связана с восточной периферией Байкальской Сибири. Она богата многообразием типов археологических памятников среди которых особое место занимают наскальные рисунки (петроглифы). В ходе исследования района археологическими экспедициями ЧАО было обнаружено и зафиксировано две группы писаниц: в долине р.Блудная (Гыршелунские и Шаман-Гора) и петроглифы р.Унго (Усть-оборские). Основной техникой нанесения зафиксированных рисунков является роспись красной охрой. Специфика природного окружения древнего человека, обитающего на р.Хилок, имела реальное отражение в изображаемых сюжетах.

Описание и датировка писаниц мною производится в соответствии с их географической дислокацией.

Гыршелунские писаницы:

В 1990 г. в этом районе была обнаружена писаница на гыршелунских скалах – у устья р. Блудной. Эта писаница находится на высоте 900 метров над уровнем моря. Она представлена плоскостью с изображениями 3-х фигур птиц на каменной стеле. Птицы представлены в одной стандартной позе. Изображения птиц отличаются по форме хвоста. У первой слева и крайней справа фигур птиц хвост разделён на три лопасти. Хвост второй фигуры птицы внизу расширен и раздвоен на две более или менее симметричные лопасти. Хвосты трёх изображений показаны с чётким перехватом, в «талию». Крылья широкие, в виде дуги, лунообразные. Головы имеют вид небольших овальных выступов. Фигуры птиц показаны в более детализированном виде, чем на аналогичных степных писаницах, более реалистично. Характерна и своеобразная «ажурная» техника оформления этих изображений – с перекрещивающимися линиями незаполненного краской скального фона внутри. Это видимо, своеобразный таёжный вариант оформления образа летящей птицы, заимствованного охотниками от их степных соседей и преобразованного соответственно местным традициям. Если исходить из этого, то первый вывод такой, что изображались хищные птицы, у них в полёте видны широко раскрытые крылья и широкие хвосты и относительно маленькие головки. Гыршелунскую писаницу можно отнести к селенгинской группе и датировать второй половиной 2 тыс. до н. э. – первой половиной 1 тыс. до н. э. (Окладников А.П., Запорожская В.Д. 1970, с. 68).

Писаницы – Шаман Гора:

В январе 1996 г. был обнаружен новый комплекс памятников наскальной живописи, в среднем течении р. Блудная, на правом берегу. В 2000г. экспедицией ЧАО, этот комплекс

был исследован и были зафиксированы наскальные писаницы, а также произведены раскопки, в результате которых был обнаружен разновозрастный археологический материал.

Комплекс располагается на склоне, по правому борту долины на выположенной площадке с размерами около 500 метров в длину и 100 метров в ширину. С запада, востока и севера территория комплекса ограничена скальными выходами. С южной стороны комплекс обращен к реке. В 1996 г. было зафиксировано четыре плоскости с наскальными изображениями. Три из них представлены небольшими высотой до 30-40 см разрозненными единичными изображениями. Первая представляет собой изображение нескольких точек, полуовалов и крупную антропоморфную фигуру, вторая – антропоморфную фигуру с серповидной косой на голове, третья – точки, палочки и антропоморфную фигуру, изображающую бег. Четвертый пункт с рисунками представляет собой вертикальную плоскость высотой до 2 м и шириной до 3 м, расположенную на тыльной стене скальной ниши, углублённой до 0,5 м. Он был обнаружен позднее, когда производилось калькирование первых трех плоскостей. На этой плоскости, возможно изображена сцена загонной охоты на большое стадо копытных животных, которое ведут люди, вооруженные луками.

В результате исследований было выявлено еще несколько плоскостей с наскальными рисунками. Но по стилистике и сюжетам изображений они ничем не отличаются от ранее обнаруженных. Наиболее многочисленной группой в комплексе являются изображения животных. Они занимают большую часть площади, использованной древними художниками для рисунка. Они имеют в принципе одинаково стилизованные туловища – мощная грудь и крутые бедра. У фигур одинаково показаны рога – в виде стержня, у некоторых с небольшими отростками. В одинаковой манере изображены и ноги – задняя нога согнута вперед, передняя вытянута в том же направлении. Все фигуры строго профильные, поэтому художник изобразил их не с четырьмя, а с двумя ногами. Значительное место занимают изображения людей. Они различаются по стилистической манере начертания тела, ног, рук, головы. По смысловому назначению в композиции – каждая из фигур выполняет определенную роль: одни выполняют роль загонщиков, другой роль лучника, третий роль шамана, но он непосредственно не участвует в охоте, а лишь наблюдает за этим явлением. Самостоятельную группу представляет собой солярный знак. Исходя из имеющихся данных – стилистики, техники, сюжета изображений, а так же используя сравнительные аналогии писаниц Хилокского региона и смежных районов, можно датировать данный памятник возрастом неолита – бронзового века. В пользу этой датировки косвенно свидетельствует морфология подъемного материала и материала раскопок. Эти писаницы можно отнести к группе лесных (охотничьих) писаниц. Потому что, композиционная основа схожа с другими лесными писаницами, т.е. подходит под схему: животные + человек + пятна. Их идейное содержание сводится к целям охотничьей магии, к стремлению подчинить воле человека животного, сделать добычей охотников.

Усть-оборские писаницы :

В 1993 г. в результате археологической разведки по р. Хилок были обнаружены писаницы близ села Усть-Обор, в 4 км к юго-востоку от него, на правобережных скалах у стрелки р. Унго при слиянии ее с Хилком. Они находятся на скале, обращенной плоскостями к р. Унго. Плоскость на которой они изображены, имеет юго-западную экспозицию. Поверхность с изображениями расположена на двухметровой высоте от подножия скалы. В центре находится изображение оленя с ветвистыми рогами. Рядом, чуть ниже оленя находятся изображения компактно расположенных двух параллельных поясков, выполненных точками по 7 в каждом ряду. Выше имеется изображение окружности с тремя вертикальными линиями внутри («ограда»). Три вертикальные линии являются одним из её элементов и к тому же своеобразным, потому что в Забайкалье аналогий пока не обнаружено. Возле линий расположено стилизованное изображение фигурки человека мужского пола и слабо различимые аморфные

охристые пятна. Эти петроглифы тоже можно отнести к селенгинской группе писаниц. Основанием для этого служит то, что в композиции есть так называемая «ограда», её тип можно определить как вытянутую, приближающуюся к овалу и изображение ветвисторогой фигуры оленя, которая входит в композицию, как центральная фигура, а также антропоморфная фигура и охристые пятна, которые часто встречаются на писаницах этой группы. Исходя из этих данных петроглифы могут датироваться началом 1 тыс. до н.э.

Древнейшие из писаниц относятся к неолитическому времени, когда в бассейне Хилка существовала культура охотников на диких крупных копытных животных, родственная во многом культуре неолитических племён Прибайкалья и Якутии. Здесь представлены писаницы селенгинского типа, которые являются оригинальными по ряду причин:

1) они представляют собой чётко ограниченное в пространстве явление т.е. область их распространения определена жёсткими границами;

2) это произведения древнейших скотоводов и земледельцев степей и лесостепей, которые исчезают с появлением гуннских памятников.

Их особенностью является то, что они обладают специфическими, узколокальными признаками, которые важны для этнической диагностики древних культур.

Петроглифы Хилка убедительно показывают и доказывают, что на просторах степей, лесостепей и тайги постоянно скрещивались культурные влияния, возникали самобытные культуры и представляют широкий историко-культурный интерес. В них выступает столь же своеобразный, как и мало изученный очаг культуры далёкого прошлого. Изучение его позволяет заполнить существенный пробел в истории искусства и мировоззрения древнего населения этой части Сибири.

Научный руководитель – д.и.н. М.В. Константинов

В.А. Цыбиктаров

(Улан-Удэ, Бурятский государственный университет)

Старая Капчеранка 2 – новый петроглиф «селенгинского» типа

В полевом сезоне 2000 г. археологическая экспедиция Бурятского государственного университета и НПЦ охраны памятников истории и культуры Республики Бурятия под руководством А.Д. Цыбиктарова продолжила аварийные спасательные раскопки на могильнике Старая Капчеранка, проводившиеся в сезонах 1998 и 1999 гг. При проведении археологической разведки был обнаружен петроглиф, получивший название Старая Капчеранка 2.

Петроглиф Старая Капчеранка 2 расположен в одноименной пади в Кяхтинском районе РБ в местности Бурдуны примерно в 15 км. к северо-востоку от г. Кяхты.

Писаница находится примерно в 700 м. к ССВ (321°) от херексура № 18 могильника Старая Капчеранка 1. Херексур № 18 располагается на гребне гривы, спускающейся с вершины горы Сэвгэ-Дарсыг по направлению ССВ-ЮЮЗ (15? – 195ε), ?а третьем уступе от конца гривы. На ЮЮЗ конце грива круто обрывается к ложбине ручья отвесной скалой. Первый уступ располагается непосредственно на верхней площадке данной скалы.

Изображения располагаются в небольшой нише скального выхода на двух ее плоскостях. Территория, прилегающая к нише, покрыта густой травянистой растительностью. В 127 м. к западу от ниши – овраг, поросший ильмами и соснами. Сосны в основном растут по южной стороне оврага. Ниша и скальная плоскость рядом с ней в ряде мест заплыли лишайником. Изображения находятся на высоте 1,15 м. от уровня дневной поверхности. Средняя глубина ниши составляет от 0,6 до 0,7 м. Ниша защищена небольшим козырьком.

Сколько-нибудь заметных признаков жертвенника перед петроглифом нет. Территория, прилегающая к нише с рисунками, хорошо задернована и покрыта густой травянистой

растительностью. Наличие жертвенника должно быть проверено шурфами в следующем полевом сезоне.

Сохранность изображений удовлетворительная, но часть рисунков сохранилась фрагментарно или же расплылась. Изображения нанесены бледно-розовой и красной охрой на двух плоскостях – СВ и СВВ. Последняя является фронтальной и обозначена нами как плоскость 1, а СВ боковая плоскость – как плоскость 2.

Рисунки на плоскости 1. В верхней части композиции располагается контурная незамкнутая оградка. Верхняя её часть ограничена скальным козырьком, а правая незамкнута. Возможно, правая часть оградки изначально была незамкнута, или, что тоже вполне вероятно, исчезла со временем под воздействием внешних факторов (выветривание, осадки). Внутри оградки хаотично расположены пятна в количестве 23 шт. четко прослеживаются четыре яруса пятен (5, 4, 3, 6 шт. в каждом) и пять пятен расположены отдельно. Левее оградки расположены три яруса пятен. Самый верхний насчитывает 9 шт., средний – 7 шт., нижний – 1 шт. Ниже оградки имеются одно антропоморфное изображение и одно неясное расплывшееся изображение (антропоморфное – ?).

Рисунки на плоскости 2. В верхней части композиции изображена птица с распростертыми и поднятыми кверху крыльями. Часть хвоста птицы утрачена. Ниже нанесены две небольшие группы пятен – 4 и 3 шт. соответственно. Еще ниже имеется скопление пятен – всего 18 шт. Рядом с ними – два расплывшихся пятна охры. Правее нанесено фрагментарное антропоморфное изображение и три неясных расплывшихся пятна охры. Чуть выше и правее изображены антропоморфные фигуры в количестве трех штук, две из которых фрагментарны. Фигуры изображены как бы взявшимися за руки. Чуть правее их – три пятна, одно расплывшееся пятно охры и две полосы.

Таким образом, из описания памятника следует, что в петроглифе Старая Капчеранка 2 имеются следующие сюжеты: пятна (74), человечки (5), полосы (2), птица (1), оградка (1), неясное изображение (1). Количественно преобладают пятна и человечки, остальные же сюжеты менее распространены.

В размещении изображений прослеживаются следующие особенности: пятна сгруппированы в ярусы и хаотичные группы, человечки выстроены в ряд и стоят как бы взявшись за руки, оградка заполнена пятнами. Рисунки нанесены на скальную поверхность минеральной краской – охрой красного и бледно-розового цвета. Сюжеты, особенности их организации на плоскости и техники исполнения при сравнении их с памятниками наскального искусства Прибайкалья, Забайкалья и Монголии находят аналогии в петроглифах селенгинского типа Забайкалья и Северной Монголии (Окладников, Запорожская, 1969, 1970; Тиваненко, 1990). Это позволяет отнести писаницу Старая Капчеранка 2 к числу петроглифов селенгинского типа.

В композиционном отношении можно привести следующие наблюдения. Наиболее целостное впечатление производят рисунки на плоскости 1. В левой ее части находятся три яруса пятен, в правой – оградка с пятнами внутри, чуть ниже оградки – антропоморфное изображение и неясное расплывшееся изображение. Рисунки на плоскости 2 при известной доле натяжки также образуют некое единство. Внизу находятся взявшиеся за руки человечки, некоторое количество пятен и полосы. Левее их – скопление пятен. Чуть выше расположена небольшая группа пятен. В самой верхней части этой композиции находится изображение птицы.

Как следует из описания, писаница Старая Капчеранка 2 имеет в своем составе шесть сюжетов (пятна, человечки, птица, оградка, полосы, неясное изображение) и принадлежит к одному из самых распространенных типов петроглифов селенгинского типа по количеству сюжетов в них (Цыбиктаров, 2000). В связи с этим возникает вопрос, почему одними из наиболее распространенных являются петроглифы селенгинского типа с шестью

сюжетами. Здесь возможны разные варианты объяснения, связанные как с хронологическими различиями, так и с формами организации ведения скотоводческого хозяйства создателями петроглифов селенгинского типа. Можно предположить, что ПСТ с разным количеством сюжетов могли быть оставлены разными по численности и структуре коллективами. С другой стороны, можно предположить, что писаницы с разным количеством сюжетов существовали на разных хронологических этапах их развития. Вполне возможно, что по мере развития скотоводческого типа хозяйства появлялись новые сюжеты в писаницах и композиции постепенно усложнялись. Так могли формироваться петроглифы с разным количеством сюжетов по мере нарастания количества сюжетов в них. В таком случае появляется возможность выявления разных хронологических групп петроглифов селенгинского типа.

Н.В. Тишкова

(Кемерово, Кемеровский государственный университет)

Образ травоядного животного в сценах терзания (ССЗС)

Скифское искусство наиболее ярко характеризуется звериным стилем. В нём представлены не только изображения зверей как таковых, но и сцен борьбы хищников или нападение хищника на травоядное животное. Значительную долю изображений, выполненных в зверином стиле, составляют сцены терзания. Целью данного доклада является анализ изображения травоядных животных в сценах терзания.

Всего нами проанализировано 47 сцен терзания, известных по публикациям. Чаще всего в сценах терзания встречается баран (13 сцен). Реже в роли жертвы выступает олень (9 сцен), горный козёл (9 сцен), лось (5 сцен), бык (4 сцены), конь (4 сцены), верблюд (4 сцены) и заяц (1 сцена). На теле животных изредка встречаются геометрические фигуры. Замечено, что на крупе у лосей, баранов, горных козлов и коней, в большинстве случаев изображались треугольники, кружки, полуподковки и каплевидные фигуры.

Травоядные животные в сценах терзания обычно направлены головой вправо (22 сцены). Иногда нехищное животное изображено анфас (2 сцены).

Травоядные животные встречающиеся в сценах терзания в основном воспроизведены реалистично, что позволяет видеть в них изображение реальных животных. Однако в скифо-сибирском зверином стиле встречаются изображения фантастических нехищных животных. В одном травоядном звере были совмещены части различных нехищных животных (например, изображение лося с птичьим клювом на золотой бляшке из сибирской коллекции Петра I). Такие изображения могут свидетельствовать о том, что мы имеем дело с мифологическими образами.

Научный руководитель – д.и.н. Я.А. Шер.

О.И. Чекрыжова

(Алтайский государственный университет)

Полиморфные образы в древнем и средневековом искусстве

Полиморфные образы известны современным исследователям практически во всех древних и традиционных культурах. Образы смешанных, фантастических существ возникали в архаичном мифологизированном сознании древнего человека и находили свое отражение в эпосе и искусстве, где выражалась система ценностей общества. Синкретические, вымышленные животные, которые никогда не встречаются в природе, занима-

ют особое место в мировоззрении древних. В их облике сочетались те признаки различных животных, которые отражали определенные их качества, наиболее нужные создателям. В результате рождалось множество фантастических существ, в разной мере популярных.

Грифон – наиболее часто встречающийся образ в искусстве раннего железного века на обширной территории Евразии. Грифон – это образ, пришедший к нам из греческой мифологии. Классические изображения греческих грифонов представляют собой фантастических полиморфных существ с телом кошачьего хищника с крыльями, головой хищной птицы с ушами, часто увенчанной рогами (Заморовский В., 1994, с. 118). В античной литературе о грифах – грифонах, стерегущих золото, писал Геродот (Геродот IV, 13), который считал, что это чудовища с львиными телами и орлиными крыльями и когтями, живущие на крайнем Севере Азии. В более позднее время греки думали, что грифоны живут в Индии или Бактрии. В Бактрии эти существа вырывали из земли золото и делали из него гнезда, а люди подбирали обломки этих гнезд (Заморовский В., 1994, с. 118-119). Грифон в древности также ассоциировался с золотом, которое он охранял от одноглазых аримаспов или золотоискателей в Индии. Однако, кроме орлиноголового грифона в древнем искусстве Евразии широко распространился образ львиноголового грифона. Образ крылатого и рогатого льва, возможно, проникает в ахеменидский Иран из более раннего месопотамского искусства. Из месопотамской мифологии известны гибриды львов с хищными птицами и другими животными и человеком, – например, полиморфные существа Сируши или Мухшуши («вавилонские драконы»), Карубу (крылатые сторожевые быки с человеческими головами), Шеду (ассирийские охранители врат) (Заморовский В., 1994, с. 118-119; Дандамаев М.А., Луконин В.Г., 1980, с. 327). Может быть, этот образ месопотамского охранителя в древнеиранской мифологии переплетается с таким понятием как авестийское «хварно» = харизма, сакральная сила, знак царственной власти, для простых смертных символ удачи, охранения. В Авесте очень часто хварно выступает как птица Вараги. В более позднее сасанидское время оно изображалось как горный баран – Фарн (Рака И.В., 1997, с. 467). Е.Е. Кузьмина сравнивает различных грифоподобных существ, изображенных на ножнах из Келермеса и Мельгуновского кургана, с птицей Варагн и Фарном (Кузьмина Е.Е., 1976, с. 59). Хварно, птица Варагн в авестийской традиции связаны с богом войны и победы Вэртагнай (Авеста, Бахрам-яшт), Вполне возможно, что в этой связи рассматриваемый образ перекликается с древнемесопотамским богом войны и воинской доблести Нинуртой, который изображался и как крылатый лев – грифон (Афанасьева В.К., 1992, с. 651). Ахемениды могли воспринять древнемесопотамский образ грифона – крылатого льва и использовать его как символ царской власти, символ своих удач и побед. У северных иранских племен (скифов, саков) в мировоззрении присутствовало древнеиранское понятие «хварно» (Грантовский Э.А., 1970, с. 158). Этот образ проникает на территорию Южной Сибири и здесь с V в. до н.э. распространяются подобные изображения, возможно, выступая в роли оберега, талисмана, или символа удачи (Фролов Я.В., Чекрыжова О.И., 1999, с. 55).

Большой интерес представляют изображения крылатых хищников – достаточно устойчивый мотив древнего искусства как в хронологическом, так и в территориальном плане. Подобные сюжеты мы видим в искусстве Месопотамии, Индии, Иране. Наиболее ранние примеры выполнены в стиле Зивие (Луконин В.Г., 1977). Данный сюжет встречается в произведениях искусства, выполненных в технике мелкой пластики, монументальной скульптуре, ювелирном искусстве на значительной территории Евразии (Чекрыжова О.И., 2000, с. 35). Диморфные существа – распространенный мотив древнего искусства – олицетворяют в представлениях людей двойственную сущность явлений, в частности, сочетание зверь – птица может трактоваться как соединение земного и небесного. Ремпель в своих исследо-

ваниях отмечает, что в искусстве сакских племен крылатость была символом астрального зверя вообще. Но какой бы зверь ни был наделен крыльями, он всегда устрашающ, монументально трактован, хотя и в обобщенных формах (Ремпель Л.И., 1987, с. 58). Ареал распространения изображений крылатых зверей был огромен, он охватывал Средний Восток, Кавказ, Византию, Русь, Балканы, Западную Европу. Они воплощались в образах Сенмурва, Симурга, Симаргла, птицы Саены. Образ очень древний, возникший как символ нерасчлененной стихии. Голова зверя, крылья птицы, чешуя, а иногда и хвост рыбы – отражают все стихии мироздания – землю, воду, воздух. В Авесте описывается птица Саена, имеющая зубы хищника и другие звериные черты. В «Шахнамэ» Фирдауси – легендарная птица Симург – собака-птица (Бонгард-Левин Г.М., Грантовский Э.А., 1983, с. 81). Акишев определяет функцию этих существ как «оберегов, защищающих создаваемое пространство со всех сторон» (Акишев А.К., 1984, с. 47). Рыбаков описывает симаргла как покровителя семян, растений и корней – древний образ крылатой небесной собаки, охраняющей священное «древо всех семян» (Рыбаков Б.А., 1967, с. 112).

Так или иначе, и грифон, и крылатый хищник – Симург несли определенную охранительную функцию, выполняли роль оберегов. Однако нельзя говорить о неизменности идеологического направления образа в течении длительного времени. (Смирнов А.П., 1976, с. 242). К средневековью, вероятно, произошла утеря древней мифологической семантики образа (Вагнер Г.К., 1976, с. 252), но, несомненно, полиморфные существа были важной частью мировоззрения, поскольку часто изображались на изделиях прикладного искусства, в качестве архитектурного декора и др.

Научный руководитель – к.и.н. А.Б. Шамиш, В.Н. Леонов.

Г.К. Киясбек

(Алматы, Казахский государственный национальный университет им. Аль-Фараби)

Реминисценции образа грифона в мифологии казахов

Актуальность проблемы «прочтения» скифо-сибирского звериного стиля в искусстве очевидна. В древних культурах произведения искусства были неотделимы от функционального назначения предметов, на которых они размещены, и где смысл предмета дополняется смыслом изображения. Это связано и с представлениями о мире, в котором живут вещи (Переводчикова Е.В., 1994, с.11.). Многие мифы, исторические легенды и предания древних кочевых народов, подвергаясь трансформации и адаптируясь к сложившимся традициям и историческим условиям, все же сохраняют наиболее устойчивые пласты и элементы в мифах, преданиях и эпосах многих современных народов.

Содержание мифов ранних кочевников, согласно понятиям того времени, отражает отношение их к явлениям происходившим в их социуме. Наиболее популярный герой казахских волшебных сказок Ер Тостик, как Антей и Геракл в античной мифологической традиции, сражается с природными стихиями, с аждахой (айдахар, дракон), с сомом – Кер Жутпа (?) и великаном, которые приносили несчастья, разоряли стадо. Во время джута и в годы бедствия он спасает скот и находит пастбище.

Образ самырыка (симург, сенмурв, каракус – букв. черная птица) – альтернатива образа древнего грифона, описывается во многих сказках и легендах тюркоязычных народов. В частности в «Ер Тостике», он представлен очень сильным (от размаха крыльев поднимается буря, слезы текущие с глаз падают на землю градом), жестоким и суровым (ради птенца никого не жалеет), и в то же время верным другом, отвечающим на добро добром (Сказки, 1988).

Глаза самырыка зоркие (обозревают весь мир), уши чуткие (слышат обо всем вокруг), а сам – прорицатель. Подобными качествами также обладают некоторые персонажи индоиранской мифологической традиции.

Самырык в гнезде, на вершине высокого дерева, кормит джигита дичью; джигит, летевший верхом на самырыке, кормит его мясом своей плоти, которая быстро восстанавливается. Самырык и джигит поднимаются на небеса и опускаются в глубокие подземелья; их судьбы зависят друг от друга, переплетаются между собой.

Положительные качества мифического грифона (самырыка) должны были получить своеобразное отражение в изобразительном искусстве кочевников.

Кочевникам Евразии характерны представления о Вселенной, разделенной по вертикали на три мира: верхний (небо), средний (принадлежащий людям) и нижний (подземный). В изобразительном искусстве эти космологические представления маркируются с помощью зооморфного кода (птицы; копытные; рыбы, пресмыкающиеся, хищники) (Мелетинский Е.И., 1976; Раевский Д.С., 1985; Акишев А.К., 1984). Грифон (самырык) в зверином стиле – посредник-медиатор, связывающий разные сферы мироздания (в его образе есть черты птицы, копытного и хищника).

Охранительная функция беркута наряду с ролью родоначальницы волчицы описана в генеалогической легенде древних усуней. Деяния самырыка, направленные на обеспечение счастливой жизни джигиту в казахских сказках, несомненно, являются своеобразными отзвуками генеалогической легенды древних тюрков.

Рассматриваемый нами образ самырыка объединяет в себе признаки собаки и птицы. Казахи к именам батыров добавляли эпитеты «бори» (волк), «кус» (птица), и также называли своих родовых предводителей. Понятия «шынкус», «бори-кус» означает птицу высокого полета, гиперболизация образа «великих, высших людей». Слово «бори» позднее потеряло свое первоначальное значение «синяя (небесная), верхняя птица» и стало обозначать только волка (Маргулан А.Х., 1985. с. 363). В казахском языке слово «иткус» в обозначении волка и плотоядных хищных птиц раньше употреблялось по отношению грифу, у которого хриплый голос, напоминающий лай собаки.

У современных тюркских народов сохранились мифы о крылатых собаках, т.е. кумай или хубай хус. Казахи самую быстрейшую из собак – борзую, называли кумай тазы. О чудесном рождении кумай тазы существуют различные варианты легенд. В казахских сказках есть сюжеты, когда птица-счастья садится на голову избранника бога и судьбы. У туркмен, если тень священной птицы кумай падает на голову человека, то он становится падишахом.

Иткус (бори-кус, кумай тазы) полиморфный (полисемантический) мифический образ – символ небесного и подземного мира, подвергшийся сильной трансформации, позже в условиях внедрения в религиозное сознание канонов ислама, соответственно, стал отрицательным персонажем.

Птичьи украшения – неперенный атрибут казахских головных уборов, особенно, свадебного – саукеке, несли охранительные функции. В древности грифоном (иткус) или его частями декорировали детали конского убранства, оружие.

«Стерегищие золото грифы» – дети «священных иткусов» (собакоптицы или крылатые собаки, волкоптицы) вели войны с аримаспами из-за золота, пастбищ и т. д. Как отражение этих событий создавались мифо-поэтические образы, эпические предания, распространившиеся не только в пределах конкретного социума, но и далеко за его пределами, по сути, на обширных территориях древнего Востока и античного мира.

Образ грифона служил как ангел-охранитель, талисман-амулет, который сопровождал покойника в инобытие и вместе с тем очищал человеческие души. Зороастрийцы и ламаисты своих покойников оставляли на съедение иткусам (собакам и птицам). Если на теле есть

следы от клюва грифа, то это хороший признак, а место захоронения – чистое; если же таких следов нет – это плохой признак.

По-тувински «гриф» звучит как тас, по-казахски – таз кара. Этимология алтайского божества звучит, как Таз-каан. Самоназвание «стерегущих золото грифов» означало таз (буквально – лысый) или тас. Компоненты «таз» в родо-племенных подразделениях у туба-кижи (тастар), алтайцев (сеок тастар), кочевых узбеков, казахов, киргизов, башкир и т.д. (Турсунов Е.Д., 1973.с.167.).

Научный руководитель – к.и.н. З. Самашев.

Н.Ы. Жетписбай

(Алматы, Казахский государственный национальный университет им. Аль-Фараби)

Об одном образе сарматской торевтики

В 2000 г экспедицией Института археологии им. А.Х.Маргулана МОН РК, под руководством З.Самашева начато исследование сарматского храма-святилища Кызыл Уйик, расположенный на Северном Устюрте, на стыке территории Атырауской и Актюбинской областей РК.

Памятник сильно разрушен, сохранившаяся высота ок. 5м, диаметр ок. 50м, сложен из каменных плит-ракушечников. По-видимому, храм имел сложную конструкцию в виде двухступенчатой башни, увенчанной куполом.

Речь пойдет о двух штампованных серебряных бляшках, найденных около жертвенника, с восточной стороны храма. Бляшки, видимо, украшали парадный пояс или колчан, преднамеренно положены в жертвенник вместе с многочисленными железными наконечниками стрел. По существующей классификации, последние, могут быть датированы рубежом н.э.

На бляшках изображено, по-видимому, полиморфное зооморфное существо, совмещающее признаки различных животных. По периметру этих прямоугольной формы изделий имеются углубленные частые бороздки, а в остальное пространство бляшек вписана фигура фантастического животного, выполненного в зверином стиле. Существо передано в стоящей позе, в полный рост, корпус – в профиль, а массивная, опущенная вниз голова – в фас. Шея толстая, туловище – изящное, поджарое. Особо выразительна непропорционально большая голова, с подпрямоугольно срезанной мордой. Двумя выпуклостями показаны ноздри. Глаза выпуклые, особо подчеркнута трапециевидное надбровье. Круто опущенная шея покрыта чешуйчатой гривой, выполненной в невысоком рельефе. Подобная манера обычно характерна для иконографии дракона в различных культурных традициях. Короткие, но выразительные, уши показаны в виде острых трапециевидных выступов. Тело хищника слегка изогнуто, выделены лопатка, изящная талия и бедро. Лопатка дана в виде углубленной лепестковидной фигуры, скакательный сустав – выпуклой точкой. Мускулы и изгибы бедра маркированы S-образным символом. Подобное подчеркивание мускулов и наиболее подвижных частей тела в виде углублений, является излюбленным приемом искусства звериного стиля. Фигура на бедре одновременно изображает стилизованный хвост, завершающийся колечком. Лапы заканчиваются тремя массивными рельефными когтями. Сам хищник стоит с припавшей головой, будто бы готовясь к решительному действию.

Судя по иконографии, это фантастическое животное, сочетающий в себе черты разных зверей – барса, волка, льва, дракона и др. В данном случае изображение хищника напоминает фантастическое грифонообразное существо кошачьей породы (барса или пантеры). В то же время передняя часть тела – голова и чешуйчатая шея, отдаленно напоминает дракона. Допустимо, что здесь изображен барсо-грифон или волко-грифон. Однако, образ вол-

ко-грифона менее вероятен так как изогнутое экспрессивное тело, обычно, характерно для кошачьих хищников. Не исключается сочетание дракона с другим хищником кошачьей породы. S-образный знак одновременно передает закрученный хвост, характерный для кошачьего хищника. Объединение частей тела разных животных воедино и создание синкретического изобразительного образа довольно частое явление в искусстве древних народов. Как известно, признаки полиморфизма присутствуют в трактовке образов хищников и особенно, драконообразных существ (Смирнов К.Ф., 1976, с.75). Образ волка хотя и являлся популярным в искусстве и мифологии сарматов, но в данном случае признаки его присутствия слабо заметны.

Существо, изображенное на рассматриваемых бляшках, имеет отдаленное сходство с фигурой быка (или буйвола). На это указывает внешнее сходство головы с выпуклой мордой и ноздрями. Поскольку образ быка (или буйвола) в искусстве звериного стиля древних кочевников встречаются редко, данное сравнение с точки зрения анализа иконографии и раскрытия содержания образа, как нам кажется, бесперспективно.

Точной аналогии нашему изображению нет. Но образы и приемы стилизации, выросшие от общего корня зооморфного искусства древних кочевников широко известны. Хищники и фантастические грифонообразные существа занимали ведущее место в искусстве ранних кочевников всего скифо-сарматского мира. Как известно, в сарматском искусстве предпочтение отдавалось хищникам и драконоподобным существам с сильно изогнутыми телами, часто с «вывернутым задом» (Смирнов К.Ф., 1976, с.88). Здесь древние мастера соединяли наиболее отличительные и динамичные черты разных животных, реальных и фантастических, как бы восполняя их и тем самым создавая образ совершенного и идеального зверя – могущественного, быстрого, грозного, устрашающего и загадочного.

Образ дракона был широко распространен в искусстве Центральной Азии, где издревле сложились своеобразные очаги зооморфной стилизации. Известно, что в основе принципов передачи культурных инноваций от одного региона к другому лежат не только взаимодействия и диффузии, но и миграции многочисленных этнических массивов, которые распространяли свои излюбленные образы и сюжеты, стилистические приемы и мифо-ритуальные комплексы в новой среде. В результате этого возникали смешанные и обновленные образы. Устюртская находка, возможно, и отражает результат явления такого порядка.

Научный руководитель – к.и.н. З.С. Самашев.

Т.Ю. Номоконова

(Иркутск, Иркутский государственный университет)

Классификация орнаментов на сосудах из ритуальных шатровых конструкций Приольхонья

Исследование и изучение ритуальных шатровых кладок позднего железного века Приольхонья, относимых к курумчинской культуре (VI-X вв.), ведется более 100 лет (Агапитов Н.Н., 1881). Тем не менее остаются дискуссионными проблемы их датировки, функциональном назначении и этнической принадлежности. В стороне исследователей остались многие вопросы, в частности, классификации и анализа орнаментов на сосудах. В литературе часто используется понятие «керамика курумчинского типа», но характеристика его не дается (Асеев И.В., 1980; Дашибалов Б.Б., 1995; Зайцев М.А., 1989; Свинин В.В., Зайцев М.А. и др., 1996).

В настоящее время на территории Приольхонья из 56 зафиксированных пунктов шатровых кладок раскопано 27 (Горюнова О.И., Свинин В.В., 1995, 1996, 2000). Археологический материал в этих комплексах встречается достаточно редко. Наиболее распространен

ными находками является керамика. Целые сосуды зафиксированы только на 13 памятниках, информация о которых дана суммарно, без специальных исследований по их орнаментации. Как правило, керамика рассматривалась в свете всего комплекса археологического материала (Мандельштам А.М., 1974, с.151-152; Асеев И.В., 1980, с. 63)

Предмет данного исследования – попытка разработать классификацию орнаментов на сосудах, обнаруженных в шатровых кладках Приольхонья. Выделение характерных черт проводится не только по технике нанесения орнамента, но и по композиционным построениям с составляющими их мотивами в различных вариациях, которые в дальнейших исследованиях послужат критериями для определения понятия «керамика курумчинского типа».

В основу работы положены публикации, архивные материалы и результаты раскопок Маломорского отряда КАЭ ИГУ (О.И.Горюновой, В.В.Павлуцкой) 80-90-ых гг. (Асеев И.В., 1978, 1979, 1980, 1982; Дашибалов Б.Б., 1995; Зайцев М.А., Свинин В.В., Харинский А.В., 1996; Качалова Н.К., Черников С.С., 1992; Максименко Г.А., Сорокин В.С., 1992; Мандельштам А.М., 1974; Номоконова Т.Ю., 1999, 2000). Классификация орнаментов основана на анализе 49 сосудов с 13 памятников Приольхонья (Елга II, Сохтер I, Куркут I, IV, Тодакта II, Нуры I, Куркутский комплекс I, II, Агинский комплекс II, Хоторук I, Улярба IV, Сарма III, Будун III). Вся керамика гладкостенная, с плоским дном. Из 49 сосудов на 8 орнамент нанесен по срезу венчика (в 6 случаях – насечки, в 2-х – рассеченный валик, проходящий по боковой поверхности венчика).

По технике нанесения и композиции орнамента на тулове сосудов выделяются следующие группы (таблица):

I. Выполненная прочерченными линиями (10 экз.).

Преобладает простая композиция, состоящая из одного мотива (6):

1. Горизонтальная линия (4). Варианты а). параллельные прочерченные линии в несколько рядов, б). концы линии свисают вниз, в). парные линии, концы последней свисают вниз.

2. Арочный орнамент (2).

Сложная композиция, сочетающая несколько мотивов, отмечена на четырех сосудах. Представлена горизонтальной прочерченной линией, ниже которой проходит зигзаг (4).

II. Штамповые вдавления (12):

Все композиции простые, мотив – горизонтальный.

1. Округлые вдавления с внутренней стороны сосуда (жемчужины) – 6.

2. Вдавления с внешней стороны сосуда (ямочки) – 6.

III. Ногтевые зацепы (2).

Представлены простой композицией; мотив горизонтальный.

IV. Сочетание прочерченных линий и штамповых вдавлений (15).

Простая композиция (8). Сочетание горизонтальной прочерченной линии и пояска ямочек:

1. Поясок ямочек проходит по линии. Варианты: а). концы линии свисают вниз (1), б). линия сплошная (2).

2. Поясок ямочек расположен ниже горизонтальной линии. Варианты: а). концы линии свисают вниз (3), б). линия сплошная (2).

Сложная композиция (7):

1. Горизонтальный зигзаг и ямочки, нанесенные в его вершинах (1).

2. Сочетание, горизонтальной линии, зигзага и ямочек (5). Варианты: а). линия сплошная (3), б). концы линии свисают вниз (2).

3. Сочетание горизонтальной линии, зигзага и рядов штамповых вдавлений (1).

V. Налепной орнамент в сочетании со штамповыми вдавлениями (10).

Простая композиция (8). Мотив – горизонтальный.

1. Рассеченный валик (4): а). насечки, б). вдавления ромбовидной формы.

Техника на- писания	Композиция	Виды орна- мента	Хотгорук I	Тодакта II	Куруут IV	Сохтер I	Елга II	Агвнскый к. II	Куруутск. II	Куруутскый к. I	Куруут I	Нуры I	Уларба IV	Сарма III	Будун III
Прочерченный	Простая	1.	4, 21							39					
		6)								98					
	Сложная	1.	49							122, 41				+	
II Штам- повязе	Простая	1.	80, 21						7	101, 19	81, 2	+			
		2.							83	+					
III Защи-	Прост.	1.								106	97				
IV Проч.+штам	Простая	1.а)	30		21	+			6				+		
		б)	46												
		2.а)	6, 11												
	Сложная	1.	113	+			3						+		
		2.а)	30, 80							47					
		б)													
		3.													
V Налеп+штамп	Простая	1.а)	21					2	7	39		+			
		б)													
		2.а)													
		б)						5				+			
		3.										+			
	Сложная	1.								39					
VI На- леп	Сложная	1.								39					

2. Сочетание рассеченного валика и пояска ямочек, расположенного ниже его (3). Варианты: а). сплошной, б). концы свисают вниз.

3. Короткие рассеченные валики, со свисающими концами (1).

Сложная композиция представлена сочетанием горизонтального и вертикального мотивов (1). От последней линии горизонтальных валиков опущены вертикальные ответвления; верхний валик и ответвления – рассечены.

VI. Налепной орнамент (1). Сложная композиция. Представлен горизонтальными валиками, от нижнего из которых отходят вертикальные ответвления в виде дисковидных налепов.

В результате исследования орнаментов на сосудах из ритуальных шатровых кладок Приольхонья нами выделены характерные черты в орнаментации. Преобладает прочерченная техника нанесения орнамента (25 из 49), как самостоятельная, так и в сочетании с оттисками штампа. Встречаются сосуды, украшенные только наlepным орнаментом (10) и только штамповыми вдавлениями (12). Доминирует простая композиция, состоящая из одного мотива (36). Преобладающий мотив – горизонтальный. Наиболее распространенная композиция – сочетание прочерченной линии или рассеченного наlepного валика с пояском ямочек (16).

В дальнейшем планируется продолжить изучение орнаментов курумчинской керамики из погребений и плоских ритуальных кладок, провести сопоставление их с керамикой ряда стратифицированных памятников позднего железного века Приольхонья.

Научный руководитель – к.и.н. О.И. Горюнова.

Н.И. Захарова

(Якутск, Якутский государственный университет)

Образ лося в петроглифах Средней Лены как исторический источник

Наскальные изображения Якутии попали в поле зрения исследователей лишь в конце XIX–начале XX вв. Исследователи начала XX в. пытались, исследуя писаницы, получить ответы на ряд важных вопросов по истории Ленского края. Они первыми подняли вопрос о исторической принадлежности наскальных изображений, видя в них знаки древнеякутской письменности.

Но исследователи XX в. выявили, что наскальные изображения имеют гораздо более древнее происхождение. А.П. Окладников и В.Д. Запорожская датировали среднененские писаницы в широком хронологическом диапазоне – от раннего неолита до позднего средневековья (1972).

Участок среднего течения р. Лена начинается ниже впадения р. Витим и тянется до устья р. Виллой. Наскальное искусство тут представлено, в основном, писаницами – красочными росписями.

Древний художник изображал тех животных, которых видел, но избирательно – в соответствии с той реальной или вымышленной ролью, которую они играли в его жизни (Толпеко И.В., 1995). Общим для всего мира лесных охотников и рыболовов Северной Азии в неолитическое время является, конечно, образ лося – хозяина тайги, а вместе с тем и властителя душ ее обитателей от начала неолита и до наших дней (Окладников А.П., Запорожская В.Д., 1972, с. 100).

Наскальные изображения очень трудно датировать и определить семантику. Это один из самых сложных вопросов в археологии.

Но можно ли считать наскальные изображения полноценным историческим источником? Ведь можно предположить, что на открытых солнцу и людскому взору скалах можно порисовать для собственного удовольствия и красоты.... Этому противоречит тот

факт, что местам скопления петроглифов обычно соответствовали и святилища древних людей. Писаницы часто располагаются на труднодоступных высотах, не стоит сбрасывать со счетов также и то, что древний человек был очень экономным – он ничего не делал без серьезной причины.

Основным героем более ранних рисунков был лось. Это можно объяснить культовым почитанием. Оно у многих народов Сибири сохранялось несколько тысячелетий, что хорошо прослежено этнографически.

Это являлось отражением той огромной роли, какую имел лось в повседневном быту северного охотника. Он давал людям мясо, теплую шкуру, поделочную кость. Вполне понятно, что лось становится властителем дум неолитического охотника, надолго и прочно ведущим сюжетом не только в изобразительном искусстве, но и мифологии (Алексеев А.Н., Черосов Н.М., 1990, с.76)

Одна из общепринятых и наиболее аргументированных точек зрения по объяснению этого явления состоит в том, что на подобные действия существовал социальный заказ общества, обусловленный его хозяйственной направленностью. В основе верований, связанных с лосем, лежал промысловый культ (Толпеко И.В., 1995).

Лось в голоцене стал основой существования неолитических племен на огромном пространстве таежной зоны Евразии. Отсюда следует, что господствующий в изобразительной традиции раннеолитического времени образ лося – вовсе не случайное явление. Оно было вызвано прежде всего теми жизненными условиями, в которых обитал первобытный человек. По данным этнографии известно, что реалистично переданный художниками образ промыслового зверя есть также неотъемлемый атрибут охотничьей магии таежных племен (Кочмар Н.Н., 1994).

Но в изобразительной традиции характерен постепенный переход от более сложных, реалистичных стилей изображения к более упрощенным схематизированным. Стали рисовать условные обозначения, передающие общий облик зверя, но внутреннее содержание образа усложнилось.

Таким образом, развитие представлений об этом звере вело к схематизации его художественного исполнения. Причин было две: а) отвлечение от животной сущности делало достаточной передачу лишь его общего облика; б) в свою очередь сложное внутреннее содержание образа требовало матрицы, подходящей для этой роли в силу своей универсальности (Толпеко И.В., 1995).

Сложно восстановить смысловую нагрузку этих образов. Они были связаны с магической обрядностью охотников, с их театрализованными культовыми игрищами-обрядами, которые преследовали определенную цель: обеспечить плодородие зверей и успешную охоту на них.

Наиболее глубокий смысл рисунка скрыт именно в том, что здесь в предметной форме выражено действие единой и всепроникающей силы, исходящей от главного лица, от двойственного мифического образа-тотема. Она влечет зверя к человеку, она делает лося жертвой (Окладников А.П., Запорожская В.Д., 1972, с. 82).

По сюжетам писаницы Якутии находят аналоги на памятниках практически всех сопредельных территорий. Однако, примечательно, что больше всего они тяготеют к писаницам Прибайкалья, Забайкалья и Амура. Особенно этот вывод справедлив и в отношении наскальных изображений позднего неолита, бронзового и раннего железного веков. Вместе с тем, писаницы Якутии весьма своеобразны по изобразительной традиции, а также по сюжетным и композиционным вариациям (Кочмар Н.Н., 1994, с. 146).

В заключении отметим, что источниками существования в Якутии в неолитическое время были охота и рыболовство. Причем, в тайге охота занимала первенствующее место, и с основными промысловыми зверями человек связывал выживание рода. Такими зве-

рями в первую очередь являлись лось и медведь. Охота на лося имела первостепенное значение, поскольку добыть его легче, чем медведя. И в основном, именно на основе древних наскальных изображений можно сделать вывод об огромной роли лося в жизни первобытного человека.

Научный руководитель – к.и.н. Н.Н. Кочмар.

С.П. Журавков, А.Л. Заика

(Красноярск, Красноярский государственный педагогический университет)

Образ медведя в наскальном искусстве Среднего Енисея и Ангары

В мировоззрении многих сибирских народов немаловажное, а в ряде случаев ведущее место, занимает образ медведя. По этой причине, на территории Северной Азии, получил распространение и сохранился до наших дней культ медведя, а также связанные с ним праздники.

Задача нашей работы состоит в том, чтобы проследить развитие данного образа в наскальном искусстве древнего населения Енисейского региона начиная с эпохи камня до этнографической современности, в контексте проблем, связанных с реконструкцией древних форм мировоззрения.

Изображение медведя встречается на широкой территории Северной Азии, что подтверждает распространенный тезис о его значимой роли в верованиях древних обитателей региона. Вместе с тем проведенный нами сюжетный анализ изобразительного материала писаниц и статистические подсчеты свидетельствуют о том, что узнаваемый образ медведя довольно редко присутствует в петроглифах, значительно уступая другим изображениям, в том числе рисункам иных представителей фауны, так, на Шалоболинской писанице, из более чем пятиста изображений, фигура медведя встречается только в 25-ти случаях, тогда как рисунков лосей, например, известно 156 (Пяткин, Мартынов, 1985, с. 102). На писаницах Суханихи (рис. 1, 2) и Тепсея можно выделить только четыре изображения медведя. В бассейне р. Мана фигур, напоминающих медведя выявлено только две, как и в петроглифах Нижней Ангары (рис. 1, 4)..

Аналогичная ситуация наблюдается в петроглифах сопредельных регионов. На Томской писанице, выявлена только одна зооморфная фигура, в которой узнается образ медведя. В Прибайкалье, на левом берегу реки Ангары, около д. Свирской (рис. 1, 3), А.П. Окладниковым зафиксировано лишь одно изображение животного, трактуемого им как медведь (Окладников, 1950, с. 284). В бассейне р. Алдан, выявлено только три изображения напоминающие медведя (А.П. Окладников, А.И. Мазин, 1979, с. 99, 126, 145). На писаницах р. Олекмы и Верхнего Приамурья найдено три медвежьих фигуры. (Окладников, Мазин, 1976, с.159,162, Кочмар, 1994, с.70). На писанице Бырка, в Приаргунском районе Читинской обл. также обнаружена фигура медведя (Мазин, 1986, табл. 66). На писанице у Миллионного порога на р. Уде найдены только изображения медвежьих следов (рис. 1, 6) (Мельникова, 1996, с. 89-100).

Наибольшее количество изображений медведя в наскальном искусстве, по мнению многих исследователей, относится к эпохе неолита. Рисунки медведей отличаются реализмом, динамичностью, сравнительно крупными размерами, в композициях, как правило, противопоставлены фигурам копытных животных. В начальный период ранней бронзы на территории Среднего Енисея фигуры медведей еще вполне реалистичны (рис.1, 1) и отличаются от неолитических лишь меньшими размерами (Леонтьев, 1997, с. 225). Позже медвежьих черты прослеживаются у фантастического животного, которое преследует знак-символ солнца (Пяткин, Мартынов, 1985, с. 125). По всей видимости, данная трансформация образа связана с развитием и, соответственно, видоизменениями содержательной части темы «космической охоты» в мировоззрении местных племен. Если в неолитических пред-

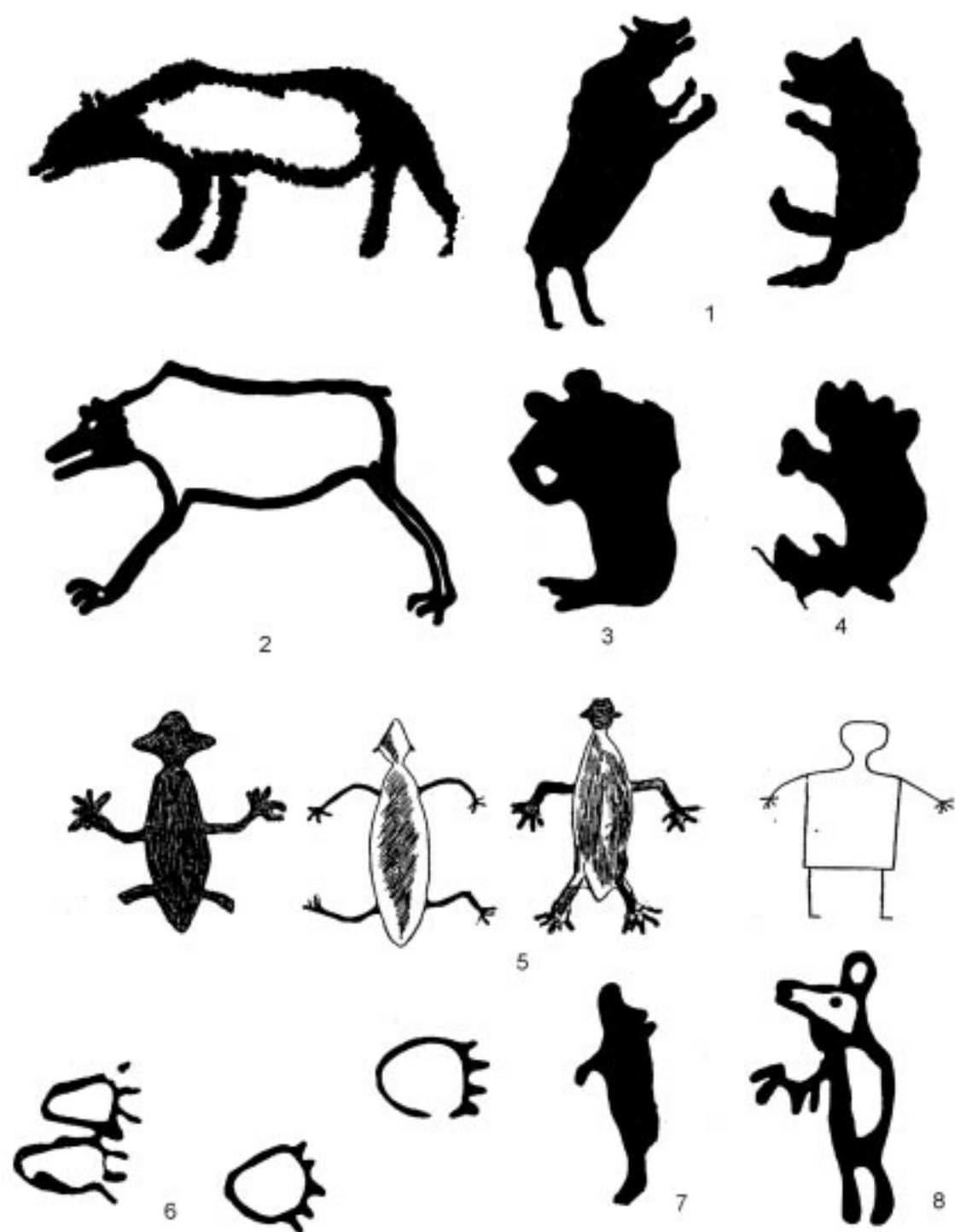

Рис. 1. Изображения медведей: 1- Шалоболинская писаница; 2- Писаница Суханиха; 3- Свирская писаница; 4- Писаница Манзя; 5- Кетские рисунки на бересте; 6- Писаницы Миллионного порога; 7- Писаница Тальма; 8- Писаница Мая.

ставлениях космогонического характера центральными персонажами в данном сюжете выступают реалистичные образы лося и медведя, то в эпоху ранней бронзы роль преследователя отводится фантастическому хищнику, а образ «космического» лося в петроглифах занимает символическое обозначение солнца.

Также необходимо отметить, что в ряде случаев в данный период образ медведя приобретает антропоморфные черты, что наблюдается на некоторых изваяниях Хакасско-Минусинской котловины и в петроглифах Восточной Сибири (Окладников, Мазин, 1979, с. 59, с. 126; Окладников, 1977, с. 32).

По всей видимости, это связано с развитием тотемистических воззрений, в которых медведь выступает в роли мифического предка, а также связанных с ним определенных форм охотничьей промысловой магии. По мнению многих исследователей, культ медведя и связанные с ним тотемистические представления, которые сохранились до этнографической современности у сибирских народов, своими корнями уходят в далекое прошлое. Б.А. Васильев, специально занимавшийся изучением медвежьего праздника, выделяет его наиболее древний «евразийско-американский» пласт, который характеризуется, наряду с другими обрядами, медвежьими танцами-пантомимами, имеющими своей целью «... как благоприятный исход охоты, так и размножение зверей...» (Васильев, 1948 с. 103). Подобные обряды есть проявление древних форм промысловой магии. У кетов, например, они сопровождались ритуальными действиями, во время которых охотник, подражая медведю, надевал маску из кожи, снятой с лобно-носовой части и губ медведя (Алексеев, 1960, с. 100). По всей видимости, данный обряд нашел отражение в наскальном искусстве эпохи ранней бронзы (рис. 1, 7,8).

В последующие периоды зооморфные образы с узнаваемыми чертами медведя в петроглифах не встречаются. Вместе с тем материалы жертвенников свидетельствуют о развитых формах культа медведя в эпоху раннего железного века – средневековья (Заика, 1999, с. 12). По нашему мнению, данная ситуация может объясняться: с одной стороны – табуированием реальных изображений медведя в наскальном искусстве; с другой – трансформацией формообразующих элементов образа, что может свидетельствовать о развитых формах тотемистических представлений. По этнографическим материалам изображения медведя выполненное на бересте имеют вид зоо-антропоморфных фигур, показанных в позе «лягушки» или «роженицы», или в виде антропоморфного изображения (рис. 1, 5). Вполне естественно, что многие исследователи трактовали подобные изображения в петроглифах по другим интерпретационным направлениям. Не останавливаясь на данном вопросе, мы можем сделать определенные выводы.

По всей видимости, медведь являясь одним из центральных персонажей древней мифологии в эпоху неолита утрачивает свои доминирующие позиции космогонического характера приобретая роль узколокального объекта культа, с которым были связаны тотемистические представления и элементы промысловой магии в период раннего железа – средневековья, что мы наблюдаем в наскальном искусстве Среднего Енисея и Нижней Ангары.

М.А. Кузнецова

(Кемерово, Кемеровский государственный университет)

К вопросу о семантике орнитоморфных изображений Обь-Иртышья

Духовный мир сибирских аборигенов развивался на определенном естественно-географическом фоне, в процессе хозяйственно-бытовой и социальной адаптации к природной среде. В целом древние верования и культы отражают, видимо, процесс приспособления человека к природе, к формирующимся на ее фоне традициям, оправдывая и закрепляя их.

Одним из самых популярных тотемических образов на этой территории, судя по археологическим и этнографическим материалам, была птица: орел, филин, глухарь, утка (гусь) и т.д.

Орнитоморфные изображения условно можно разделить на две группы: одиночные и сложные (с антропоморфной личиной на груди).

Что касается первой группы, то этот мотив можно связать с верой в возрождающуюся душу, обитающую в частности, на концах волос (Чернецов В.Н., 1959, с.190; Матющенко В.И., 1973, с.94), что отчасти подтверждается находками данных изображений в захоронениях в области косы. У хантов женщины, как правило, на концах кос носили украшения с изображением морянок и чернядей (Чиндина Л.А., 1977, с.47). Этот сюжет широко распространен на территории Обь-Иртышья (Релка, ТКМ I, Туруновка 3). Манси считали, что душа умершего на спине утки отправлялась к холодному, морю (Чиндина Л.А., 1977, с.54).

Следует отметить, что на изображениях водоплавающих птиц нет дополнительного образа – человеческой личины. Что касается стилистических особенностей, то локальные различия этих поделок прослеживаются, прежде всего, в различной степени стилизации и верности натуре. Наиболее реалистичными следует признать изображения со Средней Оби (например, пять пронизок из Релки), (Чиндина Л.А., 1977, рис.32-12-15). В нижеобских птицевидных изделиях орнаментация развита намного богаче, что значительно снижает реалистичность образа.

Касательно сложных образов существует мнение, что тотемными можно считать только их, так как именно они сочетают зоо- и антропоморфные черты (Косарев М.Ф., 1984, с.188). Обычно орнитоморфная часть изображения представлена хищником (орлом, совой, филином) с раскрытыми крыльями (Релка, Шаманский мыс, Высокий Борок, Юрт-Акбалык-4). Сюжет, широко распространившийся в Приобье еще в кулайское время и известный далеко за его пределами.

Интересно замечание Карьялайнена о существовании двух душ: душе-дыхании и душе-тени. Последняя отделенная от своего живого владельца, летает вокруг него как крылатое существо (Карьялайнен К.Ф., 1921-22, с.38). Возможно, что отражением этого представления и являются фигурки птиц с личинами на груди.

Однако есть мнение, что подобного рода фигурки носились в качестве амулета и, возможно, являлись символом светской или духовной власти (Молодин В.И., 1992, с.146). Все известные бляхи такого рода не имеют строгой канонизации, трактовка деталей (перьев, хвоста и др.) различна.

Особое место в ряду орнитоморфных фигурок, занимает образ орла, вероятнее всего он имел отличное смысловое значение.

Чаще всего изображения орла сопровождаются солярной символикой. Как, например, бляха из Релки представляющая собой крест, заключенный в круг, с внешней стороны которого находятся четыре сидящих орла (Чиндина Л.А., 1991, с.61). В угорской мифологии орлу отводится особое место. Считалось, что он был «ездовой птицей» во время путешествия шамана к верховному божеству. Возможно, именно этот момент зафиксирован на бляхах. У селькупов Небесная Мать каждое утро на кончике лучей посылает на землю души рождающихся людей. Души эти представлены в образе птицы (Прокофьева Е.Д., 1976, с.103). У многих сибирских народов орел выступает, как хозяин солнца, огня, как родоначальник шаманов. То есть можно предположить, что бляхи с изображением орла с личиной адресовались людям, наделенным духовной властью. Вера в жизнь после смерти, представления о возрождающейся душе является одним из основных догматов любой системы религиозных представлений. Возможно, у раннесредневекового населения Обь-Иртышья символом этого и была птица. Это, вероятно, нашло отражение в орнитоморфных образах.

Научный руководитель – к.и.н. И.В. Окунева.

А.В. Зубова, А.С. Шишкин
(Новосибирск, Новосибирский государственный педагогический университет)

К вопросу о семантическом значении наконных украшений

Зоо- и орнитоморфные наконные украшения, выполненные из цветных металлов, представляют собой одно из ярких явлений традиционной культуры сибирских народов. Они встречаются как в археологических, так и в этнографических материалах, и рассуждения о значении символов, связанных с ними довольно распространены (см. напр.: Карьялайн К.Ф., 1996, Сагалаев А.М., 1991, Чернецов В.Н., 1959 и др.). Но, какую бы мифологию мы не взяли, закрыть любой семантический ряд, т.е. исчерпать все семантические связи данного образа, какого-либо предмета или мифологемы невозможно (Балакин Ю.В., 1998, с.125), и наконные украшения в этом случае не исключение.

Цель данной работы – определить некоторые аспекты семантической нагрузки таких наконников, в зависимости от изображения на них и материала, из которого они изготовлены.

По археологическим данным зафиксировано несколько видов животных, изображения которых использовались в качестве наконных украшений. Это белка (Троицкая Т.Н., 1996, с.73-74), медведь (Гутов Е.А., 1989, с.70; устное сообщение А.П. Бородавского; Беликова, Плетнева, 1983, с.27), утки или другие водоплавающие птицы (Дульзон А.П. 1947, с.103, табл. 42, 44; Конилов Б.А. 1983, с.98), хищные птицы (Чиндина Л. А. 1987, с.52), конь (Чернецов В.Н., 1957, рис.9, III, табл. XII). В материалах С.И. Руденко, относящихся к этнографическому времени опубликована подвеска в виде льва (?) (1914, с.51, рис.29, б). Вполне возможно, что существовали и другие изображения, но в литературе часто не указывается точное положение таких подвесок в могиле, поэтому точно ничего сказать нельзя.

В этнографии свидетельства употребления таких подвесок встречаются у К.Ф. Карьялайнена (1996, с.39-40). Им упоминаются вороны, сороки, ястребы, змеи или лягушки. Его сведения приводит В.Н. Чернецов, прибавляя к ним материалы фольклора.

В.Ф.Зуев (1947, с.27) описывает «...будто повязку, у коей концы назаде долгие и расширены разными медными фигурками, как коньками сделанными, рыбками и прочее...».

Чтобы определить семантику таких украшений, прежде всего нужно попытаться оценить значение изображенных на них животных для мировоззрения древнего и этнографического населения Сибири.

Обратившись к этнографии, можно увидеть, что наиболее разноплановым из всех упомянутых изображений является медведь. Его образ маркирует собой все три мира. В Верхнем мире он предстает как верховное божество или его сын (дочь); в Среднем мире – дух леса или дух-покровитель, фратриальный предок; в Нижнем мире – хозяин мертвых, бог земли. Ряд его функций и воплощений указывают на медиативную роль в структуре Космоса. Как представитель верха медведь следит за соблюдением справедливости на земле, в качестве фратриального предка он также принадлежит одновременно Верху и Среднему миру, а как охранитель от духов – Среднему миру и Низу.

Второе в количественном отношении место занимают птицы. В традиционном мировоззрении обских угров и самодийцев они являются существами, обитающими во всех сферах Космоса и свободно перемещающимися в них. Особенно это относится к водоплавающим птицам, способным погружаться под воду – аналог сферы Низа. Основное ее значение – посредничество между мирами Вселенной, кроме того, она входит в число предков человека. В урало-алтайской традиции с комплексом представлений «птица – дерево» тесно связана богиня-мать. (Сагалаев А.М., 1991, с.75). Птичья ипостась – один из характерных атрибутов женских (и не только) божеств.

Представления о лягушке также в основном связаны с образом благожелательного женского божества, функционально имеющего отношение к семейному счастью, деторожде-

нию, здоровью, плодородию. По фольклорным свидетельствам первоначальное место обитания лягушки – Верхний мир, но несмотря на свою благость, она, как и рыба, еще и существо хтонического плана, обитатель Нижнего мира, водной стихии, нередко наделяемая в фольклоре такими чертами как коварство и злоба.

Конь в мифологической системе обских угров занимает особое положение. Основное его значение – переносчик представителей высшего пантеона: Нуми-Торума, Корс-Торума, Щахэл-Торума и Мир-Сусне-Хума; кроме того он выступает как своего рода медиатор между Верхом и Низом. В индоевропейской традиции он, кроме того, выступает как воплощение мирового дерева. Конь-дерево в Ригведе соответствует коню-дереву в Эдде. Древнеисландское *Ygg-drasil* буквально переводится как «конь Одина» (Иванов Вяч. В., 1974, с. 111 – 115).

Менее точно можно определить ритуальное значение белки. В обско-угорских материалах упоминания о ней практически не встречаются. Но можно привести аналогию из селькупского предания. В нем говорится, что, когда Хозяйка леса покровительствовала охотнику, она расчесывала волосы, и из-под гребня бежали к нему белки, соболи, лоси олени. «...Она сидит, волосы распустила до пят и чешет. Как на одну сторону чеснет – белки бегут... другую чеснет – соболи валяются» (Пелих Г.И., 1972, с. 341). Белка здесь выступает как символ плодородия и охотничьей удачи.

Хорошо известна медиативная функция белки в индоевропейской мифологии. Например – белка Рататоск, которая

«...Резво снует
по ясеню Иггдрасиль;
все речи орла
спешит отнести она
Нидхеггу вниз».

(Старшая Эдда, 2000, с.89).

Кроме этого, в ее приметах отчетливо выделяется огненная символика (Гура А.В. 1997, с.252). В славянской традиции белка воспринимается как нечистое животное, связанное с домовым, русалкой, водяным. В польских поверьях ее образ связан с функцией плетения волос и женской брачной символикой.

Таким образом, мы видим, что общей в мировоззренческой нагрузке этих изображений является функционирование изображенных на них животных в качестве медиаторов между различными мирами. Если учесть, что волосы в традиционной культуре часто выступают воплощением мирового дерева (Сагалаев А.М., 1990, с.23; Усманова Э.Р., Логвин В.Н., 1998, с.64), то становится возможным перенесение посреднической функции и на накосное украшение.

В пользу этого говорит также обычай приносить гребни и накосные украшения в жертву на священном мысу на озере Тух Эмтор (Легенды и сказки хантов, 1973, с.24), а также фольклорные данные.

Второе значение таких украшений определял материал, из которого они были выполнены. Цветные металлы сами по себе обладали высокой сакральностью. Медь и бронза обладали, во-первых, защитным действием, а, во-вторых, – животворящей, репродуктивной способностью (Балакин Ю.В., 1998, с.136). Присутствие меди или само по себе или в сопровождении определенных ритуальных действий создает чистую в ритуальном смысле зону. Возможно, что об изделиях из цветного металла в древности можно было говорить не только как о вместилище жизненной силы, но и как об ее источнике, вне которого жизненная сила не имеет самостоятельного существования (там же, с. 144). Это объясняет данные В.Н. Чернецова о том, что отношение к медным подвескам на косы куда более серьезное, чем просто к украшениям и часто они мыслятся как воплощение реинкарнирующей жизненной силы (Чернецов В.Н., 1959, с. 138).

В качестве первоисточника жизненной силы волосы и накосные украшения выступают в сказании о творении земли и людей у обских угров.

Со дна семи рек, семи морей
Златоспинных семь хомлах
Поднимаются.
Его косами спины свои согревают...
Люди благодаря этому (благодаря их силе)
По сей день существуют.
(Чернецов В.Н., 1959, с.141).

Таким образом, помимо перечисленных в литературе значений зоо- орнитоморфных накосных украшений (воплощение тотемического предка (Карьялайнен К.Ф., 1996, с. 39-40), средство охраны и удержания души, мировое дерево, маркировка различных сфер Космоса (Сагалаев А.М., 1991, с.56), можно выделить еще два. Первое – медиативная функция таких украшений; второе – накосные украшения представляют собой источник жизненной силы.

Научный руководитель – д.и.н. Т.Н. Троицкая.

А.Н. Чистякова

(Новосибирск, Новосибирский государственный университет)

Образ феникса в китайской мифологии

Смысл всякой космологии – свести многообразные знания о мире в единую, достаточно стройную картину. Выбор огня, воздуха, земли, воды в качестве начальных субстанций космоса исследователи объясняют тем, что люди издревле и повсеместно обожествляли их и поклонялись им как могущественным и первозданным стихиям. Огонь – это не только костер, но и свет, тепло, осколок солнца. Уничтожение Вселенной посредством огня не означает ее гибель. Это всего лишь полное обновление одряхлевшего мира, бесконечный процесс: рождение – смерть – рождение. Огонь – стихия преобразования, связывающая воедино мир живых и мир мертвых. Во многих мифологиях происхождение мира (Вселенной) связано с огнем. Хотя картина древнекитайской космогонии плохо сохранилась, однако по некоторым отрывочным данным делаются попытки ее реконструкции. В «Каталоге гор и морей» говорится: «Жена предка Огня, Дочь Красной реки... родила Живущего в огне (Яньцзюя). Живущий в огне родил Сици, Сици родил Заклинающего огонь. Заклинающий огонь спустился на землю и родил Бога Разливов...» (Каталог гор и морей 1977, с. 129). К этому отрывку Э.М. Яншина дает пояснение: существовали мифы о происхождении богов. Это было одновременно и космогонией. Можно представить картину происхождения мира, где первоначалом мыслилась стихия огня, олицетворенная в Предке Огня – Яньди, Живущем в огне (Яньцзюй), Заклинающем огонь. Огонь породил стихию воды и т.д. Для китайцев огонь выступал в качестве первостихии.

Кроме того, в мифах народов Азии о происхождении мира распространён сюжет о происхождении Вселенной из яйца птицы. В Китае это миф, в котором говорится о том, что Небо и Земля были слиты воедино как в курином яйце, внутри которого и был порожден первопредок Паньгу. Многие годы пролежав в яйце, он нанес изнутри сильный удар по скорлупе, яйцо треснуло и раскрылось. Все легкое и прозрачное устремилось вверх, образовав небо, а все тяжелое и мутное осталось внизу, образовав землю. В графических изображениях позднего времени Паньгу обычно предстает как рогатый творец, а одним из его спутников является птица феникс. Это служит доказательством связи происхождения Вселенной и птицы. Но древнейшие мифы о сверхъестественной птице, которая отложила это

яйцо, были забыты, а роль птицы низведена до участия в процессе рождения человека. Птица – прародитель известна в мифологии древнекитайского народа шан. Но не сама птица порождает народ. Слова древнего свода «Шицзин» – «Неба велением Пурпурная птица долу спустилась, и шанов она породила» – снабжены таким комментарием: ласточка отложила яйцо; женщина съела его и рожден был предок народа шан. На первый взгляд в этом отрывке имеется противоречие: пурпурный – это красный, а ласточки черного цвета. Но оно снимается, если привлечь цитату из другого источника. Поэт Цюй Юань в поэме «Вопросы к небу» повествует о том, как Цзяньди проглотила яйцо ласточки и затем родила Се. Однако в поэме «Скорбь отрешенного» речь уже идет о фениксе. Юань Кэ пишет, что феникс одновременно был ласточкой, ибо люди приукрашивали эту птицу и она становилась похожей на феникса. Таким образом, нет ничего удивительного, что владыка Востока Ди-цзюнь – божественный первопредок *иньцев* – имел голову ласточки и состоял в родстве с пестрыми птицами (фениксами), спускаясь к ним с неба. Фениксы являлись посредниками между небом и землей. Доказательством служит и то, что фениксы на земле заведовали двумя алтарями Ди-цзюня. Можно сделать выводы: во-первых, феникс связан с духами предками, во-вторых, ласточка – это и есть феникс.

Что же представляет в мифологии птица феникс, и является ли она пурпурной птицей – первопредком. Феникс считался самой красивой и самой почитаемой птицей. По некоторым описаниям у птицы феникс петушиная голова, ласточкино горло, журавлиное тело, а шея змеиная. Есть и другое описание: клюв петуха, лоб журавля, голова утки, хвост рыбы. Отмечается так же, что перья ее пяти цветов, которые символизируют 5 основных добродетелей: человеколюбие, долг, пристойность, знание обрядов и верность. Волшебная птица феникс добра и милосердна. Она не клюет насекомых, не питается живыми существами и травами; пищей для нее служат семена бамбука, а жажду она утоляет только из чистого родника. В Каталоге Южных гор говорится, что в 50 ли к востоку находится гора под названием гора Киноварной пещеры (связь с красным цветом). Там водится птица. Она похожа на петуха, пятицветная с разводами. Называется феникс (*фэнхуан*). Первоначально в фениксе не было ничего мистического. Иероглиф *фэн*, обозначающий феникса, в надписях на костях представлял собой павлина, которые в древнем Китае встречались в большом количестве, но павлин изображался с гребешком или хохолком. Из описания видно, что феникс – это синкретический образ божественной птицы. Главенство феникса над другими птицами доказывает сюжет, приведенный Юань Кэ. В стране, основанной Шаохао, чиновниками являлись различные птицы, а самым главным управителем был феникс, который следил за календарем. То, что феникс следит за календарем указывает на связь с переменной времен года, то есть со сменой процессов рождение – смерть – рождение. Связь смерть – возрождение с огнем и красным цветом отразилась в церемонии, исполнявшейся китайцами перед входом к умершему. Когда человек умирал, то два молодых человека наносили киноварь или охру на тела и украшали себя птичьими перьями. Перед входом к мертвому они исполняли своеобразный танец: ходили птичьей походкой, изображая процесс спаривания. Суть церемонии в том, чтобы помочь вознестись умершему на небо. В этом ритуале значительная роль принадлежит птице. Нет сомнения, что это феникс. В пользу этого свидетельствует, во-первых, связь с красным цветом (огнем), во-вторых, семантическая цепочка смерть – рождение, как и у феникса, умирающего и возрождающегося в огне. В шан-чжоуское время феникс выступает в качестве сверхптицы и жертвенная утварь уже не обходится без изображений этого мифического существа..

Ранние каноны ханьцев говорят о «птичьем» языке древнего населения Юга, который был областью широкого распространения культа Красной птицы. Незримые образы земных животных, по мнению китайцев, пребывали на небе. «Киноварная птица» господствует в южном его секторе и символизирует солнце, тепло и лето. Согласно данным «Хуайнань-

цзы» Юг это огонь, его бог – предок Пламя (Яньди), помощник которого Красный Свет держит весы и управляет летом. Его животное – Красная Киноварная птица. У Юань Кэ говорится, что Яньди – бог солнца вместе со своим правнуком, богом огня Чжужуном, управлял на юге землями и назывался верховным правителем Юга. Предание говорит, что в далекие времена в небе пролетала красная птица. Она держала в клюве 9 колосьев. Зерна упали на землю, а Яньди собрал их, посеял и вырастил высокие хлеба, которые оказались вечнорастущими, в чём явно проявляется связь с идеей бессмертия.

Доказательством связи птицы с солнцем, огнем и урожаем служит обряд, описанный в «Чжоу ли». Существовали специальные чиновники, ответственные за выставление женщины-шаманки в случае засухи. Стоя на поле под лучами солнца женщину представляла собой жертву светилу. Если же «выстаивание» не приводило к искомому результату, то прибегали к крайним мерам – женщину сжигали, принося в жертву духу засухи, в чём можно углядеть символику нового рождения.

Этнографические материалы свидетельствуют, что праздники, связанные с рождением, не обходятся без участия петуха, где петух (курица) замещает феникса. Первый такой праздник – Новый год. К первому дню нового года приурочено исполнение специального обряда: до пения петухов хозяин дома снимает полоски красной бумаги с двери, чтобы то сильное и здоровое, что принес Новый год, проникло в дом, укрепило его, придало силы. Каждый из 7-8 дней Нового года посвящается определенному существу. Первый день – День цыпленка. Петух же входит также в ряд из двенадцати существ, которые составляют знаменитый звериный цикл.

Обряды возжжения ритуальных костров тесно связаны с культом солнца и огня. «Зажжение» солнца приурочивают к годовому круговороту: к летнему и зимнему солнцестоянию, осеннему и весеннему равноденствию. В эти «критические» для солнца моменты тушили весь старый огонь и зажигали новый. Особенное значение придавалось этому обряду во время весеннего равноденствия. Огонь, зажженный в это время, назывался «огонь царства» (*гохо*). Поскольку с «поворотами» солнца связывались представления об умирании и оживлении природы, то культ солнца напрямую имеет отношение к идее плодородия. Обрядовую роль играла курица и в свадебном торжестве: во-первых, она служила символом – заменителем невесты, а в юго-восточных провинциях Китая допускалось оформление брачного обряда, где роль жениха «выполнялась петухом»; во-вторых, мясо курицы – обязательный компонент свадебного обеда, что опять же символизирует новое рождение. Птица феникс была эмблемой добродетели и верности. Считалось, что самка и самец (*хуан* и *фэн*) нежно привязались друг к другу. И постоянство птицы стало символом супружеской любви и верности.

Заметное место в обрядности праздника Холодной пищи, связанного с огнем (точнее, с запретом возжигать огонь в этот день) занимала символика яйца. День этот предшествовал ритуалу зажжения нового огня от солнца с помощью зеркал. Кроме петушиных боев в это время устраивали игру-состязание, связанную, с весенними брачными играми. В праздник поминовения усопших каждая семья старалась угостить своих предков. Одним из самых желанным считалась курятина. Жители Тайваня клали на могилу яичную скорлупу. Дата начала лета отмечалась жареной курятиной или ели вареные яйца. В праздник полнолуния 6-го месяца во многих районах Китая отмечается как «середина года». На Тайване на жертвенном столике раскладывали по кругу рисовое печенье по числу членов семьи. В центр клали очищенное от скорлупы яйцо, символизирующее потомство. Снятие же скорлупы с яйца означало «изгнание» скверны.

Выводы:

1. Птица феникс являлась синкретическим божеством, обладающей функцией многих птиц. В основном это петух, ласточка павлин и фазан.

2. Тесная связь феникса с солнцем – огнем- красным цветом, соответственно, с плодородием.
3. Связь с духами предков.
4. Управление временем, а следовательно, непрерывность процесса: рождение – смерть – новое рождение.

Научный руководитель – С.В. Алкин.

*А. В. Тараканов
(Кемерово, Кемеровский государственный университет)*

К вопросу о хронологии памятников наскального искусства в Индии

Индия – это огромный субконтинент площадью около 3,3 млн. км², на территории которого находится огромное количество памятников наскального искусства. Подавляющее большинство их (более 80 %) расположено в Центральной Индии. В связи с этим еще в середине XX века в индийской историографии возникла проблема классификации изображений и выделения хронологических периодов. Рассмотрим наиболее характерные концепции.

Подавляющее большинство исследователей в качестве основного критерия классификации наскальных рисунков Индии выбирает стиль. Цвет изображения, сюжет, патинация и перекрывание рисунков отодвигаются на второй план и играют вспомогательную роль. Разумеется, каждый из вышеперечисленных критериев тоже может выступать в роли основного, но только для отдельного памятника или группы памятников.

Первая попытка классификации наскальных рисунков Индии была предпринята в 1960 году британским исследователем Д. Х. Гордоном (Gordon D. H. Pre-historic Background of Indian Culture, 1960). Он разделил наскальные изображения на 5 групп и разместил их в хронологической последовательности. В первых 4-х группах Д. Х. Гордон выделил по 2 подгруппы – раннюю и позднюю.

1. Стилизованные изображения.
2. Натуралистические.
3. Развитая анатомия.
4. Двухцветные.
5. Грубые.

К сожалению, эта классификация была характерна только для одной области – Пачмархи, но не для Индии в целом. Но это несколько не умаляет ее значения.

В 1964 году выходит в свет работа Р. К. Вермы (Verma R. K. Stone Age cultures of Mirzapur, 1964). Его классификация, как и классификация Д. Х. Гордона, не была характерна для всей страны. Р. К. Верма классифицировал изображения Мирзапура, но тем не менее его подход очень интересен. Р. Верма делит наскальные изображения Мирзапура на 4 группы:

1. Натуралистическая.
2. Стилизованная.
3. Символическая.
4. Обратно к натурализму.

Таким образом, по мнению Р. К. Вермы стили в наскальных изображениях имеют циклическое развитие.

Не мог оставить без внимания проблему хронологии и «патриарх наскального искусства Индии» В. С. Ваканкар. Более того, в своей работе он дал классификацию наскальных рисунков Индии даже несколько раз. Самой интересной из них, на наш взгляд, является «Таблица стилей», опубликованная в книге В. С. Ваканкара и Р. Р. Р. Брукса (Wakankar V.S., Brooks R. R. Stone Age painting in India, 1976). В отличие от предшествующих клас-

сификаций, здесь уделяется внимание не только стилю, но и цвету изображений, а также наиболее распространенным сюжетам. Согласно «Таблице стилей» все наскальные рисунки Индии делятся на 20 стилей. Расположив их в хронологической последовательности, В.С. Ваканкар и Р.Р.Р. Брукс выделяют 5 периодов. Мы не будем давать характеристику каждому стилю и остановимся лишь на хронологии.

I период. Мезолит или ранее. К этому периоду авторы относят первые 6 стилей. Примечательно, что В. С. Ваканкар и Р. Р. Р. Брукс, в отличие от большинства своих коллег, не ведут отсчет от верхнего палеолита (Большинство индийских исследователей наскального искусства и по сей день имеют склонность к удревлению рисунков и относят самые древние из них к верхнему, а иногда и среднему палеолиту), а ставят в названии периода уклончивый союз «или».

II период. Неолит/Халколит и ранний железный век. К этому периоду относят 4 стиля, с 7-го по 10-й.

III период. Ранний исторический период (300 год до н. э. – 800 год н. э.). К этому периоду также относится 6 стилей. 4 из них соответствуют империям, существовавшим на территории Индии в то время, и последовательно сменяют друг друга. Это стили:

1. Маурья и Шунга (300 год до н. э. – 100 год н. э.).
2. Кушан (100 – 300 гг. н. э.).
3. Гупта (300-500 гг. н. э.).
4. Поздняя Гупта (500-800 гг. н. э.).

Еще 2 стиля характерны для всего раннего исторического периода

IV период. Средние века (800-1300 гг.). К этому периоду относится 2 стиля.

V период. Современный период (1300 г. – до наших дней). К этому периоду авторы относят оставшиеся 2 стиля.

Отметим, что «Таблица стилей» – самая подробная классификация наскальных рисунков Индии.

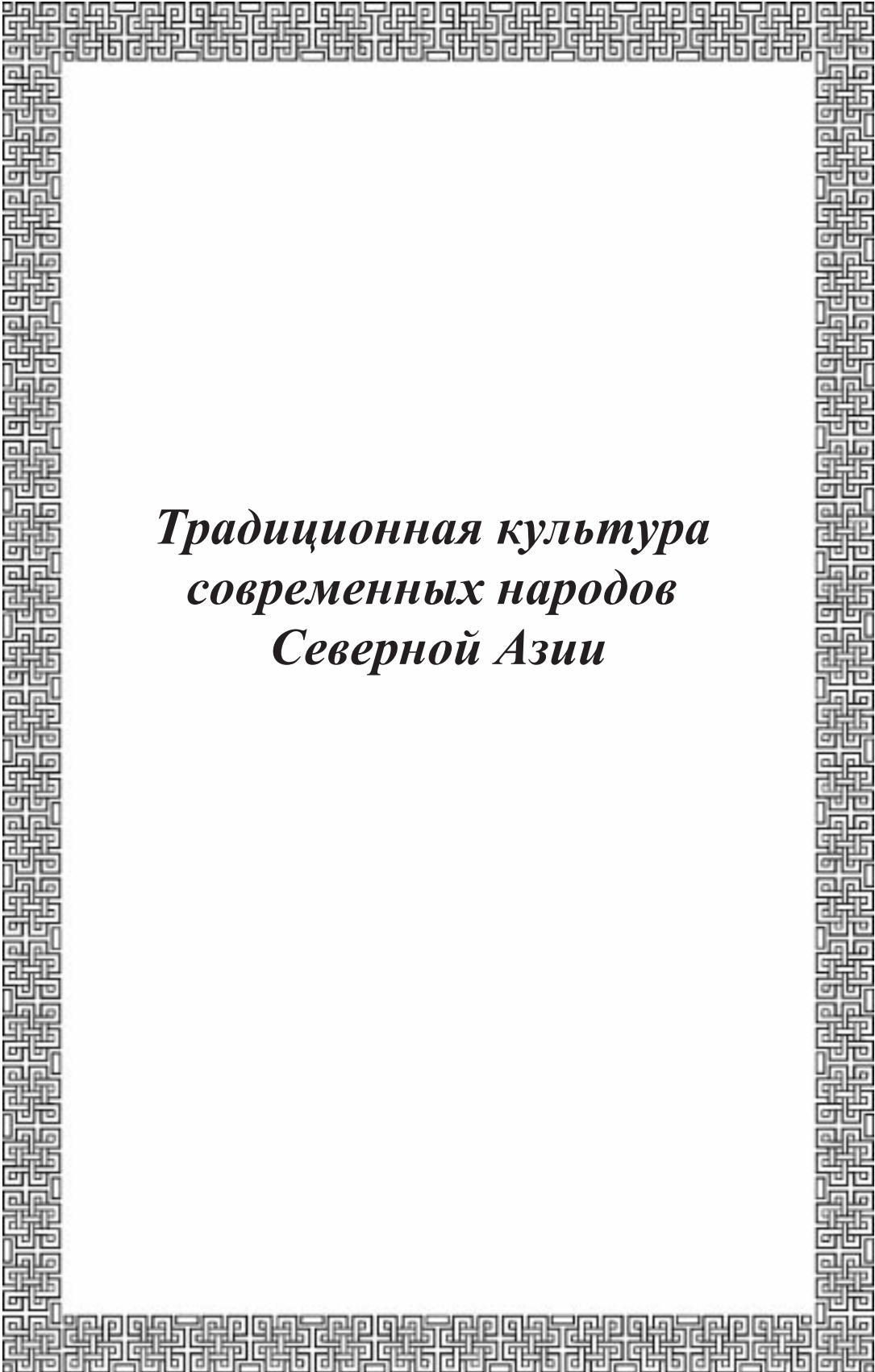
В 80-е – 90-е годы XX века проблема создания классификации и хронологии наскальных рисунков Индии продолжает стоять достаточно остро. Появляется ряд попыток создания такой системы, из которых отметим классификацию, данную индийским исследователем С. К. Пандеем в его монографии (Pandey S. K. Indian Rock Art, 1993). Он выделяет 5 периодов:

- I. Натуралистический – Верхний палеолит.
- II. Стилизованный – Мезолит.
- III. Схематический и декоративный – Мезолит.
- IV. Условный – Неолит/Халколит.
- V. Исторический (Эклектический). Этот период С. К. Пандей делит на 3 подпериода:
 1. Ранний исторический (7 век до н. э. – 1 век н. э.).
 2. Исторический (1-7 вв. н. э.).
 3. Поздний исторический (7-13 вв. н. э.).

Таким образом, мы видим, что эта классификация – дальнейшее развитие идей Д.Х. Гордона и Р.К. Вермы. Вообще, у большинства исследователей наскального искусства Индии классификации носят чисто стилистический характер и имеют, как правило, только приблизительную хронологическую привязку, не подкрепленную системой доказательств.

В настоящее время проблема создания единой системы хронологии наскальных рисунков Индии все еще остается актуальной. Поэтому мы имеем все основания полагать, что в ближайшем будущем появится новая система, способная вместить в себя все рисунки и соотнести их с хронологическими рамками.

Научный руководитель – д.и.н. А.И. Мартынов.

*Традиционная культура
современных народов
Северной Азии*

П.Л. Барбашина

(Новосибирск, Новосибирский государственный университет)

Гора Тайшань как объект религиозного поклонения в Китае

Традиция обожествления гор восходит к глубокой древности и является общей чертой практически всех народов мира, в том числе и Китая. Там горы с ранних времен считались священными. Иероглиф *уие* (священный пик) часто встречается уже в иньских гадательных надписях на костях и панцирях черепаха, и, судя по всему, выступает существенной частью гадательной практики (Kleeman, 1994, с. 226; Li Ji-Sheng, 1987, с. 12). Существует мнение, что в те времена горы могли обожествляться по нескольким причинам: с одной стороны, масса горы давит над всей окружающей равниной, и за счет этого она воспринимается как принцип стабильности, который не позволяет почве колебаться, а рекам – выходить из берегов. С другой, вокруг вершины горы, как правило собираются тучи, поэтому кажется, что она сама их производит и повелевает ими, а соответственно и дождями, которые обеспечивают плодородие и урожайность (Chavannes, 1910, с. 8-9). Кроме того, горы воспринимались как наиболее близкие к небу, и поэтому считалось, что на них в большей мере проявляются божественные силы (Naquin, Yu Chun-Fang, 1992, с. 89).

С течением времени эта система верований все усложнялась, приобретала свою, сугубо китайскую, специфику. Уже в Чжоу мы находим тщательно выработанную ритуальную практику, связанную с поклонением горам, во-первых, как самостоятельным божествам, а во-вторых, как сакральным местам, где обитают различные группы божеств и духов. В те времена множество гор, расположенных на территории Китая, сложились в определенный комплекс, основанный на дихотомии «центр – окраины» (Kleeman, 1994, с. 228). Термин *уие* тогда служил для обозначения вождей отдаленных племен, либо главенствующих или организующих групп местной знати, которые были абсолютно лояльны по отношению к чжоускому правящему дому, но под его непосредственным контролем не находились. Так была образована тесная связка между государственной властью и почитанием гор. В дальнейшем эта система претерпела существенные изменения, которые непосредственным образом диктовались переменами социального и политического характера, происходившими в Китае по мере расширения его территории и усложнения идеологии правящей элиты.

С того времени, как в Чуньцю и Чжаньго были разработаны концепции *wu-xing* (пять стихий), *wu-de* (пять добродетелей), *wu-chang* (пять постоянств) и другие, начинает создаваться классическая система Пяти пиков (*wu-yue*), которую составляли тогда горы Хуашань (Западный пик), Хэншань (Южный), Суншань (Центральный), Хэншань (Северный) и Тайшань (Восточный), при этом последняя почиталась «Самой главной среди *wu-yue*», «Единственно почитаемой среди *wu-yue*» (Li Ji-Sheng, 1987, с. 16). Императоры регулярно совершали на нее поездки с целью принесения жертв предкам, Небу и, собственно, духу этой горы – *Taishan-shen*, либо *Dongyue-dadi*. Не осталась она в стороне и от линии развития народных поверий, в которых склоны и ущелья этой горы населялись в народном воображении духами, демонами и чудовищами. Существует несколько причин, по которым Тайшань приобрела доминирующее положение в китайском культе гор. Горный массив Тайшань расположен на востоке большой Северокитайской равнины, тянется по восточной части провинции Шаньдун. Собственно, гора Тайшань является его самой высокой точкой и составляет 1545 м над уровнем моря, она находится между двух речных потоков: с востока от нее протекает Хуанхэ, с запада – Гуцзишуй (один из притоков Хуанхэ), между ними располагаются горные долины. Самые ранние археологические памятники, обнаруженные на Тайшань в середине нашего века, относятся к палеолиту, периоду 40-50 тысяч лет назад. В эпоху неолита, примерно от 4-х тыс. – до 2-х тыс. лет до н. э., в районе Тайшань существовала культура *давэнькоу*, следом за ней *луншань*. В эпоху Чжоу здесь располагались государ-

ства Лу и Ци, в дальнейшем в этом районе создавалось более 40 крупных и малых древних государств, также здесь находилась родина Конфуция и Мэн-цзы. Таким образом, с самых древних времен в этом районе проживали предки современных китайцев, он интенсивно осваивался, и соответственно, стал объектом мифотворчества и религиозного поклонения.

Кроме того, судьба Тайшань неразрывно связана с литераторами и выдающимися людьми китайской истории, которые после посещения этой горы оставляли песни, стихи и картины, восхваляющие ее. Путешественники составляли многочисленные отчеты о своих странствиях, историко-географические описания, записи сказок, преданий и легенд. Она как магнит притягивала благочестивых паломников, служила убежищем для уставших от мира отшельников, ей в равной мере возносили молитвы конфуцианцы, даосы и буддисты.

Культ горы Тайшань представляет собой сложное комплексное явление. В той или иной степени его инкорпорировали все доминирующие в Китае религиозные системы, и в каждой из них он занял свое определенное место. Во-первых, следует отметить роль этого культа в государственной идеологии Китая. Гора Тайшань служила центром Поднебесной, выступала символом величия и могущества, ее называли «единственным столбом на востоке». Паломничество на Тайшань с целью совершить жертвоприношение воспринималось императорами как символический акт установления своего правления, здесь они раздавали пожалования и обращались к народу, при помощи духа горы Тайшань пытались укрепить свою власть. Судя по письменным свидетельствам, уже в Цинь здесь существовала арена, на которой совершались церемонии, произносились речи и сообщения; в дальнейшем императоры, князья, генералы и министры всех последующих династий оставили после своего посещения этой горы более 1800 барельефов, 819 стел, 1080 надписей, высеченных на скалах, многочисленные храмы, дороги и монастыри. Чтобы получить благорасположение могущественного духа горы Тайшань, императоры награждали его титулами и рангами. Император и дух горы Тайшань воспринимались как два высоких сановника, назначенных Небом, чтобы обеспечить счастье и стабильность в мире: мудрость первого устанавливает гармонию и добродетель среди людей, второй повелевает всей физической природой. Оба ответственны за свои действия перед Небом, которое делегировало им эти обязанности (Chavannes, 1910, с. 10).

Также с древности гора Тайшань была одним из главных священных мест в даосизме, а впоследствии с возникновением церемонии «восхождения и созерцания» (*dengshan*) в полном смысле слова превратилась в священную гору даосов. Еще Циньшихуан и ханьский У-ди начали поиски чудодейственных лекарств, продлевающих жизнь и позволяющих не стареть, с тех пор многочисленные даосские маги и алхимики продолжали искать подобные средства на Тайшань. Многие даосские монахи жили здесь в уединении в пещерах и соломенных хижинах, проходили долгий и нелегкий путь постижения *dao*. По преданию, один из восьми бессмертных (*baxian*) – Люй-цзу – бывал на Тайшань три раза, в горной пещере занимался алхимией. Давным-давно здесь жила также мифическая правительница Запада Сиван-му, и в ее честь получил название пруд Ванмучи, который считается одной из ее резиденций. Со времени танских императоров Гао-цзуна и Сюань-цзуна даосизм получил наибольшее развитие и окончательно стал главенствующей религией на Тайшань, тогда на ней было основано немало даосских храмов. Строительство знаменитого и самого главного храма на этой горе – Даймяо – было заложено сунским императором Чжэнь-цзуном, после того как он побывал на ней.

Буддийские идеи внесли свой вклад в традицию паломничества, хотя бы потому, что в буддизме модель путешествия к святому месту более ярко выражена. К традиционным пяти пикам добавились еще четыре великих горы, но и прежние святыни не оставались без внимания. По количеству и расположению храмов и монастырей можно судить о том, что буддизм на Тайшань сразу занял подчиненное положение: даосские храмы *miao* многочисленны и отовсюду видны, тогда как буддийские *si* и *yuan* оттеснены на склоны горы или к ее подножию. Хотя в отдельные периоды расцвета буддизма в Китае на Тайшань тоже распро-

странялось это учение, происходило интенсивное строительство монастырей, в стенах горных пещер высекались статуи Будд.

Также важную роль играет гора Тайшань в народных представлениях и суевериях. Основная масса простолюдинов, в особенности женщин, направлялась к храму Бися юаньцзюнь, чтобы просить богиню о ниспослании потомства (Naquin, Yu Chun-Fang, 1992, с. 92), что сохраняется и в современной практике паломничества на Тайшань. Хозяйка горы Тайшань (*Taishan lao nai-nai*), по народным поверьям, выполняла все, о чем бы ее ни попросили. Горы в Китае были священной сферой, вступая в которую, простые смертные подвергают свою жизнь риску, следовало соблюдать определенные правила поведения, чтобы не навлечь на себя гнев божества и не стать жертвой колдунов или оборотней. Знаменитый алхимик IV-го века Гэ Хун целую главу своего трактата «Баопу-цзы» посвящает горам, их чудесам и опасностям: «Если подняться в горы не зная магического искусства, то непременно окажешься в беде. На такого человека могут обрушиться хвори и недуги, его может обуять беспричинный ужас и надолго лишит покоя...» (Гэ Хун, 1999, с. 268). С тех пор это представление о горах ничуть не изменилось, в наши дни старики по-прежнему предостерегают своих детей: «В горах очень много колдунов, демонов и чудовищ, в особенности они ловят души маленьких детей, где еще взять душу человеку, который ее потерял?» (Li Ji-Sheng, 1987, с. VII) Также считается, что камни *шиганьдан* с горы Тайшань способны предотвращать зло и изгонять нечисть. Бытовало представление, что под горой Тайшань находится вход в загробное царство (Баранов, 1999, с. 235), а владыка этой горы знает обо всех благих и дурных поступках, совершаемых людьми в жизни, и по ним определяет степень наказания, которое ждет их после смерти.

Тайшань пережила пяти-тысячелетнюю историю поклонения, и, по крайней мере, в течение двух тысяч лет на нее совершались паломничества, она представляет собой важнейшую часть в духовной жизни как древнего, так и современного Китая. Она является своеобразной моделью китайской культуры, поскольку разнородные верования и религиозные представления китайцев нашли здесь свое место и слились воедино, образовав уникальный феномен, аналогов которому мы не найдем ни в одной из стран мира.

А.Ю. Федосеев, Р.Г. Федотов

*(Чита, Забайкальский государственный педагогический университет,
Читинский областной краеведческий музей)*

Новые данные о месторасположении Аргунского острога

Вещественные остатки, дополняющие архивные данные по освоению русскими Сибири и Дальнего Востока, концентрируются в местах первых поселений пришлого русского этноса. Новые поселения являлись опорными пунктами последующего проникновения русских в Забайкалье.

Одним из таких опорных пунктов был Аргунский острог, который выполнял роль важнейшего русского военно-оборонительного укрепления в Забайкалье. Форпост был возведен, предположительно, на месте основанного в 1654 г. Федором Пушиным Аргунского зимовья на юго-восточном берегу Аргуни.

13 июля 1681 г. два казачьих десятника: Василий Милованов и Иван Волга с одиннадцатью казаками и девятью промышленниками вышли из Нерчинска на Аргунь. В том же году они построили острог.

В связи с Нерчинским договором от 1689г., подписанным царским посланником Ф.А. Головиным, все русские строения по правому берегу Аргуни, в том числе Аргунский острог должны были перенести на левый берег. Отныне в этом месте граница между Росси-

ей и Китаем прошла по фарватеру реки Аргунь. Весной 1690 г. Аргунский острог был перенесен на северо-западный берег Аргуни на 2 версты (2.14 км) ниже старого места (при устье р. Камара). Ныне это село Аргунск.

Из описания острогов Нерчинского уезда за 1704 г. можно узнать примерные размеры острога: длина составляла 6 сажень с 1/2 саж. (примерно 14 метров), ширина – 4 сажени с аршином (9.2 метра), высота – 2 сажени (4.3 метра). С острогом были три медных пушки и две пищали с боеприпасами. (Сибирские города. Материалы для их истории XVII-XVIII столетий. М., 1866, с. 18.).

Расположение Аргунского острога вблизи от месторождений свинцово-серебряных руд и концентрация отрядов, направляемых на поиски серебра и то, что в XVII в. здесь проходил официальный путь русских посольств в Китай, служило тому, что Аргунский острог являлся одним из крупных русских поселений в Забайкалье (Артемьев А.Р., 1999, с. 78-81).

В 1998, 1999 годах в с. Аргунск работала комплексная экспедиция областного краеведческого музея им. А.К. Кузнецова.

Было выявлено кладбище, являющееся одновременным с Аргунским острогом (Федотов Р.Г., 2000, с. 71) В береговой части обрыва, обращенного в сторону протоки (на восток), обнаружены выступающие из земли гробовища. Гробы представлены двумя типами: дощатые и колодчатые, завернутые в бересту. Гробовища находятся на глубине 1.4 м. от дерновой поверхности. В пользу того, что данное кладбище относится ко времени существования Аргунского острога, является способ захоронения покойников в бересте, который был заимствован у местного населения, т.е. относится к раннему появлению русских на Аргуни, когда русские поселенцы не были представлены значительными силами и шло смешение с коренным населением. Следующий момент, который подтверждает выше сказанное – это то, что на территории разрушаемого кладбища найдены изделия церковной металлопластики – тельники, нательные кресты, которые были в ходу до петровской церковной реформы.

Данное кладбище разрушается ежегодными паводками р.Аргуни, примерно, 10-15 лет. Однако, последние три года береговая линия с некропольным обнажением подверглась наиболее интенсивному разрушению.

У северной окраины кладбища, в обнажении берега наблюдается краснокирпичный фундамент. С данного участка школьниками были сняты казачья печать 1852 г. и ключ. Если сопоставить план-схему то печать и ключ были обнаружены в доме атамана Аргунской станицы Коренева Е.М.

Разрушение береговой линии грозит и разрушению постройкам средней школы, которая находится в 50 метрах от береговой линии. Постройки школы являются архитектурным комплексом. Здесь находится здание бывшего 2-х классного училища (год постройки – 1902). Здание представляет бревенчатую постройку, украшенную по карнизам и наличникам 2-х ярусной пропиленной резьбой. В 1927 г. 30 м восточнее училища китайцами была построена краснокирпичная 4-х классная школа. В 30-е гг., из с. Середянка была перевезена казачья казарма, которую поставили по западному краю школьного двора.

При осмотре берега выше кладбища на 100 м в обнажении разрушенного берега до глубины 2-х м наблюдаются следы построек и прочей хозяйственной деятельности. При осмотре берега ниже кладбища на 300-400 м (до устья р. Камара) на берегу определяются следы пристани и старых зданий. Выше устья р. Камара в обнажении береговой линии наблюдаются следы бревенчатой постройки.

В подтверждение версии, что данные постройки принадлежат Аргунскому острогу, выступают данные местного населения о сборе монет XVII-XVIII вв. В одной из таких построек, севернее пристани, школьниками обнаружен кошелек с монетами XVIII в. Кошелек был изготовлен из кожи, обнаружен в зоне обвалившегося фундамента, подмыто-

го водой. Кроме того, был обнаружен разбитый глиняный сосуд с монетами. Здесь же была найдена и серебряная монета XVII в., датируемая правлением царя Алексея Михайловича.

При беседе с учениками на вопрос находок в зоне разрушаемого кладбища и построек обнаружилось почти 100% участие каждого школьника в «сборах».

В зоне разрушаемого кладбища и обнаруженных остатков старых построек найдены куски зеленой яшмы, которые могут принадлежать ко времени существования острога, т.к. поселенцы острога занимались сбором полудрагоценного минерала.

Материал, собранный экспедицией уникален и требует безотлагательного изучения, т.к. на территории Аргунского острога по сравнению с другими острогами (Нерчинский, Иргенский, Читинский) на территории Забайкалья существовал продолжительное время, не переносился на другое место и не подвергся интенсивному антропогенному влиянию, в результате чего должен накопиться значительный вещественный материал. Кроме того, причиной безотлагательного изучения данного объекта служит то, что материал Аргунского острога расхищается заезжими скупщиками и гробокопателями, которых не останавливает даже запретный пограничный режим. Участниками экспедиции обнаружены следы деятельности гробокопателей и искателей кладов. И последним аргументом в пользу немедленного изучения Аргунского острога служит то, что ежегодные паводки разрушают уникальный памятник и грозят его полнейшему уничтожению, а также историческому архитектурному комплексу кон. XIX – нач. XX вв.

Научный руководитель – д.и.н. М.В. Константинов

Е.В. Дроботушенко

(Чита, Забайкальский государственный педагогический университет)

Православные монастыри и коренное население Забайкалья

Аборигенное население Забайкалья: буряты, тунгусы, орохоны в своих верованиях придерживались либо ламаизма, либо язычества. Знакомство с православием стало возможно для них в результате появления русских землепроходцев. С освоением края, коренные жители постепенно сближаются с официальной религией Российского государства. Немалую роль в этом сыграли православные монастыри. Возникновение их в Забайкалье относится к 80-ым гг. XVIII в., когда по указу царя Федора Алексеевича были заложены первые обители. Их основателями были члены духовной миссии, отправленной в Даурию постановлением церковного собора 1681-1682 гг. Просуществовала она до 1741 г. Задача миссии заключалась «в крещении инородцев» (Тумунов Ж.Т., 1972, с. 35).

Информации, касающейся первой духовной миссии в крае не много. Обращение в православие коренных жителей шло медленно и встречало с их стороны активное противодействие. За первое столетие существования самого крупного по тем временам монастыря края (Селенгинский Свято-Троицкий), было крещено всего 22 буряты, они проживали на монастырских землях (Шмулевич М.М., 1982, с. 20). После 40-ых гг. XVIII в. миссионерская деятельность церкви в Забайкалье практически прекратилась. Новый ее всплеск относится уже ко второй половине XIX в. Тогда была создана новая духовная миссия. Современные исследования называют разные даты ее основания. Это 1861 г. (Богодухова Н.С., 1999, с. 19), или 1862 г. (Тумунов Ж.Т., 1972, с. 35). Духовная миссия до обретения самостоятельности Забайкальской епархии находилась в управлении епископа Селенгинского, викария Иркутской епархии. С 1862 г. им был Вениамин (Благонравов) (ППБЭС, 1992, стб. 475). Проживали викарные епископы до 1879 г. в Посольском Спасо-Преображенском монастыре (Сойкин П.П., 1994, с. 691).

В Государственном архиве Читинской области хранится документ, в котором называется цель миссии. Она двояка: во первых это «... привлечение язычников ламаистов и шаманистов в лоно православной церкви», во вторых «... укрепление крещеных инородцев в истинах православной веры» (ГАЧО, ф. 8, оп. 1, д. 4, л. 33об.). Для ее достижения устанавливались правила, по которым следовало действовать. По первой части это исправление треб и крещение инородцев. По второй: богослужения в воскресные и праздничные дни при всех храмах миссии, поучения при богослужениях, чтение некоторых молитв на бурятском языке (по требнику изданному Казанской переводческой комиссией), хождение со Св. Крестом и Св. водой в праздники, собеседования, на которых рассказывается история Ветхого и Нового Заветов, разъезды по юртам и улусам крещеных инородцев (раздача им нательных крестов, житий святых, и оглашение поучения архиепископа Иркутского Вениамина на бурятском языке), поддержание контактов с инородческой властью и влиятельными лицами, оказание материальной и медицинской помощи (в 1893 г. все станы Забайкальской области были снабжены аптечками) (ГАЧО, ф. 8, оп. 1, д. 4, л. 34об.).

Средства на миссию поступали из фондов православного миссионерского общества. Для достижения положительных результатов содержались миссионерские станы, школы, церкви. Много внимания уделялось «новокрещенным инородцам». Миссия должна была заботиться о пособиях для них (ППБЭС, 1992, стб. 896), открывать богадельни, где бы за ними ухаживали в старости. Одна такая богадельня существовала при Посольском Спасо-Преображенском монастыре на берегу озера Байкал. Построена она была на частные пожертвования и начала работу в 1866 г. (Митьпова Е.С., 1997, с. 21; ГАЧО, ф. 282, оп. 1, д. 2130, л. 18).

Монастыри занимались и подготовкой миссионеров. В Забайкалье практиковал это только Посольский Спасо-Преображенский. Селенгинская обитель готовила псаломщиков для единоверческих церквей. Посольское училище открылось в 1863 г. (Митьпова Е.С., 1998, с. 22; ГАЧО, ф. 8, оп. 1, д. 16, л. 43). Но есть другие данные, что было это не училище, а школа и открыта она в 1862 г. Это год создания новой миссии и вполне возможно, что открытие приурочено именно к этому (Тумунов Ж.Т., 1972, с. 35). Главной проблемой в проповеднической деятельности становилось незнание миссионерами бурятского языка, но сведений о том, что он изучался в училище не встречено.

Миссионеры некоторое время проживали в монастырях, большую же часть находились в разъездах по области (Забайкальская область создана в 1851 г.).

О том, что крещение бурят, тунгусов или китайцев было явлением довольно редким, говорит тот факт, что каждый подобный случай подробно описывался в документах или печатных работах. Так, в отношении Чикойского монастыря, упоминается только об одной бурятке пожелавшей принять крещение (Мелетий, 1912, с. 25; ГАИО, ф. 50, оп. 1, д. 3981, л. 3). Встречаются данные о китайце, проживавшем в обители и крещеном там (ГАЧО, ф. 282, оп. 1, д. 2779, л. 7).

В своем отчете один из миссионеров Посольского монастыря отмечает, что препятствия к проповеди встречаются как среди простого населения, так и среди лам, которые ссылались на установленные для них в 1853 г. штаты и не хотели ничего слышать о православии (ГАЧО, ф. 282, оп. 1, л. 2006, л. 46).

Казалось бы, с освоением края русскими, с происходящей ассимиляцией, коренное население должно было постепенно склоняться к православию. На самом же деле, даже в начале XX в. особого стремления не выказывалось, буряты продолжали жить традиционным укладом и верой. За 1913 год было крещено по всей Забайкальской епархии (территория нынешних Бурятии и Читинской области) всего 106 человек (ГАЧО, ф. 8, оп. 1, д. 1066, л. 86).

Наряду с выше сказанным, хочется еще раз отметить, что не последнюю роль в привлечении коренного населения к официальной церкви в Забайкальском крае сыграли православные монастыри.

Е.И. Ведерникова

(Улан-Удэ, Восточно-Сибирская академия культуры и искусств)

Элементы этнокультуры семейских забайкалья в художественном оформлении певческой рукописи (на материалах коллекции ОПП ИМБТ СО РАН)

Рукописная книга – неотъемлемая и важнейшая часть культурного наследия старообрядцев Забайкалья. Каждая рукопись независимо от своего назначения является уникальным в своём роде памятником письменной культуры, будь то литургическая, крюковая, служебный или четвь сборник. Тем более интересны для изучения книжной культуры семейских Забайкалья рукописи, не привезённые из центральных и западных районов России, а изготовленные местными мастерами-забайкальцами.

У забайкальских старообрядцев-семейских были свои мастера-иконописцы или по-местному «богомазы». Они писали иконы, реставрировали иконы старого письма, переписывали книги религиозного содержания. В Большом Куналее был известен мастер Сазонов, в Никольском – Спиридон Ерофеев, в Бичуре – «дед Михаил» (Ильина-Охрименко, 1972, с. 64). Вполне вероятно, что местные богомазы, работавшие на заказ, способствовали популяризации живописного растительного стиля и в домовый росписи, и на утвари, и в художественном оформлении рукописей.

Примером такой рукописи является «Октоих певчий» из коллекции отдела памятников письменности ИМБТ СО РАН, датируемый первой четвертью XIX века.

Название «октоих» происходит от греческого слова «октоихос», обозначающего восемь ихосов, составляющих ладомелодическую модальную систему византийской гимнографии. В древнерусской традиции термин «октоих» в значении ладомелодической системы калькирован термином «осмогласие». Отсюда второе название книги, достаточно часто встречающееся в древнерусских и старообрядческих рукописях – «Осмогласник» (Федоренко, 1999, с.13).

«Октоих» – единственная в своём роде лицевая рукопись в данной коллекции – является великолепным примером синтеза каллиграфического, художественно-оформительского и музыкального искусства. Рукопись формата 4° (163 x 214), выполнена на 186-ти листах серой бумаги с филигранями 20-30-х гг. XIX в. (Клепиков, 1959, №53). При построении рукописи писцом были соблюдены определенные соотношения между общим размером книги, размером площади занимаемой текстом, вымерены соотношения цветовой насыщенности каждой страницы, размер полей, интервалы между строками, расположение и размеры орнаментированных украшений. Красочно оформленные заставки, ломбарды, миниатюры, строгая киноварная вязь заголовков и сам текст создают цельный единый поэтический образ книги. Рукопись написана полууставом начала XIX века с применением чёрных чернил и киновари. Титул украшен вертикальным изображением стилизованного цветка, стебель которого находится в кисти левой руки. В центре изображения – надпись «НАЧАЛО ОСМОГЛАСА ПЕРВАГО ГЛАСА В СУБОТ ВЕЧЕР СЛАВА И НЫНЕ».

Заставки растительного рисунка выполнены синей, красной, зелёной, жёлтой красками в различном сочетании на белом фоне. В отдельных случаях основы заставок заштрихованы V-образно. В той же цветовой гамме, что и заставки, выполнены ломбарды. Для большинства из них характерна вертикальная архитектурная основа с элементами растительного орнамента, расположенного слева, реже внизу от буквы. Некоторые ломбарды выполнены в стиле, близком к «чудовищному». Инициалы же не отличаются особым разнообразием и выполнены киноварью.

Заметим, что в оформлении заставок явно прослеживается общая для художественной культуры семейских Забайкалья черта – параллельное использование геометрических и растительных мотивов. Кроме того, цветовая гамма оформления изучаемой рукописи так-

же соответствует необычайно разнообразной, богатой и многоцветной палитре забайкальских росписей.

Миниатюры по сюжету тесно связаны с содержанием рукописи. На первой миниатюре в прямоугольной, не орнаментированной рамке изображены Иисус Христос и апостолы на фоне горы. Вероятно, это сюжет нагорной проповеди. На миниатюре надпись «И(су)с Х(ристо)с Ап(о)ст(о)ли Г(о)с(по)дни». На второй миниатюре в строгой рамке, стилизованной под церковь с тремя куполами, изображены две фигуры. Надпись гласит: «[Ч]еловека два внидоста в церковь помолитесь, един – фарысей, а другой – мытарь». На третьей миниатюре в рамке прямоугольной формы изображено дерево на траве, в центре кроны которого расположен старообрядческий восьмиконечный крест с копьём и губкой. Надпись: «Сие дерево насадися посреди великого поста, под ним же опочивают сего мира постницы».

В конце рукописи писцовая запись: «Слава богу начиншу и совершившу сию святую и богодухновенную книгу глаголемую Октай певчий <...>».

Переплет у рукописи отсутствует за исключением небольшого фрагмента. Однако с полной уверенностью можно сказать, что выполнен он был из досок, обтянутых кожей, с хорошо сохранившимися следами тиснения.

Сравнивая рассматриваемую рукопись с уже известными нам образцами следует отметить некоторое сходство. Так, в художественном оформлении Октоиха, а главным образом, в заставках прослеживаются сходные мотивы, которые мы можем наблюдать в орнаментике книг начала XIX века, выпущенных типографией Ф. и А. Карташевых в Клинцах: «Псалтирь», «Часовник», «Страсти Христовы» (Вознесенский, №№59,108,106). Этот факт говорит о том, что писец, безусловно, был знаком с данными образцами и имел полную свободу заимствования.

Отметим преимущественное применение сочетаний красного и синего цветов, зеленый и желтый использовались в меньшей степени. Это, на наш взгляд, еще одно подтверждение датировки рукописи – 1-я половина XIX в. К концу же XIX века, в связи с распространением гуслицкой традиции, активно использовавшей золотую краску в оформлении, местные художники стали для ее имитации широко применять желтый цвет. Именно это характерно для большинства других певческих рукописей, хранящихся в коллекции ИМБит СО РАН. Они относятся к концу XIX века и здесь уже четко прослеживается влияние гуслицкой традиции.

Итак, достаточно вероятно, что исследованный нами Октоих певчий относится к местной книжно-рукописной традиции. Для художественного оформления писец использовал с одной стороны мотивы и цветовую гамму, характерную для народной культуры семейских, а с другой стороны заимствовал фрагменты и мотивы оформления из старообрядческих изданий конца XVIII- начала XIX в.

Научный руководитель – к.и.н. С.В. Бураева.

Т.В. Поликарпова – Ганова

(Горно-Алтайск, Горно-Алтайский государственный университет)

Алтайская духовная миссия о быте коренного населения Горного Алтая

На рубеже веков мы все чаще обращаем свой взор на историю нашего государства и народов его населяющих, факты из которой можно найти в различных исторических источниках. Созданные людьми в процессе своей осознанной и целенаправленной деятельности, они несут ценную информацию о том времени, когда они были созданы. Чтобы её получить, необходимо понять особенности возникновения того или иного исторического

источника. Однако информацию надо не только извлечь, но и оценить и правильно интерпретировать.

Изучая фрагменты прошлого, важно делать точные логические умозаключения, воспроизвести на их основании культуру, общества, остатком которой она является. Эти знания и навыки особенно необходимы историкам.

Человеческий опыт, повседневный образ жизни, отношение между людьми различных поколений, обычаи и нравы, умение существовать в природной среде, желание познать прошлое своего народа или этнической группы, рода или семьи, неизбежно побуждают их обращаться к документам, архивам, старинным предметам, фотографиям (Данилевский И.Д., Кабанов В.В. и др. , 1998, с.5.).

В плане сказанного, история коренного населения Горного Алтая не исключение. Опираясь на исторические источники, Отчеты Алтайской духовной миссии проследим результаты многолетнего «соседничества и партнерства» русского и алтайского народов. С самого начала существования миссии (1830 г.) её служители начинают вести записи о своем общении с местным населением, в которых содержится самая разнообразная информация по интересующей нас проблеме.

Основной группой источников по ней являются ежегодные отчеты. Автором большинства из этих публикаций являлся начальник миссии. Об этом гласят их подписи: «начальник Алтайской миссии Стефан Ландышев» (1864 год) «начальник Алтайской миссии Епископ Иннокентий» (1910 г.). Интересна история публикации каждого отчета: в печать его в обязательном порядке проверял цензор. Так, к примеру, в отчете за 1884 год есть приписка, которая гласит: «Печать позволяется. М., Апрель 30 дня, 1864 г. Цензор, протоиерей Павел Беневолевский». Из этого следует, что вся информация содержащаяся в этих источниках полностью совпадает с курсом правительства в деле распространения христианства среди коренных народов России населяющих её окраины.

Одной из главных задач миссионеров являлось укрепление позиции церкви и правительства в национальных районах страны путем «приобщения инородцев к «Вере Христовой» и «европейской культуре». Так, основатель Алтайской духовной миссии архимандрит Макарий Глухарев считал, что достичь этого можно лишь через развитие у них системы религиозного просвещения, здравоохранения, культурно поставленного сельского хозяйства. Центральным звеном в этой цепи должен был стать отказ алтайцев от кочевого образа жизни и переход к оседлому (ГААК, ф.189, оп. 1, д. 11-а, л. 32). И он был прав. Переход от кочевого образа жизни к оседлости, действительно привел к изменениям в быту алтайцев. Так, с помощью миссионеров алтайские семьи осваивали новые формы ведения хозяйства. Они научились выращивать не только овощи, но и освоили такую сложную сельскохозяйственную культуру как лен, а уже из этого льна алтайские женщины ткали полотно.

Учитывая обширность территории края, разбросанность по ней «инородцев», миссионерам было «затруднительно нести в среду язычества не только слово Божие, но и новую культуру и традиции». Поэтому все, кто становился во главе миссии старался «устроить» в Горном Алтае как можно больше её станов. Так, в отчете за 1885 г. находим следующие сведения: «Мыютинский стан охватывал все течение реки Сема с её окрестностями, имел в своем составе 14 селений и айлов, 1 церковь и 8 молитвенных домов, 7 школ. На территории проживало: русских – 1777, душ обоего пола, крещенных инородцев – 1349 и не крещенных – свыше 1000 душ» (Отчеты об Алтайской духовной миссии за 1895. Томск, 1896. С.15-28).

Естественно, что в короткий срок основная масса алтайцев не была готова к принятию оседлого образа жизни и смене традиционного скотоводства на земледелие. Например, в марте 1832 года собравшиеся в Верхнем Карагуже зайсаны отказались от принятого христианства, мотивируя свой отказ тем, что им будет голодно, так как многие из них пахать не умеют, а другие живут в таких местах, где и пахать нельзя (Кортокин М., 1988, с.4.).

Начавшееся в XIX в. взаимопроникновение двух таких разных и уникальных культур русского и алтайского народов Отмеченное Алтайской духовной миссией в своих отчетах и привело в последующем к существенным изменениям в образе жизни коренных жителей Горного Алтая, результаты которых опять таки однозначно оценить невозможно.

Научные руководители – д.и.н. Н.С. Модоров, д.и.н. М.А. Демин.

Р.В. Ермоленко

(Красноярск, Красноярский государственный педагогический университет)

К истории формирования коллекции верхней одежды эвенков из фондов ККМ

Данная работа является продолжением ряда публикаций, связанных с вопросами формирования этнографической коллекции Красноярского краевого краеведческого музея. (Баташев, Ермоленко. Чита 1999 г. Новосибирск, 2000 г.) К сожалению, в некоторых случаях, при поступлении экспоната информация о его происхождении вещи часто не фиксировалась, а в других случаях попросту отсутствовала. Такая ситуация впоследствии приводит к полной потере информации по экспонату.

Подобная ситуация получилась и с рядом предметов эвенкийской одежды. Для рассмотрения мы взяли не всю коллекцию, а лишь ее часть, выбрав при этом предметы верхней одежды. ККМ имеет в своих фондах 38 единиц хранения, определенные как верхняя одежда эвенков. Эта коллекция собиралась и пополнялась в период с конца XIX и весь XX в.

Первым поступлением отмечен 1892 г. В этом году в этнографический отдел ККМ от В.А. Ванградского поступил целый ряд предметов эвенкийской одежды. Среди них и были два кафтана и одна парка. Предположительно собранные им в Туруханском районе на реке Таз. Экспонаты поступили в полном состоянии, хотя на двух из них видны следы изрядной поношенности.

Большое количество поступлений приходится на первые два десятилетия XX в. Сложилась такая ситуация что не удается даже найти имя и отчество человека передавшего предмет в музей.

В 1905 г. от Рыкова поступил эвенкийский кафтан, который попал в фонды музея в неполном состоянии. У кафтана сильно изорвались рукава, и потерялась ткань, местами на кафтане сильно вытерся мех. Однако и по сей день он является ярким образцом эвенкийского искусства.

В 1906 г. фонды музея пополнились двумя кафтанами, поступившими от Нератова, который приобрел их на базаре и впоследствии передал в музей. По форме пошива эти кафтаны предположительно с Удерецкого района северного Приангарья. Время пошива кафтанов приблизительно конец XIX– начало XX в., кафтаны в хорошем состоянии.

В 1909 г. Матвиевский передал в фонды музея кафтан. Данный экспонат поступил в ветхом состоянии: мех довольно сильно вытерся, кое-где по линии шва имеются разрывы. Для пошива использовалась шкура оленя, украшенная бисером и подшейным волосом лося.

С 1911 г. начинаются поступления эвенкийской одежды от научных экспедиций. В этом году от П.Т. Воронова поступило 4 предмета эвенкийской верхней одежды. Из них один женский кафтан и один детский кожачник были приобретены в с. Кежемское. Еще один детский кафтан в хорошем состоянии, получен в с. Чадобец. Помимо выше перечисленных приобретений, за этим годом отмечено поступление женской парки из сохатинной кожи, которая была приобретена в селе Каменское. К сожалению, П.Т. Воронов не указал у кого именно в этих селах были приобретены эти вещи.

В 1919 г. сборы продолжил С.А. Малых, от которого в это году поступил один женский кафтан. На рукавах которого имеются небольшие разрывы. Кафтан украшен цветной тканью и бисером.

В 1920 г. в Енисейском районе на реке Кеть проводил сборы сотрудник музея Приенисейского края, этнограф А.А. Савельев, который передал в фонды музея два кафтана. Один из них был изготовлен примерно во второй половине XIX в. Несмотря на это кафтан хорошо сохранился, на отдельных местах только обсыпался бисер. Время пошива второго кафтана примерно конец XIX– начало XX в. но его состояние намного хуже, чем состояние первого. Мех сильно вытерся, кое-где по линии шва имеются разрывы.

Еще в период с 1919 по 1920 г. было поступление двух кафтанов. Горбовец проводивший сборы в верховье реки Таз, передал на хранение один эвенкийский кафтан. Внешний вид кафтана говорит о долгом его использовании. Помимо его к этим годам относится поступление еще одного кафтана. Продолжились сборы и в 1921 г. В этом году в фактории Оскоба, Чунского района М.А. Дмитриевым были приобретены три парки.

После семилетнего перерыва в 1928 г. коллекцию эвенкийской верхней одежды пополнил Кочнев. Он передал в фонды музея кафтан, который ему удалось приобрести в Илимском районе. Кафтан поступил в относительно хорошем состоянии. В этом же году в фактории Байкит на реке Катарамбо сотрудник музея Сушилин проводил этнографические сборы. После которых отдел этнографии народов севера пополнился двумя прекрасно сохранившимися кафтанами, пошитых из разноцветного сукна и украшенных бисером и медными пуговицами. После Сушилина начинается период затишья, в фонды музея предметов связанных с эвенкийской одеждой почти не поступало. За 1939 г. отмечено поступление одной парки, но никаких сопутствующих документов на этот счет обнаружить не удалось.

Новые экспонаты появились лишь в 1954 г. в это время музею удалось купить два кафтана в хорошем состоянии. Стоимость одного составила 350 рублей, а второго 120 рублей (по ценам 1954 г.) К сожалению, кем был продавец этих вещей, определить не удалось. Хотелось бы отметить, что только за этот год удалось определить закупочную цену.

В 1966 г. Шарыпова Зинаида Михайловна подарила музею один суконный кафтан в прекрасном состоянии. Наконец в 1969 г. отдел этнографии получил по завещанию от Касситской Натальи Варфоломеевны, кафтан, который предположительно был изготовлен в 50-х начало 60-х годов XX в. Кафтан практически не носился и поэтому неплохо сохранился. При его пошиве использовалась ткань светлого цвета украшенная лентами из цветной ткани.

Помимо вышеперечисленных экспонатов в фондах ККМ еще хранятся примерно около десяти предметов, относящихся к верхней одежде эвенков. Но в большинстве своем, они не имеют никаких сопутствующих материалов. Что создает определенную исследовательскую проблему. В завершении хотелось бы сказать, что сейчас в ККМ идет создание системы научного описания коллекционных предметов с использованием компьютерных технологий. Что в дальнейшем облегчит поиск и получение информации по интересующей проблеме.

Е.С. Питерская

(Чита, Читинский государственный технический университет)

Основные типы жилых и хозяйственных построек у эвенков Забайкальского Севера

Кочевой образ жизни эвенков, таёжных охотников-оленоводов, безусловно, наложил отпечаток на размещение и организацию поселений и стоянок, которые располагались на территории, обеспечивающей потребности как в продуктах питания, сырье для домашних промыслов, так и в воде, топливе, в оптимальных условиях жизни для человека и содер-

жащихся им оленей. Анализ стоянок позволяет раскрыть общий характер и динамику кочевого образа жизни эвенков, а также составить полную картину их хозяйственной деятельности.

Появление данной работы стало возможным благодаря непосредственному участию автора в комплексной этно-археологической экспедиции на север Читинской области – в район традиционного проживания эвенков, а также благодаря научным отечественным и зарубежным источникам, посвященным вопросу о хозяйственной деятельности аборигенных народов Сибири. В течение полевого сезона 2000 г. была проведена перерегистрация объектов, находящихся на территории поселений, обнаруженных участниками экспедиции летом 1999 г., а также при помощи информаторов был осуществлён более тщательный анализ этих поселений.

В ходе работы был исследован ряд весенних поселений, для которых свойственна общность построек и сооружений жилого и хозяйственного назначения. Как правило, на территории этих стойбищ находятся лабазы для хранения продуктов, одежды, снаряжения, остов чума – главной жилой постройки у эвенков, а также различные конструкции, предназначенные для занятий традиционными видами хозяйственной деятельности, характерными для весеннего периода, как, например, выделка шкур. По свидетельству информаторов из с. Чапо – Олого и с. Средний Калар, основная работа, связанная с выделкой шкур выполнялась именно в весенние месяцы и в начале лета. В ходе двух полевых сезонов было обнаружено 3 типа коптилен: традиционная – в форме чума с углублением в земле для трухи и мха (с. Чапо-Олого), коптильня на одном из весенних поселений в долине оз. Ничатка размерами 80x83x113, покрытая корой лиственницы, и коптильня, покрытая брезентом на действующем поселении на р. Сень. Помимо коптилен для выделки шкур использовались специальные рамы.

Как уже упоминалось выше, основной жилой постройкой у эвенков был чум. В современной отечественной литературе, посвящённой народам Севера, даётся описание нескольких типов чумов, принципиальные различия которых состоят в характере материала, которым они покрывались. В зарубежной литературе чаще всего указывается на 2 типа покрытия – из оленьих шкур зимой и бересты летом (J. Forsyth, 1998). Принцип установки чума подробно описан многими учёными – тунгусоведами (Василевич Г.М., 1969, Туров М.Г., 1990). Чум представляет собой конусообразное разборное сооружение, остов которого состоит из 3 основных и 25-30 дополнительных жердей. Летом эвенки покрывали чум берестой, куски которой снимали в мае, предварительно вываривали и сшивали при помощи жил. Данный вид крыши отличается легкостью при транспортировке. Подобный вид чума известен как «дзю» (Василевич Г.М., 1969, Карлов В.В., 1982), однако, в результате бесед с информаторами в эвенкийском селе Чапо-Олого нами было получено название «ддокча».

Помимо бересты, чум покрывали корой лиственницы, куски которой снимали при помощи специальной заостренной палки, образцы которой были найдены на одном из весенних поселений на р. Сень. Подобные корьевые чумы-«голомо» (Василевич Г.М., 1969) использовались эвенками на постоянных стойбищах после выпадения снега.

Зимнее жилище эвенки покрывали выделанными шкурами оленя.

На ряде весенних и летних поселений сотрудниками экспедиции были обнаружены остатки внешнего очага для приготовления пищи. В зимний период костер разводили непосредственно в центральной части чума, огораживая его П-образно бревнами, открывая со стороны входа (Туров М.Г., 1990). Позже открытый очаг заменила железная печь. Над очагом укреплялась планка с крюком для чайника или котла. Вдоль стен из нарубленных сосновых веток устраивался плотный настил, на котором раскладывались постели.

В ходе экспедиции было обнаружено несколько лабазов, как хозяйственного так и ритуального назначения. Среди них – лабаз для соболиных костей, построенный в сентябре 1998г., медвежий лабаз – часть охотничьей магии эвенков, различные свайные и наземные лабазы для личных вещей.

На летнем поселении помимо остова чума, рам для сушки шкур, загона для оленей было обнаружено несколько дымокуров. Для дымокуров старались выбирать сосновые сухие деревья, лишённые коры и не слишком смолистые, т.к. смолистые обычно разгорались костром, в пламени которого олени могли повредить копыта, по этой причине дымокуры огораживались кольями толщиной 6-8 см и высотой до 2 м (Туров М.Г., 1990). Вершины кольев смыкались, и вся конструкция напоминала остов чума, огораживающего круг диаметром 1,5-2 м.

Помимо упомянутых выше хозяйственных построек, немаловажное значение занимает загон для оленей. В частности, на действующем поселении – это крытое корой лиственницы сооружение, рядом с которым расположено несколько дымокуров.

В ходе полевых исследований 1999-2000 гг., проведенных в долине озера Ничатка, на р.Сень и р.Багаюкта был осуществлён более тщательный анализ поселений, который позволяет сделать выводы о постоянстве маршрутов кочевья эвенкийской семьи проживающей в этой местности, основных принципах организации хозяйственной деятельности в тот или иной период, правилах планировки поселений и жилищ. К сожалению, в настоящее время по причине ряда факторов, связанных с промышленным освоением Севера, ассимиляцией со стороны других народов, непродуманной экономической политикой эвенкийский этнос находится на грани исчезновения. Фрагменты материальной культуры в виде жилых и хозяйственных построек остаются лишь в самых отдалённых районах. На данный момент для учёных ещё существует возможность изучить быт и культуру отдельных эвенкийских групп по остаткам их материальной культуры.

Научный руководитель – к.и.н. О.В. Кузнецов

С.А. Афанасьев, Э.М. Рафибеков, В.В. Марков.

(Чита, Забайкальский государственный педагогический университет, ЦСИКН)

Культовые сооружения горно-таёжного района

В 1996-2000 г., во время обследования строящейся федеральной автомобильной дороги «Амур» в Могочинском районе Читинской области, был сделан ряд археологических открытий. Горно-таежные районы северо-восточной части Читинской области являются мало изученными.

В географическом плане район исследований представлен горно-таёжной местностью с U – образным поперечным профилем горных долин рек и речек. В основном долины сильно заболочены и имеют тундротаёжную растительность.

В данную статью вошли в основном материалы визуальных наблюдений. Археологические раскопки проводились только на объектах: Богузия, Усть-Белый Урюм, и Сестренки. Необходимо отметить, что применение терминов «могильник», «жертвенник», ввиду мало изученности объектов, описываемых ниже, преждевременно. В этих случаях применяется рабочий вариант – дефиниции «группа кладок» (далее по тексту – г.к.), «одиночная кладка» (далее по тексту о.к).

По правому борту долины р. Амазар, была обнаружена г. к. Таптугары в количестве 41 ед., группирующихся по 8-10 ед. Они имеют формы: подквадратную, квадратную, подтреугольную и округлую. Размеры их различны: – 0.20 – 0.90 м в высоту, длина и ширина колеблется от 1.20 до 3.50 м. Г. к. располагается вдоль подошвы делювиального шлейфа, ориентирована по длинной оси северо-запад – юго-восток.

Аналогичный объект – г. к. Усть-белый Урюм обнаружена в приустьевой части р. Белый Урюм. В этом месте располагается 38 кладок. Они вытянуты по линии запад – восток, группируясь по 6-8 единиц.

Г. к. Каменушка-1 открыта в правосторонней приустьевой части р. Каменушка. Г. к. из 12 ед., ориентирована по линии северо-запад – юго-восток, кладки имеют под треугольную, под квадратную формы, сложены из дикого камня, высота достигает 0.90 м. Две кладки отличаются от остальных. Они несколько отдалены от основной группы. Одна кладка, самая южная, имеет пирамидальную форму, длина её составляет 1.20 м, высота 0.55-0.60 м. Вторая, самая примечательная, имеет прямоугольную форму, её высота 0.95 – 1 м, длина – 2.20 м, ширина – 1.60 м. Она возвышается над всеми остальными, располагаясь на делювиальном шлейфе, вытянута по линии запад – восток.

О. к. Германовский, имеет пирамидальную в сечении форму, в плане вытянута по оси север-юг. Размеры сооружения следующие: высота 0.90 м, длина 3.40 м и ширина 2 м. Кладка располагается в 6-8 м от бровки 3-4 м шлейфа, возвышаясь над небольшой курумной россыпью.

О. к. Усть-Давенда открыта на левосторонней устьевой части долины р. Давенда. Кладка располагается в 5 м восточнее бровки 5-6 м делювиального шлейфа, возвышаясь над небольшой курумной россыпью. Она сложена в 4-5 рядов в высоту из дикого камня. Высота её в центральной части составляет 0.70-0.75 м, длина – 3 м, ширина – 1.78 м. Северо-восточная часть сооружения сильно задернована. В плане кладка прямоугольная, в профиль конусовидная. В центре находится плоский камень, выделяющийся на фоне других. Рядом с кладкой располагается 2 ямы диаметром 2-2,5 м, глубиной 1-1,5 м.

Г. к. Тетёркин ключ-1, располагается на правом берегу р. Амазар, на северном склоне горы. Г. к. в количестве 20 ед. лежит на курумной россыпи, ориентирована по длинной оси запад-восток. Кладки имеют квадратные и прямоугольные формы, в основном ориентированы по линии юго-запад – северо-восток. Сложены в 3-4 ряда из дикого камня. Поверхность кладок выположена, только самая большая конусовидная. Размеры большой кладки – 2.30 x 2.10 м и высота 0.90 м, остальные: высота 0.50 – 0.70 м, длина и ширина 1.60 x 1.30 м.

Г. к. Сестренки находятся на правой стороне р. Малая Сестренка, являющейся левым притоком р. Большая Чичатка. Г. к. состоит из 3 ед., ориентирована по длинной оси с юго-запада – северо-восток, вдоль по течению речки. Кладки располагаются в пойме речки, на курумной россыпи, у подножия аллювиальной террасы высотой 2,5-3 м. Они имеют прямоугольную форму, размеры: высота – 50-60 см, длина – 2,50 – 7 м, ширина 2 – 4 м. Поверхность кладок ровная слабо задернована, ориентированы по длинной оси юго-восток – северо-запад.

Г. к. Богузия из 41 ед., располагается на склоне сопки, по правому борту долины р. Богузия. Длина 1-2 м, ширина – 1-1,5 м. Расстояние между кладками колеблется от 0.20 м до 10 м. Конструкции сложены из дикого камня среднего размера, в 2-3 слоя. Г. к. вытянута в 2 линии поперек склона. Кладки и группа ориентированы по длинной оси север-юг. Западная группа насчитывает 7 ед., в восточной – 34 ед.

Г. к. Васильевский, из 4 ед., обнаружена в левосторонней приустьевой части р. Васильевский, на северо-восточном склоне горы. Кладки располагаются у подошвы 2-х м шлейфа. Крупная имеет размеры: высоту – 0.95 м, длину 2.20 м, ширину 2 м, остальные значительно меньше.

На г. к. Богузия, в ходе раскопок 4-х кладок, было установлено, что 3 кладки сложены под конус в виде курганчиков с нарастанием мощности от периферии к центру, без определённой внешней формы по краям, четвёртая кладка представлена как скопление камней, не имеющая определённой формы. Кладки слабо задернованы, покрыты перегнившей ли-

стой и хвоей деревьев. Под кладками прослеживается маломощный гумуссированный слой, насыщенный древесным углем, очертаний перекопа не обнаружено.

На г. к. Сестренки проведены раскопки кладки № 1. Размеры 6.30 x 2.10., высота в 0.40-0,60 м. Сложена из дикого камня в несколько рядов, по периметру выложена крупными камнями и глыбами, центр кладки забутован крупными и мелкими камнями. Поверхность кладки относительно ровная слабо задернована. В ходе раскопок выявлено, что кладка сложена на «погребенной дневной поверхности». Кладка лежит на куруме, «погребенная дневная поверхность» сохранилась в основном в юго-восточной части, в северо-западной она была разрушена при возведении сооружения и осыпалась вниз между камнями. «Поверхность» сохранившаяся в юго-восточной части кладки покрывает 2 лит. слой – суглинок желтого цвета залегающего между камнями. На контакте 2 лит. слоя и почвы были обнаружены угольки от сгоревшего дерева. При зачистке подпочвенного слоя вне кладки были также обнаружены угольки.

Раскопана кладка на г. к. Усть-Белый Урюм. Поверхность кладки выположена, квадратной формы длина 3 м, ширина 2.50 м и высота 0.90 м. Сложена из дикого камня, стенки вертикальные, выложены из крупных камней, тщательно подогнанных друг к другу, центр забутован мелким камнем. Ориентирована по линии запад-восток, поперёк склона. Поверхность под кладкой выположена подушкой из щебня с включениями древесного угля. Очертание перекопа не удалось. В ходе дальнейших работ, на глубине 0.55 м поперёк длинной оси кладки было обнаружено 3 массивных плиты. На горизонте расположения плит, были зафиксированы остатки древесного угля и 3 камня, с включениями красной охры.

В ходе исследований установлено: 1) г. к. расположены вблизи к выходам сырья – к курумным россыпям и скальным выходам; 2) слабо задернованы; 3) имеют ярко выраженные геометрические очертания; 4) г. к. как и сами кладки имеют определённую ориентировку по длинной оси; 5) обращены к долинам рек; 6) сооружения располагаются, как правило, на шлейфах или под ними; 7) г. к. как и одиночные сооружения располагаются поперек склону; 8) в раскопанных кладках отсутствуют остеологические и вещественные остатки; 9) не выявлены следы перекопов под кладками; 10) наличие угольков под кладкой и за её пределами не дает утверждать, что перед возведением кладки, проводилось очищением огнём.

На текущий момент, описываемые сооружения нельзя отнести к погребальным. Сооружения имеют искусственное происхождение, и не являются результатом действия природных процессов. Вероятно, они связаны с религиозным культом. В монографии Е. И. Дервянко «Племена Приамурья I тыс. до н.э.», есть упоминание о том, что поклонение деревьям и грудам камней – часть общего обряда «поклонение предкам подземного царства», восходящего к тотемическому культу и что поклонение горе – поклонение духу, защитнику деревни или духу плодородия (Дервянко Е.И., 1981, с. 214).

Вопрос этнической принадлежности и культового предназначения решится, только после археологических работ в комплексе с историко-библиографическими и этнографическими исследованиями. Исследования должны расширяться в пределах горно-таёжной зоны. Вероятно, обнаруженные конструкции принадлежат эвенкам, аборигенному народу, ныне не проживающему в исследуемом районе или тунгусо-маньчжурским народам. Не исключено, что описываемые кладки, могут иметь отношение к маньчжурским старателям, чьё присутствие наблюдалось, вплоть до 20-х годов нашего столетия. Основной целью их присутствия в районе была добыча полезных ископаемых, скупка и промысел пушного зверя.

Научный руководитель – д.и.н М.В. Константинов

Н.Ж. Шармашкеева
(Улан-Удэ, Бурятский государственный университет)

Кульг гор у тункинских бурят

Данная тема представляет большой интерес ввиду её малой изученности. В настоящее время она исследована и представлена в работах Герасимовой К.М., Жуковской Н.Л., Галдановой Г.Р., Абаевой Л.Л. и некоторых других. Однако считать, что она достаточно изучена, пока нет оснований. Имеющиеся работы содержат лишь отрывочные сведения, не рассматривая культ гор в системе. Кроме того, практически все предшествующие исследования не содержат описаний обрядов, которые отражают суть явления.

В ходе полевых исследований в Тункинском районе была получена новая информация о культовых обрядах. Поэтому целью данной работы является введение этих данных в научный оборот, а также некоторая систематизация с уже имеющимися.

Тункинская котловина – межгорная впадина между Саянскими гольцами и хребтом Хамар-Дабан в горах Южной Сибири. Высота хребтов достигает 2500-3500 м. Коренное население – буряты, русские и тюркоязычные сойоты. Религия, исповедуемая местными жителями, – это сочетание шаманизма, буддизма и христианства.

Как известно, шаманизм является самой древней религией бурят. Тункинские шаманисты повсеместно поклоняются Небу, Солнцу, Воде. Исключительно важное место в традиционных верованиях бурят занимал культ гор.

Жертвоприношения горам бывают двух видов: общественные – тайлганы, проходящие на самой горе, и частные, для одного человека или семьи, так называемые ХЭРЭГ.

ХЭРЭГ длится в течение 1,5 часов. Для обряда нужны: водка, молоко, сушеный верес. Обращаются к 16-ти священным горам:

1. Шаргай нойон, бурхан баабай (с. Хойтогол)
2. Буха нойон, Ринчин хан (с. Торы)
3. Улаанай хада, Бураа нойон (с. Торы)
4. Хэрни харьдаг хада (с. Кырен)
5. Алтан Мундарга (с. Хойтгол)
6. Бургоо Хайрхан
7. Даян Дэрхе
8. Бурын хан (Мунко-Сардык)
9. Монхоодой дархан зуурай (с. Монды)
10. Хара Дабаанай эзэн, Ханчик нойон.
11. Уляган Дабаан, Хур нойон (с. Ильчир)
12. Холбын хайрхан хан, Туудэй мэргэн.
13. Хан ехэ наһатай
14. Туургэйн эзэн, хуб сагаан нойон.
15. Утэе убгэд (хозяева усадьбы и двора)
16. Хойнтоһон, хожимтоһон (опоздавшие, отставшие).

Каждому хозяину горы дается характеристика в поэтической форме, называются все его заслуги, благодеяния, которые он делал людям. Когда шаман называет «хозяина», он смотрит в ту сторону, где находится гора, отливает водку, в отдельную чашу молоко или чай с молоком. Затем обращается с просьбой о даровании удачи, здоровья, благополучия и т.п. Эти просьбы заклинания повторяются несколько раз. В конце обряда шаман выходит на улицу и продолжает там свои заклинания.

Кроме описанного обряда, раз в году обязательно проводится обряд на самой горе, который называется «Хада тахилга». Обряд проводит шаман или лама (в зависимости от того,

был ли ламаизирован данный культ). Ламаизация культа проявляется, прежде всего, в изменении мифологических сюжетов. Ранее отрицательный шаманский персонаж становится ревнителем и защитником буддийской веры под влиянием того или иного буддийского монаха. В обряде принимает участие всё (хотя бы один представитель от семьи) окрестное население, кроме женщин. По шаманской традиции женщинам запрещено принимать участие в обряде. Женщина считалась существом нечистым «бузартай». Люди приносят с собой на гору еду, в качестве жертвы для «хозяина». Шаман или лама читает молитвы с просьбой о благополучии, урожае и т.п.

На посещение гор накладывается ряд запретов. Самые общие из них: нельзя проезжать мимо священной горы с водкой, не побрызгав ее, женщинам нельзя подниматься на гору в период менструаций, если человек был на похоронах, в течение 49 дней – тот же запрет, также на священных горах нельзя ничего рвать и ломать (цветы, травы, кусты) сквернословить.

Шаргай нойон, бурхан баабай – одно из главных местных божеств. Его отцом был Эсэгэ Малаан Тэнгэри (бур. «плешивый» или «высоколобый отец Тэнгэри») – божество ясного неба, входящее в число 55 добрых западных заянов. Шаргай нойон (бур. «Желтый господин») послан отцом на землю защищать людей от злобных восточных тэнгэри. Место отправления культа находится между селами Туран и Хойтогол. До революции это был шаманский культ. Позже ламы начали освящать обо, которое было установлено на вершине священной горы в 1919 году. В том году приезжал из Тибета лама Бубэдэй-Дамба Лочин, который и предложил там возвести обо. Написал книгу, под названием «Богослуживое освящение», посвященную Шаргай нойону. Он же обязал местных шаманов сложить шаманские атрибуты и продолжать поклонение горам. С тех пор, шаманы сёл Хойтогол и Туран именуют себя «хадаша таабай» (старик, брызгающий горам). Основной наш информатор – Буянтуев Шагдар Нядбатович 1931 г.р. из села Хойтогол, также не считает себя шаманом. Песок, с этой горы считается священным. Его берут с собой, носят в куличке, вешают над дверью. Считают, что эта земля оберегает дом от злых духов.

Гора в 7 км от села Торы на склоне которой находится белая скала с двумя выступами, осмысляющаяся местными жителями как два бычьих рога, ассоциируется с местом пребывания Буха нойона. Здесь же проводятся культовые обряды в его честь. Буха нойон был ламаизирован и получил буддийское имя Ринчин хан (тиб. «драгоценный хан»). У христиан он ассоциируется со святым Пафнутием. На горе имеются буддийское и шаманистское изображения Буха-нойона, и православная часовня. Буддисты изображают его в виде всадника на белом коне, а шаманисты – с подчеркнутыми признаками пола и почитают его как покровителя рода, потомства (Жуковская, 1977, с. 33).

На примере Буха-нойона прослеживается синкретизм буддизма, шаманизма и христианства. В настоящее время его почитают адепты и того, и другого, и третьего. Чаще всего тункинцы не ограничиваются рамками одной религии.

В Тунке распространено поверье, что если во сне приснился седой старец, это – дух горы. Все, что он говорит – правда, если он сердится, значит необходимо принести жертву, помолиться. Таким образом, горы как бы напоминают о себе.

Подводя итоги, следует отметить, что полная зависимость от капризов природы, особенности ландшафтных условий обитания определяли характер верований народа. Сегодняшнее возрождение шаманизма, составной частью которого является культ гор, напоминает нам о той связи с природой, которая существовала у наших далёких предков.

Научный руководитель – д.и.н. П.Б. Коновалов

С.А. Дудкина

(Сургут, Сургутский государственный педагогический институт)

Ткань и тканая одежда в обрядах жизненного цикла народа ханты

Одежду и ткань необходимо рассматривать не только как часть материальной культуры, а как явление, тесно связанное с духовной жизнью народа, с его обычаями и обрядами.

В данной работе мы рассмотрим три обряда, относящихся к так называемым обрядам «жизненного цикла»: родинный, свадебный, погребальный и покажем на их примере те функции, которые выполняют ткань и тканая одежда в культуре хантов.

Наибольшее употребление в обрядах получили именно ткань и тканая одежда. меховая одежда используется в гораздо меньшей степени. Первое связано, видимо, с тем, что ткань, тканая одежда создавались своими руками. У хантов ткачество было широко развито (плотно из крапивы), но с утратой этих навыков самотканая одежда сменилась одеждой из покупных тканей. Но традиция, когда одежда из ткани считалась сама по себе оберегом, сохранилась и была перенесена на ткань в целом. меховая же одежда изготовлялась из шкур животных, которые не относились к миру человека и были чужды ему. Поэтому эта одежда в большей степени выполняет именно практическую роль.

Применение одежды и ткани в обрядах было очень разнообразно, что безусловно зависит от сложности самих хантыйских обрядов.

В родинном обряде ткань (светлых тонов) применяется в качестве жертвоприношения богине Калташ-анки, которая разрешает беременность и помогает при родах, из нее шьется куколка, изображающая богиню (Исаева Т., 1994, с. 11-12). Она является первой одеждой новорожденного (Зенько А.П., 1997, с. 83). Тканая одежда выступает как одеяние роженицы и ребенка, причём чаще использовалась старая одежда – выполняла обережную функцию (защита матери и малыша). Использовалась тканая одежда и как жертвоприношение богине Калташ: для куколки шился халат, её преподносился пояс и платок (Исаева Т., 1994, с. 11).

В свадебном обряде главную роль играет платок (точнее платки). Сама свадьба носит название «праздник платка»: он выступает обязательным атрибутом свата, под платок-полог садят невесту и жениха, первый подарок жениха невесте и её матери, закрывание лица девушки от старших родственников мужа и т.д. (Головнёв А.В., 1995, с. 286-288). Остальная одежда и ткань – это часть выкупа и приданого невесты, а также подарки жениха невесте и ее родителям (Зыкова А., 1998, с. 30-31).

В родинном и свадебном обряде ткань и тканая одежда преимущественно были светлых тонов – пожелание добра, удачи, благополучия (Кулемзин В.М., 1983, с. 125).

Похоронный обряд хантов достаточно сложное действие, а отсюда и все многообразие обрядов, связанных с одеждой и тканью. Особую роль здесь играет ткань и тканая одежда. Одевали на покойного чаще всего его любимую старую одежду, что связано с заботой об умершем (чтобы он мог пользоваться любимой одеждой и в другом мире) и защитой живых от его посягательств (он не будет её требовать) (Карьялайнен К.Ф., 1994, с. 76-77). Одежду и другие вещи часто повреждали, опять же с теми же целями (Кулемзин В.М., 1984, с. 137). После похорон изготовлялась куколка умершего – иттарма, которую одевали в одежду (Зенько А.П., 1997, с. 112-113). меховая же одежда выступает именно как одежда покойного. Важна цветовая гамма одежды и ткани: в похоронном обряде – это тёмные тона (цвет траура) (Кулемзин В.М., 1983, с. 125).

И, последнее, на чем следует остановиться, это на тех функциях, которые выполняет одежда и ткань у хантов:

1) чисто практическая – защита от воздействий окружающей среды. Это относится и к меховой одежде, которая очень помогает в условиях суровой зимы, и к тканой одежде, которая защищает роженицу, ребенка, невесту, жениха (и, вообще, любого человека) от внеш-

него воздействия. Ткань также имеет практическую функцию, являясь первой «одеждой» новорожденного.

2) половозрастная – различия в одежде по полу (между мужчиной и женщиной) и по возрасту (между взрослыми и детьми). Различия по половому признаку проявляются не только в покрое одежде и ее элементах, но также в самом отношении к ней. Одежда мужчины считалась священной (особенно пояс и обувь), в то время как женская «низкой» (мужчине было стыдно даже касаться ее) (Головнёв А.В., 1995, с. 284). Различия между взрослой и детской одеждой проявлялись прежде всего в украшениях. В детской их было гораздо больше с целью защиты ребенка от злых духов.

3) социальная (имущественная) – непосредственно проявляется в свадебном и похоронном обрядах. Это деление на бедных и богатых, у которых, понятно, было больше одежды, больше ткани и они могли себе позволить богатый выкуп, богатое приданое для дочери, «обеспечить» себя большим их количеством в другом мире.

4) обережная функция ткани и одежды очень сильна. Тканая одежда – сильнейший оберег. В родильном и похоронном обрядах обережная функция проявляется очень ярко: в первом случае – защита матери и ребенка от злых духов; во втором – защита живых от мертвых.

5) применение в жертвоприношении имеет место в родильном обряде. Ткань и тканая одежда жертвуются Калтац-анки с просьбой о помощи при родах.

Если говорить в общем, то одежда и ткань у народа ханты имеет такую важную функцию, как символическую (включающую и обережную, и применение в жертвоприношении), когда ткань и одежда выступают в качестве определенного знака, несущего ту или иную информацию. В целом одежда отражает представления хантов о трехчастном строении мира, о человеке и его состояниях, о душе (Кулемзин В.М., Лукина Н.В., 1992, с. 36; Головнёв А.В., 1995, с. 284). И в каждом из представленных обрядов одежда и ткань выступают в качестве символов. В родильном обряде куколка, изготовленная из ткани, изображает богиню Калтац-анки (Исаева Т., 1994, с. 11). В свадебном – платок выступает и в качестве символа нареченности, и замужества, и объединения молодых, и символа перехода из одной культуры в другую (Головнёв А.В., 1995, с. 286-288). В погребальном – из ткани и одежды изготавливается изображение умершего – вместилище души этого человека (Карьялайнен К.Ф., 1994, с.130, Зенько А.П., 1997, с. 112-113.)

Таким образом, во всех наиболее важных обрядах ткань и одежда играли большую роль. Вероятно, это можно отнести и к культуре ханты в целом.

Научный руководитель – к.и.н. Т.Н. Глушкова

Е.А. Бельгибаев

(Барнаул, Алтайский государственный университет)

Берестяная утварь и ее типы у челканцев

Домашняя утварь являлась одним из наиболее значимых и древних компонентов традиционной культуры челканцев. Она стала результатом одного из начальных и относительно самостоятельных этапов освоения экологической ниши. Наиболее доступным и массовым материалом для ее производства в условиях бассейна р. Лебедь оказалась кора берёзы (береста).

Основной задачей настоящего сообщения является типология берестяной утвари челканцев. Данная работа основана на полевых материалах, полученных в июне-июле 1999 г. в ходе предпринятой нами поездки в места проживания челканцев в поселки Бийка, Курмач-Байгол, Суранаш, Майский и Турочак. В административном отношении они входят в состав Турочакского района Республики Алтай.

В основу предпринятой нами типологии челканской берестяной утвари положена классификация О.М. Фишман (1992). Типология была разработана в отношении берестяной утвари русского и финно-угорского населения России. При классификации берестяной утвари О.М. Фишман руководствовалась двумя основными признаками: технологией изготовления и формой предмета.

В соответствии с технологией изготовления берестяных емкостей у челканцев выделено шитье из пласта и комбинированная техника их выполнения. Плетение из полосы в технике прямого или косоугольного плетения у них не отмечено.

Типы утвари, изготовленные в рамках пластовой технологии

Выделено шесть типов предметов утвари, выполненных в пластовой технике. 1. прямоугольная или квадратная в плане коробка с низкими бортами (тозьяк); 2. овальная по форме коробка со слабо выраженным прямоугольным дном и низкими, пологими стенками (олжак); 3. коробка в виде куба; 4. низкая коробка в форме остроконечной лодки (кобыртын, тамырка); 5. прямоугольный короб со слегка скругленным узким дном и прямо срезанным верхом (комдо); 6. чашевидная ёмкость (тос кожик, кыйгаш).

1. «Тозьяк». Распространен он был у челканцев повсеместно. Один из его экземпляров хранится в школьном музее поселка Курмач-Байгол. Коробка выполнена из прямоугольного листа бересты. Ее углы сложены в виде треугольников и прижаты к одной из поперечных стенок. Под отогнутые углы подложена берестяная полоска. Ее длина и ширина равна 17 см и 3,5 см соответственно. Аналогичная берестяная полоска имела также на противоположной поперечной стенке коробки. Общие размеры описываемой коробки такие: длина 22 см, ширина 27,5 см, высота 10,5 см.

Использовали «тозьяк» для хранения жидких продуктов, например, молока. На промысле в нем варили пищу. В этом случае коробка именовалась «тос казан» (букв. «берестяной котел»).

2. «Олжак». Этот тип берестяной утвари известен нам только по рассказам. Выполняли его из овального или круглого пласта бересты. Углы емкости складывали при этом не вертикально ко дну, а полого, наружу. По верхнему краю вместилища саргой, косыми стежками, через верх пришивали черемуховый обруч. Использовали «олжак» для сбора меда.

3. Кубическая коробка. Она использовалась в качестве солонки. Выполняли ее из шести небольших квадратных берестяных пластинок. Между собой они соединялись при помощи отогнутых припусков. Коробка имела выдвижную крышку.

Способ изготовления кубического типа предмета берестяной утвари установить не удалось. В известных нам музейных коллекциях, где представлены предметы утвари челканцев, этот тип отсутствует. Лишь в фондах Омского государственного историко-краеведческого музея (ОГИКМ) среди прочих предметов шорской коллекции имела коробка (кааргиас) кубической формы для соли с выдвижной крышкой (Народы..., 1990, с. 85). «Кааргиас» бытовала также в долине р. Лебедь (Народы..., 1990, с. 85).

4. «Кобыртын» или «тамырка». Имеются неоднократные указания наших информаторов на бытование этого типа берестяного изделия у челканцев. «Тамырка» входит в шорскую коллекцию ОГИКМ (Народы..., 1990, с. 132). Местом приобретения этого берестяного изделия являлась р. Лебедь, т.е. этническая территория челканцев.

Коробка (корзинка) как предмет шаманского культа использовалась шорцами в конце XIX в. Выполнена она из прямоугольного пласта бересты необработанным слоем наружу. Корзинка имеет вид низкой коробки, сделанной в виде остроконечной лодки. Продольные стенки корзинки сходятся ко дну под прямым углом. Линия верхнего среза немного возвышается в концах. В узких сторонах коробка сложена конвертом и скреплена саргой, которая одновременно является ручкой корзинки. Длина корзинки составляет 19,4 см, ширина 9 см, высота 7 см.

Короб (кобыртын, тамырка) челканцы использовали преимущественно для сбора ягод. Ручка у корзинки могла отсутствовать. В этом случае к верхней кромке коробки, снаружи, пришивали ободок из черемухового прута.

5. «Комдо». Короб выполняли из длинного прямоугольного пласта бересты, сложенного пополам. Углы в виде треугольников в нижней части короба отгибали вверх – к боковым стенкам – или вниз – на дно. Края бересты на боковых стенках заходили друг за друга. Загнутые углы и стенки кузова шивали саргой в виде двух строчных швов. Верхний край короба отгибали наружу. Нередко к нему прикрепляли обруч из черемухового прута. Обруч пришивали при помощи сарги у кромки кузова изнутри, редкими косыми стежками.

Использовали «комдо» для переноски и хранения рыбы. Охотники доставляли в нем на места промысла провизию. «Комдо» охотников представлен в курмач-байгольском школьном музее. Его треугольные углы отогнуты книзу и пришиты ко дну саргой. Обруч у кузова выполнен из черемухового прута, диаметр которого составляет 1 см. Высота «комдо» составляет 49 см, длина 53 см (в основании), 30 см (вверху).

Кузов, применявшийся у охотников, имел крышку (кэптэ). Изготавливали «кэптэ» также как и «комдо», но с невысокими стенками. Кроме того, размеры крышки были несколько больше, чем горловина кузова. Крышку на короб надевали сверху.

Имел место также кузов (комдо) с относительно невысокими стенками. В нем хранили зерно, продукты. Женщины складывали в кузов выкопанные луковицы кандыка, предварительно укрепив «комдо» на поясе. Часто короб имел ручку из согнутого черемухового прута. Концы прута укрепляли у кромки коротких стенок.

б. »Тос кожик», «кыйгаи». Чашевидный тип емкости был представлен двумя предметами – берестяной ложкой (тос кожик) и берестяным ковшом (кыйгаи). Ковш был описан А.В. Адриановым (1886, с. 298). Срабатывалась «тос кожик», как правило, на местах промысла. Ложки и ковши использовались ими, однако, не только в утилитарных, но и в ритуальных целях (Адрианов А.В., 1886, с. 298; Народы..., 1990, с. 58-59). Во время камлания шаман берестяной ложкой или ковшом разбрызгивал брагу.

Выполняли ложку и ковш из прямоугольного или квадратного пласта бересты. С одной стороны его складывали конвертом. Края сложенной пластинки скрепляли прутом (ручкой), предварительно расщепляя один из его концов. Нередко ее пришивали к сложенной конвертом стороне емкости. Острые края бересты обрезают ножом полукругом. В результате берестяная емкость приобретает чашевидную форму.

Тип утвари, изготовленной в рамках комбинированной технологии

Берестяные изделия, выполненные в границах комбинированной техники, были представлены одним типом – цилиндрическим. Внутри выделено два варианта берестяных предметов. Первая разновидность цилиндрического типа имела в основании круг (тузеш), вторая – эллипс (табакерка).

Размеры у «тузеш» были различными. Изготавливали его так. Сначала из кедровой доски вырезали круглое дно (*тун*). Его диаметр был несколько больше диаметра заготовленного берестяного цилиндра (сколотня). Дно в сколотень вгоняли сверху вниз. По мере высыхания береста плотно стягивала края дна.

Снаружи сосуд обертывали вторым слоем бересты. Края пластинки соединяли различными по форме замками. Верх цилиндра отгибали в виде узкой полосы наружу на внешнюю сторону сосуда. Кромку «тузеш» укрепляли также неширокой полосой бересты, концы которой соединяли в замок или просто пришивали к сосуду саргой. Вторую полосу бересты на сосуд обертывали снизу и также соединяли в замок.

Цилиндрический сосуд (тузеш) имеется в курмач-байгольском музее. Его высота составляет 30 см, диаметр 21 см (внизу), 19 см (вверху). Элементом сосуда является наклад-

ная крышка (какпак). Она вырезана из кедра и обладает следующими размерами: толщина 1,5 см, диаметр 20 см.

Крышка снабжена ручкой. Выполнена она из черемухового прута. В поперечном сечении ручка имеет форму эллипса. Прут (ручка) согнута в виде арки. Концы прута продеты в два четырехугольных отверстия в крышке. Их ширина и толщина составляют 1 и 2 см соответственно. У отверстий ручка, изнутри, имеет небольшие утолщения, которые не позволяют ей провалиться внутрь сосуда. На обратной стороне ручки концы стягивали, видимо, суровой ниткой, либо кожаным ремешком.

Диапазон применения цилиндрического типа берестяной утвари был широк. В сосуд (тузеш) наливали молоко, сметану, простоквашу, мед, а также клали масло, яйца, соль. Полутора- или двухметровые «тузеш» использовали для производства ячменной браги (*орто*).

Туес являлся также элементом шаманского культа. Цилиндрическая емкость челканского шамана хранится в фондах ОГИКМ (Народы..., 1990, с. 57-58). Во время камлания шаман мешалкой, которая идет в комплекте сосудом, разбрызгивал брагу.

Табакерка от цилиндрического сосуда (тузеш) отличалась в основном относительно небольшими размерами и формой. Деревянное дно и крышку выполняли для табакерки в виде овала. В коробке хранили только табак.

Таким образом, в традиционной культуре челканцев были распространены шесть типов берестяной утвари, выполненных в рамках пластовой техники и один – в комбинированной. Функциональное назначение (утилитарное и ритуальное) отдельных предметов и относительное разнообразие местных их названий указывают на исконность берестяной утвари у челканцев и ее тесную связь с охотничье-рыболовческим пластом культуры.

О.П. Коломиец, Е.В. Ремпель
(Омск, Омский государственный университет)

Представления о «своем» и «чужом» в свадебной обрядности тарских татар

Чтобы понять природу и характер изменений, произошедших в свадебной обрядности в конце XIX – XX в, выяснить степень его трансформации, необходимо выявить архаические элементы обряда и комплекс смысловых связей, пронизывавших их. Архаическая модель мира, в лоне которой выросла обрядовая культура, представляла собой некую целостную систему, для которой были характерны двоичные противопоставления (бинарные оппозиции). Это выражалось в противопоставлении «своего» и «чужого», космоса и хаоса, человеческого и нечеловеческого, живого и мертвого (Байбурин А.К., 1990, с. 3-5). Цель данного исследования – выявление «своего» и «чужого» и рассмотрение процесса инверсии одного в другое в свадебном обряде тарских татар.

Анализ элементов народной культуры, в том числе обрядов и ритуалов с помощью разграничения их составляющих на «свои» и «чужие» – дело не новое. Тем не менее, необходимо оговорить, почему в данном случае для анализа выбран именно свадебный обряд. Если взять такие этапы человеческой жизни как рождение, свадьба и смерть, то окажется, что все они – примеры перехода человека из одного состояния в другое, из своего мира в чужой. Как известно, в ходе ритуала происходит объединение обоих противоположных признаков (Иванов В.В., 1978, с. 98). Таким образом, свадьба может рассматриваться как способ достижения либо инверсии противоположных символов, либо их слияния (Байбурин А.К., 1990, с.5).

У большинства народов Сибири выделяются несколько этапов свадебной обрядности: сватовство, свадебные церемонии в доме родителей невесты, гуляния в доме родителей жениха.

Сватовство (СОРАТУ) – комплекс обрядов, целью которых является знакомство представителей брачующихся партий (Лобачева Н.П., 1995, с. 60). Это первый, начальный этап столкновения оппозиций «своего» и «чужого». Сторона жениха осторожно прощупывала почву – неоднократно засылала сватов. Сторона невесты неохотно шла на контакт, нередко договориться удавалось со второй, с третьей попытки, поскольку строгое соблюдение традиции требовало от участвующих в обряде многократного сватовства. Сватов принимали родители девушки, которая в это время находилась в другой комнате. Главные виновники событий – жених (КИЯУ) и невеста (КИЛЕН, КИЛЕНЧАК), не должны были присутствовать на сватовстве, девушку старательно прятали от чужих, поскольку она, как основной «объект сделки», была наиболее уязвима.

Во время сватовства или же чаще при сговоре родственники невесты поднимали вопрос о калыме (СУАЛЫМ, СОЛЫМ, САЛЫМ, САВЫМ), стороны договаривались о примерных размерах так называемого выкупа за невесту. Его уплата рассматривается рядом исследователей как один из пережитков феодально-патриархальных отношений. Калым воспринимается как выкуп за женщину другого рода. Но глубинная структура свадьбы основана на обмене. Со сватовства, в ходе сговора и совета (КИНГАШ) начинается реализация целой серии обменных отношений между группами жениха и невесты (Валеев Ф.Т., 1980, с. 162). Обмен в данном случае – пример инверсии «чужого» в «свое». Переход одного в другое начинается на уровне вещей, материальных ценностей. Сваты привозят в дом родителей невесты подарки. Родственники девушки, в свою очередь, готовят подарки для родственников жениха. И одной из главных статей обмена является обмен калыма на приданое. Стоимость и того и другого должна была быть по возможности равноценной. Этот взгляд расширяет понятие о калыме, это не просто плата за женщину другого рода, это одна из основных статей равноценного обмена брачующихся сторон.

После сватовства для девушки, подлежащей передаче в другой род, вступали в силу ограничения. Источники свидетельствуют о наличии запретов на контакт с мужчинами, близкими родственниками, то есть после договора о браке невесту постепенно отдалают от центра рода, к которому она еще принадлежит, «свое» тщательно оберегалось. Ограничивалось также перемещение по деревне, запрещались контакты с внешним миром (Байбурин А.К., 1993, с. 65). Это результат постепенной изоляции невесты, подготовки ее к предстоящему переходу в иной социальный статус, который представляли в виде схемы: изоляция объекта – его разрушение («временная смерть») – трансформация («возрождение»), где условием изменения статуса являлось разрушение предыдущего (Новик Е.С., 1984, с. 163). Поскольку этот переход предполагал прохождение через сферу чужого, неупорядоченного, девушку тщательно оберегали от злых сил, и так как ее уязвимость возрастала, ограничения на контакты с внешним миром были необходимы (Валеев Ф.Т., 1992, с. 144).

Следующим циклом всего комплекса свадебной обрядности является непосредственно свадьба (ТУЙ). Свадебные церемонии тарских татар традиционно делятся на три периода: 1) свадебные церемонии в доме родителей невесты; 2) переезд молодых в дом родителей жениха; 3) свадебные церемонии в доме родителей жениха. При этом такие важные обряды, как обряд санкционирующего характера – обряд бракосочетания (НИКАХ), «постельный» обряд, совершались в доме родителей невесты, соответственно переезд невесты осуществлялся после «постельного» обряда.

Непосредственно свадьба начиналась с того, что в дом родителей невесты приезжали гости, жених, его родственники, родители и знакомые. Участие в свадьбе всех жителей деревни было реликтом прежней социальной организации, предусматривавшей контроль за браком со стороны общины. Перед женихом сторона невесты начинала чинить препятствия, закрывала перед ним ворота, двери, перетягивала проход веревкой. Эти действия акцентировали внимание на то, что жених – представитель чужой стороны. В первый день

свадьбы жених не должен был видеть невесту. Невеста весь первый день находилась за занавеской, на этом этапе свадьбы момент ее ритуальной изоляции все больше акцентировался (Новик Е.С., 1984, с. 187).

В первый день свадьбы все торжества проходили в доме родителей невесты. Организованная стороной невесты трапеза являлась архаическим элементом свадьбы. Значение этого события было велико, поскольку акт совместного приема пищи представителей двух сторон был проявлением дружбы, родственных связей, он способствовал нормализации отношений, установлению дружеской атмосферы в процессе общения между чужими людьми. Этот момент в свадьбе был кульминационным в слиянии «своего» и «чужого».

Обмен ценностями сочетался с обменом силой. Борьба между родами имитировалась в шуточной форме в ходе свадебных игр. Символическая борьба являлась своеобразной демонстрацией отношений между двумя партиями как «чужими» (Новик Е.С., 1984, с. 186).

На следующий день после гулянья, а иногда и в тот же вечер, или до всех намеченных торжеств совершали мусульманский обряд бракосочетания (НИКАХ). После молитвы брак считался свершенным. Жених, признавая невесту своей женой, должен был покрыть ее голову платком с кистями. Этот обряд завершал собой процедуру приобретения невестой нового социально-возрастного статуса. Он так же был своеобразным нанесением на невесту «меток» семьи жениха

Невеста, как основная ценность, подлежащая передаче в другой род, должна была быть безупречна. Поэтому огромное значение придавалось постельному обряду. Демонстрация чистоты невесты была важнейшим этапом, поскольку это был основной критерий честности взаимоотношений между партиями.

К следующему этапу свадебного обрядового цикла относится церемония переезда новобрачных, ее устраивали либо на второй день свадьбы, либо в течение недели. В обряде участвовали молодые, родственники и приглашенные. В переезде не участвовали только родители невесты, с дочерью они прощались у порога. Основная цель переезда – движение, изменение.

Свадебные торжества в доме родителей жениха копировали празднества, проходившие в доме родителей невесты. Происходил очередной круг обменных отношений. В данном случае трапезу устраивала сторона жениха. Гуляли несколько дней. Подобное дублирование действий на территории жениха – характерная особенность свадебных обрядов многих народов Сибири. Необходимость симметрии действий обусловлена необходимостью эквивалентного обмена во всем, что касается отношений между брачующимися сторонами.

Заключительным этапом всего комплекса свадебной обрядности тарских татар, обрядом послесвадебного цикла является визит новобрачных и родственников жениха в дом родителей невесты (ТУРГЕН) (Валеев Ф.Т., 1992, с. 141). Термин этот произошел от древнетюркского понятия «торун», означающего прибытие дочери в дом своих родителей (Валеев Ф.Т., 1992, с. 169). *Турген* обычно собирали через неделю после свадьбы. Здесь присутствовала вся родня с обеих сторон. Первое посещение супружеской парой дома родителей невесты у многих азиатских народов имело очень важное значение, с этого момента родственники с обеих сторон могли посещать друг друга, прекращалось избегание зятем родственников жены. Совместная поездка новобрачных в дом родителей молодой была необходима для невесты в контексте всей структуры свадьбы как переходного ритуала, она как бы «достраивала» путь невесты, символизировала ее возвращение из чужого мира в свой в новом статусе (Байбурун А.К., 1993, с. 87).

Оберегание «своего» мира со стороны рода жениха проявилось в определенных запретах для невесты после свадьбы. От трех недель до полугода невеста не должна была показываться свекру. Не разрешалось открывать ноги, кисти рук, снимать платок и расчесывать волосы перед родителями мужа.

Данное сообщение – пример лишь предварительного анализа элементов свадебной обрядности через противопоставление «свое»-«чужое». Не затрагивались нами такие важные составляющие, как действия с предметами, приметы и т.д. Более подробное изучение элементов свадебного комплекса позволит увидеть полную картину архаичного мировоззрения тарских татар.

Научный руководитель – д.и.н. Н.А. Томилов

И.В. Волохина

(Омск, Омский государственный университет)

Образ врача в представлениях русского и татарского населения Среднего Прииртышья конца XIX – XX веков

В настоящее время появилось много исследований, касающихся народных медицинских знаний, но они лишь косвенно затрагивают проблему личности врача и требований, предъявляемых к нему обществом, хотя данная тема весьма интересна и актуальна т.к. врачеватель может оказывать влияние на здоровье человека, а, следовательно, и на его благополучие.

Чтобы наиболее полно осветить поставленную проблему мы использовали материалы, собранные в ходе бесед с жителями Большереченского, Муромцевского, Тевризского и Тарского районов Омской области в 1975-2000 гг., которые хранятся в Музее археологии и этнографии ОмГУ. Указанные территории выбраны нами не случайно, так как здесь русское и татарское население соседствует друг с другом, кроме того это районы компактного проживания тарских и, частично, курдакско-саргатских татар (Тевризский район), что немало смягчает иноэтничные влияния.

Хронологические рамки указаны с учётом специфики основных источников, так как основной массив полевых материалов в контексте этноисторических исследований позволяет констатировать их большую ценность при изучении социально-бытовой и историко-культурной жизни общества именно в период XIX-XX веков.

Как уже отмечалось, поставленная проблема слабо освещена в литературе; можно выделить работу В.А. Москвиной, которая рассматривала вопрос о сходстве и различии иррациональных знаний у русских знахарей и в шаманизме народов Сибири; также исследование С. Максимова, где он приводит определённую классификацию врачевателей, подразделяя их на «колдунов-чародеев» и «знахарей-шептунов»; применительно к XIX веку можно отметить работы М.Д. Торэн и Г.И. Попова, основанные на широкой информационной базе.

Что касается определения врача, народного лекаря, то надо сказать, что оно было выработано на совещании Всемирной организации здравоохранения, посвящённом народной медицине : путям содействия и развития (1980), где народный лекарь определялся как «человек, который по мнению общества знает способы оказания медицинской помощи с использованием растений, веществ животного и минерального происхождения, и некоторые другие методы, имеющие в своей основе социальные, культурные и религиозные истоки, а также знания, представления и верования, разделяемые членами этого общества и касающиеся физического и социального благополучия, причин болезни и немощи». Эта характеристика раскрывает лишь одну из граней поставленной проблемы, то есть методы и средства, используемые врачом, – не затрагивая требований, предъявляемых к личности врача, специфики передачи знаний и их применения и т.п.

Уточняя данное определение, надо прежде всего отметить, что у русского и татарского населения первоначально не было специальной терминологии, обозначающей людей, занимающихся врачеванием (Торэн М.Д., 1996, с. 485). Сначала тех, кто владел познаниями в народной медицине русские называли «знает», «знающий», так же существовало обозначение

ние женщины, принимающей роды – «повитухи». Впоследствии появились такие названия, как «знахарь», «травник», «бабка» и сохранилось название «повитуха». В настоящее время, наряду с вышеуказанными терминами в широкий обиход вошёл термин «целитель», ранее применявшийся, в основном, только в отношении чудотворцев, библейских персонажей, таких как, например, Святой отрок Артемий Веркольский, целитель Пантелеймон и др.

Врачеватель в сознании русского крестьянина (основного носителя традиционной культуры) – очень сложная и противоречивая фигура. Он может быть и «хорошим» и «плохим», то есть и исцеляющим от болезней и наводящим порчу, наносящим вред. С одной стороны, занятие народной медициной, особенно в иррациональной области – это не богоугодное дело, связанное со «сговором с нечистой силой» (Максимов М., 1989, с. 106), но несмотря на это, люди, тесно связанные с церковью, например, священнослужители, врачеванием не занимались.

У татар же, наоборот, врачеванием занимались в основном муллы и муллыны, то есть люди, связанные с религией, что, вероятно было связано с их грамотностью, доступностью для них восточных, в частности, арабских, медицинских трактатов. Можно привести ряд примеров из полевых источников, в частности : «У информатора (1887 года рождения, раньше он был муллою) есть книга, написанная по-арабски. В ней описаны целебные свойства какой-то травы, которая по-татарски называется матрушка. Она помогает от паралича...» (МАЭ ОмГУ Ф. I, п. 2-6, к. 992) или «Когда женщина плохо себя чувствует, когда у неё «ноет» сердце, она обращается к одной из бабок-муллин. Информатор не раз лечилась у неё. Муллина лечит только своих родственников...» (МАЭ ОмГУ Ф. I, п. 2-6, к. 1007) и др.

И у русских крестьян, и у татар люди, занимающиеся врачеванием, обладали большим авторитетом, хоть к ним и относились с опаской. Первоначально круг носителей подобного рода знаний был ограничен, но в дальнейшем он расширился, что, вероятно, было связано с распространением научно-популярной литературы, различных «травников», «лечебников», «сборников заговоров» и т.п. Также надо отметить, что врачеванием занимались в основном женщины, что можно объяснить наличием у них большого опыта в обращении с травами, животными препаратами, большей возможностью общения с соседями.

Что касается требований, предъявляемых обществом к личности врачевателя, то можно выделить ряд специфических моментов:

1. Существование возрастного ценза: женщина должна была быть не моложе 45-50 лет. Вероятно, это было связано с тем, что приблизительно с этого возраста прекращалась менструация и женщина считалась «чистой», так же это было время окончания детородного возраста, у неё появлялось больше свободного времени. С другой стороны, врачеватель не должен был быть дряхлым, так как «с выпадением зубов терялась сила заговора» (Торэн М.Д., 1996, с. 485), но эти условия в настоящее время не соблюдаются, т.к. данные знания исчезают, а молодёжь мало интересуется этой областью.

2. Нельзя передавать знания людям, старшим по возрасту. С чем это связано – неизвестно.

3. Врачевателям нельзя было платить деньги за их работу, но с другой стороны, нельзя было оставить их работу без вознаграждения.

4. Обязательно нужно было передать свои знания.

Также следует отметить, что среди врачевателей не было строгой специализации, хотя встречаются случаи, когда к одной «бабке» чаще обращались для лечения грыжи, к другой – для лечения от испуга и т.п.

Таким образом, мы видим, что общество предъявляло специфические требования как к личности врачевателя, так и к приёмам и средствам, которые он использовал, что позволяет говорить о врачевателях, как об особом общественном слое, со своими характерными чертами, которые незначительно отличаются у различных народов.

Научный руководитель – д.и.н. Н.А. Томилов

М.Н. Тихомирова
(Омск, Омский государственный университет)

Молочные продукты в системе питания тарских татар

Одним из основных компонентов системы жизнеобеспечения любого коллектива или этнического образования является пища, так как она удовлетворяет первейшую – витальную потребность человека в энергии, необходимой для воспроизводства и развития. В данном сообщении мы рассмотрим только молочные продукты, так как они, наряду с мясом и растительной пищей, играли значительную роль в системе питания тарских татар. Актуальность данной темы обусловлена рядом причин: с одной стороны, наличием пробелов в изучении системы питания тарских татар. Хотя общая характеристика ее и приведена в работах В.В. Храмовой (1956), Ф.Т. Валеева (1980), Ф.Т. Валеева и Н.А. Томилова (1996), Н.А. Томилова (1980), а также автора настоящего сообщения (2000), тем не менее статьи и сообщения, в которых рассматриваются молочные продукты тарских татар просто отсутствуют. Представляется необходимым ввести в научный оборот материалы по данной теме. Кроме того, из-за быстрого распространения урбанистической культуры этнические особенности, в том числе и в пище, постепенно стираются, поэтому важно их зафиксировать.

Источником для написания сообщения послужили полевые материалы, собранные автором в Большереченском районе Омской области в 2000 г., а также материалы полевых экспедиций, проводимых Омским государственным университетом (ОмГУ) в 1975, 1980, 1982, 1993 гг. в Большереченский, Муромцевский, Тарский районы Омской области. Все эти материалы хранятся в архиве Музея археологии и этнографии ОмГУ (МАЭ ОмГУ). Эти источники позволяют охарактеризовать материалы конца XIX – первой половины XX вв., что делает возможным выявление традиционных и инновационных элементов в системе питания тарских татар на примере молочных продуктов.

Прежде чем приступить к характеристике молочных продуктов, хотелось бы отметить, что при перечислении основных видов продуктов питания информаторы, как правило, ставят молочные продукты на второе место после мясных продуктов. Производством молочной продукции занимались женщины.

Все молочные продукты мы разделили по примеру Н.Л. Жуковской (1979, с. 72) на продукты скоропортящиеся и продукты длительного хранения.

Скоропортящиеся продукты из молока. В питании особо широко употреблялось коровье сырое молоко (*сют/сум/сом*). Реже пили козье молоко. А информаторы, проживающие в д. Инцисс и д. Гузенево (Муромцевский р-н) рассказывали, что раньше использовали кобылье молоко для приготовления кумыса. По словам информаторов, раньше молоко хранили в глиняных горшках (*чульмек/чульпек*) или в деревянной посуде, например, туесах, березовых кадушках, в подполе. Зимой молоко замораживали и хранили в таком виде. Молоко употребляли с хлебом, часто добавляли в чай. Его использовали для каш, супов и в изделиях из теста (*баурсаки, тугац*). Однако большая часть молока перерабатывалась.

В пище тарских татар повсеместно использовалось молозиво (*огос/уус/уыз*) – это первые несколько надоев молока после отела коровы. На молозиве замешивали тесто, затем перекладывали в сковороду и выпекали в печи блюдо, называемое *пуптырма*.

Из цельного молока получали *каймак/коймак*, переводимый информаторами как «сливки» или «пенки» (МАЭ ОмГУ 1975, ф. I, п. 1-11, к. 992; 1982, ф. I, п. 8-8, к. 736). Его получали следующим способом: глиняный горшок с молоком ставили в подпол (*урдык остэк*), а через некоторое время снимали слой жира, образующийся на поверхности. Через некоторое время он загустевал и превращался в сметану, которая обозначалась тарскими татарами тем же термином, что и «сливки» или «пенки». Каймак добавляли в супы, в изделия из теста. Каймак пили с чаем.

Тарские татары употребляли простоквашу *ойексыт/оегонсит/оцэсют*) с сахаром или с хлебом. Простокваша получалась либо как побочный продукт производства каймака (была под слоем жира), либо цельное молоко специально сквашивали в течение 1-2 суток. Но данный продукт не был столь популярен среди тарских татар, как например, *катык/котык/котек/кадых*. Его основное отличие от простокваши состояло в том, что он заквашивался не из сырого молока, а из кипяченого. Этот процесс происходил не путем самоквашения, как в случае с простоквашей, а при определенных условиях: 1) молоко вытапливалось на медленном огне; 2) по словам информаторов, потом его остужали до такой температуры, чтобы палец, опущенный в молоко не обжигался; 3) затем в молоко клали закваску (*оетки/оёткы*) из старого катыка или простокваши или сметаны или хлеба. Все содержимое хорошо перемешивали и оставляли в теплом месте. Информаторы отмечали, что нужно полстакана – стакан старого катыка на эмалированное ведро молока; 4) массу процеживали через марлю или мешок из вафельной полотенежной ткани. Когда катык разводили водой, то получали напиток, называемый по-татарски *айран*. Его делали летом, потому что он хорошо утолял жажду. На 1 л воды добавляли 1 стакан катыка, иногда добавляли лед.

Еще тарские татары делали творог нескольких видов. Так например, широкое распространение имел творог, называемый по-татарски *эремчик/ремчик/рамчик*. Он был белого цвета и пресный на вкус. Отметим, что в с. Уленкуль (Большереченский р-н) зафиксировано два способа приготовления творога: 1) свежее молоко нагревали на медленном огне, добавляли закваски (на 10 л молока 2 л закваски), перемешивали и остужали, а затем массу процеживали через марлю или мешок из вафельной полотенежной ткани, и в результате получали творог; 2) простоквашу доводили до кипения на медленном огне, остужали и процеживали. Заметим, что молоко или простоквашу должны были обязательно нагревать на медленном огне, иначе творог мог получиться жестким. В дд. Инцисс, Черталы (Муромцевский р-н), д. Речапovo (Тарский р-н) зафиксирован только второй способ изготовления творога этого вида. Такой творог употребляли как самостоятельное блюдо со сметаной, молоком, чаем. Его использовали в качестве начинки для пирожков, вареников. Интересно, что в д. Инцисс предпочитали пресный творог, а в д. Чеплярово (Муромцевский р-н) его подсаливали.

Особняком стоит приготовление тарскими татарами из кобыльего молока кумыса. Информация об этом зафиксирована только в д. Черталы и в д. Гузенево (Муромцевский р-н). Кумыс делали из цельного молока. Молоко скисало в деревянной посуде с высокими стенками, например, это могла быть маслобойка. Несколько раз молоко подливали. Обязательно содержимое этой посуды помешивали. Что касается сроков изготовления продуктов, то информация разнится – от 2 до 30-40 дней.

Хотелось бы добавить, что побочным продуктом при переработке молока в некоторых случаях была сыворотка (*сары су*), которую татары добавляли как закваску при изготовлении изделий из теста.

К продуктам длительного хранения относились *ацегей/эцегей, курт/курт* – разновидности творога, сливочное и топленое масло (*май*). Информация о существовании творога *ацегей/эцегей* зафиксирована пока только в с. Уленкуль. Ф.Т. Валеев в одной из своих работ (1980, с.122) так же упоминает об этом виде молочной продукции, который бытовал у рассматриваемой группы сибирских татар. Однако он отмечает, что он менее распространен чем *катык* или *эремчек*. Начальные этапы изготовления этого продукта совпадают с такими в первом способе приготовления творога *эремчик*. Отличие в том, что творожистую массу не отделяли от сыворотки, а кипятили до полного выпаривания последней. В результате получалась масса желто-красного цвета, более плотная по консистенции чем *эремчик*. Полученную массу ели со сметаной, топленным или сливочным маслом.

Более распространенным видом творога, чем *ацегей* у тарских татар был *курт/курт*. Они готовили его из скисшего снятого или цельного молока. Скисшее молоко кипятили на

медленном огне. В результате получалась плотная густая масса красного цвета. Затем на солнце ее высушивали, иногда в колобках. Перед употреблением в пищу *корт* размачивали водой, чаем. Следует отметить, что исследователи давно отмечали его древнее происхождение и относили к древнетюркскому элементу материальной культуры (Валеев Ф.Т., 1980, с. 122; Мухаметшин Ю.Г., 1995, с. 138).

Тарские татары любили сливочное масло – *май/мой/сыер мой*, которое широко использовали в традиционной кухне. Масло делали из сметаны или из сливок (пенки), которые заливали в маслобойку (*кубю/кэбэ/гебэ*) и взбивали около часа, а затем ставили в подпол. Там его и хранили. Побочным продуктом этой операции была пахта, которую они пили или отдавали скоту. На лето масло перетапливали, так как в таком виде оно лучше сохранялось.

В заключении, хотелось бы отметить существование широкого круга аналогий молочных продуктов тарских татар с таковыми других тюркоязычных народов, которые свидетельствуют о принадлежности рассматриваемой группы к тюркскому миру. Например, у томских татар бытовали *пыштак, курут, ацытка, каймак, мишка мой* и *сары мой*; у казахов – *каймак, ак еримшик, эжигей, катык, айран*; у киргизов – *каймак, эжигей, быштак (пышлак)*; у групп татар Волого-Уральского региона (касимовских татар, подберезинских крышен, нагайбаков) – *каймак, катык, эремчик, ак май* и *сары май*; у башкир – *ремчик, курут*; у алтайцев – *каймак, пыштак, кумыс, курут, чегень* (айран); у хакасов – *хурут*; у тувинцев – *куртак эжигей* (Ахметова Ш.К., 1995, с. 197; Валеев Ф.Т., 1980, с. 122-123; Мухаметшин Ю.Г., 1995, с. 135-138; Потапов Л.П., 1953, с. 44; Томилов Н.А., 1980, с. 182; Тугутов И.Е., с. 79 – 80; Хайрутдинова Т.Х., 1993, с. 117, 120; Фильеступ Ф.А., 1930, с. 276-227. 288-289; Шарифуллина Ф.Л., 1990, с. 68-69).

Научный руководитель – д.и.н. Н.А. Томилов

О.А. Скрипко

(Омск, Омский государственный университет)

Жилищно-хозяйственный комплекс русского населения Среднего Прииртышья как объект этноархеологического исследования

Жилищно-хозяйственный комплекс (ЖХК) является своеобразным центром жизнеобеспечения человека, где наиболее полно отражены традиционные черты материальной культуры. С момента заселения Сибири и до XX века ЖХК прошел сложный путь развития, но основные элементы его сохранили свою самобытность. Поэтому мы попробуем рассмотреть его как объект этноархеологического исследования на примере русского населения Среднего Прииртышья.

Выявление характерных черт культуры изучаемой нами локальной группы подразумевает собой выделение общих элементов, свойственных русскому народу, и специфических черт, получивших развитие в местных условиях. При этом необходимым является изучение следующих факторов, влияющих на становление и развитие жилищно-хозяйственного комплекса:

1. Природно-географические условия, включающие в себя ландшафтные, рельефные и климатические особенности данного района. Они оказывали влияние на выбор места поселения, расположение усадьбы, тип жилища (в том числе количество окон, расположение дверей и т.п.). Одним из важных элементов является выбор определенных пород древесины. При изучении влияния данного фактора на рассматриваемую проблему большое значение имеют археологические, этнографические исследования и архивные материалы.

2. Вторым фактором является традиционный опыт создания ЖХК, имеющийся у населения, с учетом того, откуда он был принесен (здесь можно выделить региональные

особенности, специфические черты). В данном случае, ведущая роль, на наш взгляд, принадлежит архивным материалам и этнографическому опросу.

3. Следующим фактором можно назвать вновь приобретенный опыт русских в результате взаимодействия с местным населением, что повлияло на некоторые элементы в ЖХК.

4. В результате развития хозяйства определенное значение экономический фактор. Потенциал переселявшихся семей был неодинаков, и это обусловило выбор типа жилища и степень сложности усадьбы. В данном случае будет уместным использование статистических данных и архивных материалов в комплексе с этноархеологическими исследованиями.

5. Религиозно-духовный фактор. Он играет роль в выборе места для дома, ориентации построек и использовании определенных пород дерева. Кроме этого следует отметить различные обряды, обычаи, суеверия при постройке ЖХК.

В настоящее время, несмотря на имеющийся материал для реконструкции жилищно-хозяйственного комплекса русского населения, есть определенные трудности при его интерпретации. Одной из главных проблем является то, что ученые, занимающиеся изучением ЖХК не могут прийти к единому мнению по ряду основных вопросов: о времени сложения многокамерного жилища (Копанев А.И., 1984), о развитии вертикальной (Рабинович М.Г., 1949) и горизонтальной планировки (внутренней и внешней); о преобладании определенного типа жилища на изучаемой нами территории (Александров В.А., 1964, Липинская В.А., 1975). Нет согласия и в использовании терминологии.

Второй проблемой стало то, что при интерпретации археологического материала разрыв между результатами археологических исследований и данными этнографии составляет несколько столетий. По этой причине письменные источники по истории Сибири имеют для нас большое значение, так как информация о быте местного и пришлого населения была собрана значительно позже

В – третьих, в результате открытия нового археологического материала иногда его просто не с чем сопоставить, так как некоторые стороны материальной и духовной культуры на сегодняшний день остаются без описания. Эти данные очень необходимы потому, что жилищно-хозяйственный комплекс на протяжении веков трансформировался под воздействием указанных выше факторов.

Еще одной проблемой в интерпретации является то, что археологические материалы одной области сопоставляются с этнографическими данными, собранными на соседних территориях. А для этноархеологических реконструкций мы должны учитывать наличие местных особенностей и традиций при изучении ЖХК.

Некоторые исследователи отмечают, что обработка материала в кабинетных условиях не позволяет зафиксировать все детали (Татаурова Л.В., 2000).

Важным помощником в интерпретации материала мог бы стать экспериментальный метод исследования, но В.Г.Васильев (2000) считает проблематичным использование этого метода, так как необходима специальная подготовка, это требует больших физических затрат и сложно создать условия, схожие с теми, которые были в момент создания реконструируемого нами комплекса. Кроме этого, мы не всегда получаем то, что хотелось бы, да и доказать верность выводов не всегда возможно. В перспективе на основе собранного этнографами материала и непосредственного контакта с местным населением при раскопках эксперимент может стать реальной частью методики этноархеологического изучения жилищно-хозяйственного комплекса.

Ряд авторов предлагают свой вариант решения поставленной здесь проблемы. В частности, С.С.Тихонов говорит о необходимости совершенствования методики исследования комплексов (полевой и камеральной), для чего необходимо интегрировать данные архео-

логии и этнографии с другими науками. Один из выходов, по его мнению, это создание микро коллективов по изучению поселений, жилища и т.д. (Тихонов С.С., 2000).

Нам думается, что, прежде всего, ученые должны постараться прийти к единой терминологии, как в Сибири, так и в Европейской части России. Если говорить о временном разрыве между данными археологии и этнографии, то, как уже отмечалось выше, здесь определенное значение имеют письменные источники. Они должны как можно чаще использоваться, чтобы весь материал привести к единому целому. Иначе говоря, нельзя какой-либо источник интерпретировать изолированно, он по мере возможности должен исследоваться в комплексе с другими.

Для преодоления несоответствия данных археологии и этнографии по территориальной причине, необходимо составление детализированных вопросников для этнографических экспедиций по выявлению именно территориальных особенностей, различий отдельных групп населения.

Как мы знаем при работе в кабинетных условиях очень многие детали остаются без описания, так как только при непосредственном наблюдении на раскопе мы имеем возможность фиксации всех даже самых незначительных, элементов ЖХК. В этом случае составленные вопросники, детализированные и охватывающие все стороны данной проблемы, станут своеобразным путеводителем при описании результатов археологических раскопок.

В заключении следует сказать, что в результате этноархеологического исследования жилищно-хозяйственного комплекса по предложенной нами методике, мы можем получить наиболее полные и достоверные факты с учетом региональных особенностей и проследить трансформацию ЖХК с течением времени. Наиболее эффективным на наш взгляд является комплексное использование источников и сотрудничество со смежными науками, это позволит нам получить самые лучшие результаты.

Научный руководитель – к.и.н. Л.В. Татаурова

А.А. Воробьев

(Новосибирск, Новосибирский государственный педагогический университет)

Сосуды с углями из русских погребений Верхнего Приобья и Барабы как объект археолого-этнографического изучения

В предлагаемой работе предпринимается попытка археолого-этнографической интерпретации сосудов с углями из русских погребений с территории Новосибирской области. В коллекциях УКМ НГПУ и музея «Мастерская предков» клуба юных археологов «Потомки» насчитывается не менее 29 сосудов происходящих из восьми кладбищ области (Ордынский остров, р.п. Ордынское, Ордынского р-на; с. Старые Горностаи, Здвинского р-на; с. Ударник, с. Северное, с. Гражданцево, Северного р-на; с. Соколово, Колыванского р-на; с. Криводановка, Коченевского р-на). В нескольких сосудах сохранилась засыпка из древесных углей, из остальных она по свидетельствам людей присутствовавших при вскрытии была высыпана, а часть сосудов разбита. В некоторых сосудах на внутренней придонной поверхности прослеживается лёгкое обожение. Датируются они не позже конца XVIII в. и до середины XX в. Выделяются сосуды баночной формы, кринки, стакан, плошка. Все они сделаны в русской технологической традиции, некоторые имеют типично русскую орнаментацию. Предварительное исследование позволило связать эти сосуды с похоронным обрядом «окуривания» (Воробьев А.А., Троицкая Т.Н., 2000, с. 220 – 221).

Для дальнейшего анализа мы приводим здесь наиболее полное описание обряда по имеющимся у нас этнографическим данным, собранным в 1999 – 2000 гг. на территории Северного района НСО. После смерти человека в глиняную посуду из печи насыпали горячие

угли, поверх которых для окуривания сыпали ладан, а если его не было, клали душицу, мяту или «богородскую» траву. Для этого употреблялся сосуд любой формы, новый или использовавшийся в хозяйстве. Сначала окуривание производилось в помещении перед выносом тела, вокруг гроба «по солнцу» три раза. После этого покойный помещался в гроб и выносился из дома. На Алтае известно окуривание надо ртом только что умершего человека (Миненко Н.А., 1979, с. 264). Во время шествия похоронной процессии до кладбища сосуд с углями несли вслед за гробом. На кладбище окуривали внутри могилы иногда до, иногда после спуска гроба в могилу. В некоторых случаях могли окуривать, проходя вокруг могильной ямы по верху. После этого сосуд ставился в могилу в изголовье, либо в ногах погребаемого рядом с гробом. На вопрос «зачем это делалось» информаторы в основном отвечали «так положено». В одном случае было объяснение «для устранения трупного запаха». Если при погребении присутствовал священник, то окуривание производилось кадилом. Этот обычай существовал в деревнях вплоть до последнего времени, постепенное его отмирание связывается с исчезновением глиняной посуды и забвением традиции. В имеющихся сведениях в целом, выделяется четыре варианта обряда: 1) Окуривание производится как в доме, так и на кладбище, с постановкой глиняной посуды с углями в могилу (см. Выше). 2) Покойный окуривается только дома из глиняной посуды. 3) Обряд выполняется только в доме совком с углями из печи. 4) Священник осуществляет каждение. Последний вариант был распространен как у православных, так и у старообрядцев (Кремлева И.А., 1992, с. 205; 1999, с. 523). И старообрядцы, и православные по нашим сведениям ставили сосуды с углями в могилы. Между всеми выделенными вариантами прослеживается генетическая связь. Первый является, скорее всего, наиболее старым. Второй, вследствие вымирания традиции служит переходным к третьему, который выполняется и в наши дни. Четвертый отражает каноническую христианскую обрядность.

Во всех вариациях окуривание неразрывно связано с кульминационными моментами «ритуалов перехода». Так обряд, совершаемый перед выносом покойного из дома, стоит в начале его посмертного «странствования». «...Порог дома оказывается главным рубежом, отделяющим умершего от его дома, семьи и земной жизни» (Толстой Н.И., 1990, с. 119). Окуривание, производимое перед помещением тела в гроб и закапыванием могилы, вероятно, следует связывать с обретением мертвым нового загробного жилья, которое посредством совершения обряда очищается от злых сил. Широко распространенными, были такие названия колод и гробов как дом, хата, домина, горница холодная и т.п. (Невская Л.Г., 1990, с. 140, 145). Параллель этому явлению можно видеть в других «ритуалах перехода», например, когда ребенок обретает свое новое жилье-люльку. Для отгона нечистой силы и спокойствия ребенка в ней она также окуривалась ладаном, «богородской» травой либо корнем чертополоха (Неклепаев И.А., 1903, с. 83; Листова Т.А., 1999, с. 514).

Б.А. Рыбаков в свете этнографических данных трактует сосуды с углями в погребениях как устойчивый символ жилища, домашнего очага, переносимого на новое место (Рыбаков Б.А., 1988, с. 312). Такую оценку он применил к бронзовой жаровне с углями из княжеского черниговского кургана середины Хв. Черная могила. В раннем средневековье славяне насыпали в сосуды вместе с пережженными после кремации костями иногда и угли с золой (Седов В.В., 1982 и др.). При этом для умершего погребальная урна становилась как бы новым телом, местом его нового обитания (Петрухин В.Я., 1995, с. 199-200). Возможно с идеей помещения «домашнего очага» в загробное жилье следует связывать находки сосудов с углями (без костей от кремации) в курганах и кладбищах Белоруссии, где еще в начале XX в. сохранялся обычай выносить из дома за покойником горшок с углями из домашнего очага, и бросать его в могилу, после того как опустят в нее покойника (Успенская А.В., 1953, с. 106). Сам автор связывает эти находки с имитацией древнего трупосожжения. Эти две трактовки могут хорошо сочетаться между собой. И при кремации и при помещении горшка с углями в моги-

лу присутствует дым, который связан с идеей заселения через него неба душами предков (Рыбаков Б.А., 1988, с. 74). После совершения погребения связь с предками осуществлялась также через дым, сосуды с углями, костры. У крестьян Могилевской и Смоленской губерний, а также на Севере Руси в XIX в. сохранялся обычай разводить костры на могилах и ставить на них горшки с углями. Этот обычай был приурочен к поминальным «родительским» дням (Соловьева Г.Ф., 1962, с. 52; Рыбаков Б.А., 1988, с. 92, рис. 14, 2). Исследователи соотносят его с имевшим широкое распространение в славянских землях обычаем «греть покойников» посредством разведения костров возле дома или на кладбище во время календарных праздников (Петрухин В.Я., 1995, с. 204). В одном из описаний этого обряда в г. Орле конца прошлого века имеется описание использования в нем сосуда с углями: «...на Рождество, Новый год и в день Крещения хозяин дома брал горшок с огнем и куль соломы; попросившись с домашними, он отправлялся на огород; здесь он сперва полагал три поклона лицом к востоку, потом зажигал сноп соломы с ладаном и приговаривал: «... Ты святой ладонок и серенький дымок, несись на небо, поклонись там моим родителям, расскажи им, как все мы здесь проживаем!» (Зеленин Д.К., 1994, с. 165). С точки зрения Д.К. Зеленина «...Окуривание родителей т.е. ладаном, отмечает особую вариацию в самом обряде, вариацию явно христианского, т.е. позднейшего происхождения» (Зеленин Д.К., 1994, с. 168). Обряд производился для умиловивления душ предков и домового, так как они находятся в теснейшей связи (Зеленин Д.К., 1994, с. 175), с другой стороны он предохранял от проникновения в мир живых покойников умерших не своей смертью и могущих причинить вред. Часто этот обряд возводят к дохристианскому обряду трупосожжения (Петрухин В.Я., 1995, с. 204).

Еще одним способом использования горшков с углями было их переворачивание с рассыпанием углей при их постановке наверху уже закопанной могилы. Этот обычай был известен в Полесье и на Русском Севере (Толстой Н.И., 1990, с. 121-122). Скорее всего, эти сосуды также могли предназначаться для переноса «домашнего очага», в загробный мир. Ведь в славянских представлениях имеющих языческие корни мир смерти считался перевернутым по отношению к миру живых. Все перевернутое – это «свое» в мире мертвых. Отсюда ведет свои истоки обычай спасаться от мертвецов переворачиванием и выворачиванием предметов и одежды. Мертвые в этом случае просто не замечали живых и не могли причинить им вред (Толстой Н.И., 1990, с. 119-128).

Для территории сибирского региона постановка в русскую могилу сосудов с углями, по всей видимости, является локальной чертой погребального обряда. Такие находки сосудов нам известны только для территории Верхнего Приобья и Барабы. В европейской части России существует крупная коллекция глиняной керамики из некрополей Москвы. В эти сосуды при погребении помещали оставшийся после соборования елей (Векслер А., 1996, с. 36; Дубынин А.Ф., 1960, с. 784; Панова Т.Д., 1989, с. 219-234). Известны также горшки из могил Юрьева монастыря и церкви Спаса на Ковалеве в Новгороде. Эти находки исследователи связывают с пережитками тризны, так как рядом были обнаружены и остатки поминальной еды (Панова Т.Д., 1987, с. 120). Единственные массовые находки горшков с углями в славянских погребениях известны нам только из курганов и кладбищ Белоруссии (Успенская А.В., 1987, с. 106).

Таким образом, обряд постановки сосудов с углями в могилу в Сибири, скорее всего, связан с выходцами из Белоруссии, возможно Русского Севера. Можно предполагать, что он восходит к языческому обряду трупосожжения, и был связан с идеей заселения неба душами предков, и идеей «домашнего очага» переносимого в загробный мир. Использование ладана является отражением влияния христианского каждения, как способа борьбы с нечистой силой. С постепенным забвением традиции в настоящее время произошла трансформация обряда в сторону наиболее простых форм.

Научный руководитель – И.А. Дураков

*Е.А. Болотова, И.В. Кучер
(Бийск, Бийский государственный педагогический университет)*

Предохранительная и продуцируемая магия в структуре свадебного обряда старожилы и переселенцев Алтая

Свадебный обряд – относительно устойчивый компонент традиционно-бытовой культуры. В нем прослеживаются пережитки архаической культуры, верований, семейно-бытовых отношений, формировавшихся в различные исторические периоды. Элементы, дошедшие до нас, в ходе сложных процессов позволяют раскрыть мировоззрения наших предков и их историческую судьбу. Данная тема рассматривалась в работах Д.К. Зеленина, Е.Г. Кагарова, Н.Ф. Сумцова, А.К. Байбурина, В.А. Липинской, П.Е. Бардиной, Е.Ф. Фурсовой, Л.А. Явновой.

В свадебном обряде, ввиду его особой устойчивости, отчетливо прослеживается этническая специфика бытовой культуры различных групп населения, а также взаимодействие этих этнокультурных групп и его отражение в данном обряде.

Происходившие на исследуемой территории сложные миграционные процессы, разнородность этнического и социального состава населения оказывал влияние на процесс формирования обряда.

Основные этапы жизни наших предков: рождение, переход подростковой группы во взрослую и смерть, как перерождение и логическая предпосылка к первому этапу – рождению, сопровождалась определенными обрядами. Причем каждый обряд – это смерть и рождение в миниатюре. Особенно четко это просматривается в свадебном обряде и действиях, связанных с его основной фигурой – невестой. Говорили: «Что похоронить, что замуж». Начиная с подросткового возраста, девушку всячески готовили к взрослой жизни, приучая к «женским» работам и откладывая вещи, которые будут сопровождать ее в следующей, замужней жизни – приданое – «сундук» – «постель».

Накануне свадьбы «девки ездили по деревне с веником». Часто подруг невесты в катании сопровождали «дружко», родственники, друзья жениха и сами молодые. Обязательное наличие березового веника, украшенного ленточками, прослеживается почти на всей исследуемой территории. Он выступает, во-первых, как символ «девичьей красоты», а, во-вторых, как символ производительной силы природы. Сама береза считалась счастливым деревом и символизировала будущую спокойную семейную жизнь. Может быть, поэтому было выбрано именно это дерево. В свадебном обряде присутствует и другая растительность. Рябиной украшался дом, где проходило гуляние и свадебный хлеб. Считалось, что она предохраняет от колдовства. Сеной и соломой устилался пол. Они должны были беречь от «уроку» и являлись символом богатства будущей жизни молодых, чтобы не пришлось в дальнейшем ходить по голому полу. Калина, выставленная на стол после брачной ночи, по причине ярко красного цвета своих ягод, являлась символом молодой замужней женщины или брачной потере невинности.

Вода в свадебном обряде играет немаловажную роль, ей придается священное, очистительное значение. Накануне свадьбы, обычно вечером, невесту водили в баню. Перед этим она просила разрешение «сходить в теплую парнушу, смыть девью красоту». В этом обрядовом действии видят различные значения. Так, например, Е.Г. Кагаров предполагал, что обрядовое купание невесты в бане является пережитком старинного ритуала бракосочетания с духом бани – банником – которому невеста приносила в жертву свою невинность. Н.Ф. Сумцов же полагал, что молодую купали в расчете сообщить ей здоровье и способность к деторождению. Но по этнографическим наблюдениям, более распространенное мнение среди старожилы, что это обряд очищения невесты перед переходом в другую жизнь, прощание с девичеством. Еще одно подтверждение ее перерождения, о чем уже говорилось. В бане невеста просит: «Расплетите мою косоньку, расчешите мою головонь-

ку...». И сопровождающие ее подруги или мать невесты расплетали ей косу, напевая грустные песни – «плачи», «причитывания» – отдельные куплеты исполняла сама невеста. «Милые мои девушки, и тепери я от вас отстала, и теперя я с вами не повращаюся» – Новикова Н.Н. с. Петропавловка. Тот же смысл перехода в другую полувозрастную группу, другую жизнь кроется в расплетании и заплетании волос. Они, как связь с космосом, являются неотъемлемым атрибутом многих обрядов. И в свадьбе действиям с волосами невесты придают большое значение. Как правило, под венец девушка идет с распущенными волосами. Но встречаются свидетельства, по которым невеста отправляется в церковь с одной косой (с. Антоньевка, казаки). Это выступает свидетельством ее относительной свободы в выборе дороги и действий. После она уже далеко не свободна. Две косы, которые ей заплетают при «окручивании», это символ двух половин, не полной принадлежности самой себе. Их плетение – это уклад семьи, которому она должна повиноваться. А платок, которые отныне будет покрывать ее голову – признак нового статуса.

Древние формы заключения брака трансформировались в некоторые элементы, исследуемого нами, свадебного обряда и приобрели игровой характер. К ним можно отнести: распивание молодыми одной чаши воды на двоих, связывание руки жениха с рукой невесты одной ленточкой, обмен венками, проведение свадьбы у реки. Данные действия были заменены венчанием, но как элементы свадебного обряда остались в игровой форме.

Важно подчеркнуть саму атмосферу свадьбы как охранный элемент. Помимо молодых важная роль на свадьбе была отведена «дружке» и «свашке», именно они следили за ходом обрядовых действий. Дружка управлял свадебным поездом и обеспечивал атмосферу веселья на празднике. Его образ сродни образу скомороха, а скоморошество на Руси существовало издревле. Атмосфера веселья и шума была призвана отгонять злых духов от будущей семьи. С этой целью созывалось много народа, часто не только родственники молодых присутствовали на свадьбе, а вся деревня. При этом у каждой группы гостей было свое назначение. Так, женщины готовили пищу. Например, свадебный пирог могли стряпать только замужние женщины из благополучных семей – это, как считалось, приносило счастье и благополучие в будущую семью. Удачливость семейной жизни передавалась хлебу, который в последствии давали есть не только молодым, но и незамужним, дабы те быстрее вышли замуж. Свадебный хлеб сочетал в себе множество символов. В древности он был олицетворением месяца или солнца, смотря какое из светил представлялось мужским началом. Иногда в нем заключалась мысль о браке солнца и земли. Свадебный хлеб также служил символом жениха и невесты. В рассматриваемый период в большинстве случаев он – символ «...оседлого и благополучного житья. Чуть не каждый шаг жениха и невесты сопряжен с ... расчетом наделить молодых обильным урожаем хлеба, что так необходимо для крестьянского семейного благополучия, чуть не всецело основывающегося на наличии насущного хлеба» (Сумцов Н.Ф., 1996).

Мужчины участвовали в игровых ситуациях в роли нечистой силы. Так, группа мужчин могла перегордить путь к свадебному поезду и всячески мешать его продвижению. Это олицетворяло злых духов, с которыми дружка, молодые и «поезжане» справлялись, дабы в настоящей жизни нечисть не стояла на пути у новобрачных. С той же предохранительной целью на упряжи лошадей вешали множество колокольчиков, которые своим звоном должны были отгонять все злое. Возможно, ту же функцию оберега выполняла и стрельба, производившаяся в воздух во дворе дома, куда перевозили молодых после венчанья.

На свадьбе, как правило, играла веселая музыка и устраивались продолжительные танцы. Сравнивая этот момент с предсвадебной баней и сопровождавшими ее «плачами», видим, что веселье знаменует рождение новой семьи и новый статус молодых. Это как раз доказывает, что свадебный обряд олицетворяет смерть и рождение в миниатюре. Считалось, что чем веселее и громче пройдет свадебное гуляние, тем спокойнее и благополучнее будет семейная жизнь молодых.

Не последнюю роль в данном обряде играют действия, связанные с переездом невесты в дом жениха и первой ночью молодоженов. Все имущество, принадлежащее непосредственно невесте, не учитывая недвижимую или скотину, заключалось в «сундуке» с личными вещами и «постели». Сундук вносился торжественно обычно братьями невесты, при этом они «его тянули, чудили». На пороге нового дома молодой останавливались и шуточно делали вид, что сундук слишком тяжел, отказывались идти дальше без определенного выкупа. Выкупалась так же и постель. В некоторых местах ее могла воровать «женихова родня». Порог, подобно печи некогда был предметом поклонения и жертвоприношения, в силу того обстоятельства, что вблизи него предполагалось обитание домашнего духа – покровителя семьи. Именно возле порога сосредотачивалось значительное число обрядов, имевших целью осветить и укрепить брачный союз, придать ему важное и нерушимое значение в межродовых отношениях. Постель, которую невеста готовила сама, как часть приданного, была символом будущего семейного счастья, воплощением умения будущей жены в семейной жизни, ее хозяйственности. Это место, где рождалась семья и ее будущее. Обычно «постелю стелила свекруха» или мать невесты, реже сваха или сама молодая. Примечательно, что для первой брачной ночи выбиралось место за пределами дома: сени, сарай либо сеновал. Видимо, наши предки считали таинство первой ночи, перехода молодых в другую половозрелую группу, нечистым.

Последний день свадьбы «тушили у жениха, зажигали солому». Но это более поздняя форма, а вначале сжигали «тещу» – куклу, набитую соломой. Значение этого элемента свадебного обряда не совсем ясно. Возможно это последнее оберегающее действие, основанное на очистительной силе огня, призванное уничтожить силы зла и нечистой силы, чтобы их не было в жизни новой семьи.

Описанные нами магические действия в ходе свадебного обряда имели под собой реальные основания, так как почти в каждом селе были люди, владеющие магией, которых боялись и уважали. Старожилы данной местности верили и верят в магию. Они свидетельствуют о таких явлениях, как порча коней свадебного поезда, с урок невесты и жениха и т.д., а также спасительной силе молитвы.

В настоящее время на исследуемой территории и в селах других районов, а также в городах, свадьба сохраняет свои основные структурные элементы – выкуп невесты, блины, мусор и др. – но они утрачивают свое первоначальное значение, их применение остается традицией и эстетической стороной действий.

Таким образом, анализ полевых материалов выявляет состояние свадебных обрядов второй половины девятнадцатого начала двадцатого века своеобразные напластования, появившиеся в результате сложных процессов заселения Алтая и развившихся позднее этнокультурных взаимодействий.

Свадебный обряд на исследуемой территории развивался на основе как общевосточнославянских традиций, так и компонентов, характерных позднее для центральных, северных и южных губерний России.

Научный руководитель – Л.А. Явнова.

В.П. Багдасарян

(Бийск, Бийский государственный педагогический университет)

Обряды при переходе в новый дом русских старожилов и переселенцев Алтая

В системе соответствующих восточнославянских поверий, построенный, но не заселенный жильцами дом становится отдельным (выделенным из остального пространства) объектом, которые еще, однако, не занял своего определенного места в положительном или от-

рицательном ряду универсальной классификации и не с помощью которой человек ориентируется в окружающем мире.

Собирая этнографический материал в экспедиции 1999 г. в Красногорском районе, было зафиксировано сообщение Килковой Клавдии Анатольевны (1918 г.). По ее словам построенный, но не заселенный новый дом является нечистым местом. «И жить там нельзя до тех пор, пока дом не освящен иконой, и кошка с домовым дружбу не завела». Всякий вошедший в дом «первым» по народному поверью «до году помрет», посему, когда входят в новый дом, то выпускают в него кошку (Байбурин А.К. Жилище восточных славян в обрядах и представлениях). В отдельных районах кошка заменялась черным котом, или петухом. Но всякий раз это было домашнее животное особо близкое человеку. По восточнославянским поверьям, кошка первой встречает своего хозяина на том свете и находится с ним до конца. Вообще, если взглянуть на восточную мифологию, то можно заметить, что кошка играет заметную роль в ней и выступает как защитник и лучший друг человека. Примером может служить древний Египет, Индия, Китай и т.д.

Вообще, входя в новый дом его будущие жильцы старались впустить вперед себя живое существо (кошка, курица, петух). Скорее всего, это животное, птица выступало в роли мистического двойника человека. Таким образом, животное ограждало своего хозяина от всего «нечистого», исполняя телохранителя, заступника семьи.

Непосредственному переходу людей в новый дом предшествует также ряд работ по переселению, приглашению «домового». Часто домовый переносился с углями очага из прежнего дома, принося в тепло и уют. Домовый по поверьям восточных славян мог быть перенесен и с домашним сбором и с иконами.

Переходя в новый дом, хозяин ходит ночью в старый, кланяется на все четыре стороны и приглашает домового пожаловать к себе. В подвальном помещении или на чердаке домовому ставится угощение: ломать хлеба с солью и чашка водки (Байбурин А.К. Жилище восточных славян в обрядах и представлениях).

Когда ломали прежнее жилище, брали икону, хлеб и вызывали домового: «Батюшка домовый выходи домой». Считали, что если домового не вызвать, он останется на развалинах и будет по ночам пугать своим криком. Особый ритуал приглашения домового объясняется представлениями о том, что «без приглашения домовый не покидает старого дома, и поэтому ему приходится вступать в спор с вновь пришедшим домовым. Не приглашенный домовый жалобно плачет и нередко мстит как прежнему, уже выехавшему, так и новому хозяину дома.

Номинация домового по описанию А.К. Байбурина: хозяин, дедушка, соседка, большак, хатник, дымовой, попечек, подарок и т.д. Отсюда складывается образ небольшого добродушного старичка, умеющего как помогать, так и наказывать хозяев дома.

С.М. Соловьев соотносит культ домового с культом предков, таким образом, предки охраняют потомков, он символ воплощения коллективного опыта отраженного в системе правил и запретов.

Таким образом, новое жилище приобретает еще одну важную смысловую соотнесенность: дом – домовый – предки – потомки. Домовый по поверьям строго следит за нравственностью членов семьи. Так, например известны рассказы о том, что домовый наказывает женщину, вышедшую во двор «простоволосой», а также нарушившую запрет прясть в пятницу. Он не терпит сквернословия, неприличного поведения. Домовый любит те семьи, в которых живут в полном согласии, и тех хозяев, которые в чистоте и порядке содержат свой дом.

Весьма специфическими являются белорусские поверья о домовых. «Белорус не только представляет себе домового в образе змеи, но даже и по происхождению считает его едва ли не змеей. Во время этнографической экспедиции 1999 года в с. Красногорском Килкова

Клавдия Анатольевна дала информацию, в соответствии с которой: «в дом пускают кошку с домовым познакомиться, затем икону несли, освятить нечисть выжить, ну и после уже квашню несли, чтоб в доме хлеб всегда был». Таким образом, переезжающие не только домового за собой звали, чтоб защитил семью от «напасти», но и вслед за кошкой несли икону для освещения дома и изгнания нечистой силы.

Научный руководитель – Л.А. Явнова.

Н.С. Кряжева

(Омск, Омский государственный университет)

Знак в традиционной культуре русских: полотенце как элемент погребальной обрядности

Общепризнанным является тот факт, что следы древнейшей духовной культуры сохраняются наилучшим образом в обрядах, в народных знаниях о потустороннем мире и так называемых малых формах фольклора (Панченко А.А., 1998, с. 29). Причина этого состоит в том, что в сложных жанрах фольклора зачастую этнографический субстрат (собственно ритуальная сторона) подвергается творческой переработке и отчасти подчиняется требованиям художественной системы. Представляется интересным, насколько же явно («чисто») возможно выделены эти древнейшие элементы духовной культуры. Рассмотрим это с точки зрения исследования погребального обряда.

Очевидно, что исторические изменения ритуала и фольклора неизбежно сопровождаются перестройкой функций, деформацией и самостоятельным воспроизведением символов, мотивов и даже сюжетов. В особенности это относится к религиозно-мифологическим представлениям и обрядовым действиям. В этой связи приходится сталкиваться с тем, что некоторый факт культуры, имея почти неизменную форму, утрачивает большую часть содержания: человек знает, зачем он совершает какое-либо обрядовое действие, но не знает, почему. Иными словами, цель есть (хотя и не всегда), а объяснения действиям нет.

Каждый элемент обрядового действия семиотически маркирован по отношению к своему реальному прототипу и тем самым уже вторичен. Предмет выступает в обряде не в своём практическом значении, а в «ритуальной функции». Это вторичное культурное значение реалии может сильно отличаться от её природных свойств и функций. Рассмотрим, каким образом это происходит на примере использования полотенца в погребальной обрядности. Применение полотенца в погребальной обрядности не сводится к одной особой функции. Имеет место комплекс функций, символическая связь между которыми угадывается весьма слабо.

Полотенце, вывешенное на воротах (возможны варианты), обозначает, что в доме есть покойник; там, где стоит вода для души и лежит хлеб в течение 40 дней, тоже находится полотенце; полотенце используется при поминках в той или иной функции; покойному в руки кладётся платок.

Гроб переносится и опускается на полотенцах, на дугу упряжи лошади вешается полотенце (ср. опускание гроба на вожжах), участники похоронной процессии вешают полотенце на руку или плечо; полотенце режется на части и отдаётся копальщикам могилы; полотенце привязывается на крест, оградки, забор на кладбище; полотенце непременный атрибут ритуальных одариваний.

Представленный перечень не претендует на полноту, в противном случае необходимо было бы включить в него также и использование всех видов полотна, тканых изделий, одежды, как покойного, так и его родственников и других. Шире речь может идти об использовании ткани в погребальном обряде, так как связь между отдельными видами тканых изде-

лий в обряде не вызывает сомнений. В некоторых из указанных случаев функции полотенца одинаковы, в других – разные. Анализируя представленные выше примеры использования полотенца в погребальной обрядности, можно выделить ряд таких значений.

1. Полотенце – знак смерти. Это значение имеет место в первом случае: полотенце вывешено на воротах, прибито к дому, др. Очевидно, что в такой ситуации полотенце обозначает именно смерть. Известен случай, когда жена копальщика могилы запретила мужу нести в дом полотенце, полученное им за работу (говорила «возьми, чтобы не обидеть, а в дом не носи»). Полотенце для информатора несёт негативную информацию, являясь знаком смерти. Такое отношение характерно ко всем предметам с кладбища (ничего нельзя домой нести с кладбища). Возможно, это же отношение переносится и на полотенце (оно тоже с кладбища), но полотенце может нести такую информацию и самостоятельно.

2. Полотенце – образец организованного пространства, порядка – в противовес хаосу, жизни – в противовес смерти. Этот чистый и правильный кусок холста оказывает помощь и защищает. Так, традиционно считалось, что лошади трудно вести покойника. Чтобы облегчить это, глава семьи целует лошади копыто и на дугу упряжи вешает полотенце (Зеленин Д. К., 1991, с. 350). Этот комплекс мер обеспечивает защиту и помощь. Если полотенце на дуге можно ошибочно принять за знак смерти, то полотенце в качестве поводев, безусловно, помогает в действии. Если полотенце на дуге осуществляет скорее функцию помощи, то в следующем случае – защиты.

Известно, что гроб несут на полотенцах (существуют варианты). Раньше для транспортировки гроба использовались пояса-опояски (шерстяные тканые ленты шириной 8-10 сантиметров с орнаментом). Иногда фиксируются случаи опускания гроба на вожжах. Между тем, и опояски, и вожжи в дохристианских представлениях выполняют функцию защиты (ср. пояс на умершем). Применение пояса как средства защиты, вероятно, не требует пояснения. Вожжи представляют собой, как и пояс, некую грань опасности. Так, беременная женщина не должна переступать через них. А при трудных родах, вожжи могут, напротив, облегчить их. Можно сделать предположение, что, как опояски выполняют функцию защиты носильщиков от покойника, так и позднее этой способностью обладает ткань – полотенце. Таким образом, полотенце защищает живых от покойного и того мира. Д.К. Зеленин отмечает, что гроб укрывали полотенцем (Зеленин Д. К., 1991, с. 350). Все участники похоронной процессии были подвязаны или несли на руке полотенце (Шангина И. И., 1984, с. 204).

Аналогичны функции обыденного полотенца как средства защиты. Символизируя порядок и чистоту, полотенце, сотканное за одну ночь, не успевает утратить свои чудесные свойства и помогает от болезней людей и скота. Полотенцем перевязывали ворота, когда несли гроб на кладбище, чтобы смерть не вернулась в дом (Маслова Г.С., 1984, с. 94).

Итак, полотенце выполняет функцию защиты и помощи, что, казалось бы, противоречит первой функции – функции знака смерти. Один и тот же предмет обладает противоположными значениями.

3. Полотенце – ткань – дорога. Душа по полотенцу приходит из того мира в этот. На нём она находится и отдыхает. В поминальные дни на пол стелили холст от дверей до угла, где стояла кутья, хлеб, вода и висело полотенце. Это делалось для того, чтобы души умерших приходили по ткани-полотенцу. Частично подобное значение имеет и полотенце на дуге упряжи. Речь идёт о дороге из среднего мира в низший, а на примере свадебной обрядности – о дороге из среднего мира в высший (брак заключается на небесах). Как и в случае с противопоставлением значений полотенца (смерть – жизнь) присутствует противопоставление функций (дорога в низший мир – дорога в высший мир).

4. Полотенце – полотенце. Эта функция имеет место, когда полотенцем утирается душа после умывания или вытирает слёзы; покойному даётся платок в руку, чтобы он мог вытереть слёзы на том свете или по пути туда.

Труднее определить ритуальную функцию полотенца в обычае ритуального одаривания – «первой встречи», хотя, вероятно, имеет место некая связь между второй и четвёртой функциями: считается, что полотенце получить хорошо, оно приносит счастье. Труднообъяснимо привязывание полотенца к кресту. Известно, что украинцы привязывали полотенце к кресту только на мужских могилах, как военный флаг у казаков (Зеленин Д.К., 1991, с. 351).

Как видно, один и тот же предмет имеет несколько ритуальных функций. Если одни из них (вторая и четвертая функции) связаны с физическими свойствами полотенца, то в других случаях такая связь прослеживается слабо.

Таким образом, прослеживаются полифункциональность использования полотенца в погребальной обрядности, то есть присутствие ряда различных функций, не всегда соотносящихся между собой. Интерес может представлять также проведение параллелей между значениями -функциями полотенца в погребальной и свадебной обрядностях, как обрядах перехода из одного мира в другой, смены социального статуса. На мой взгляд, именно поэтому перспективно изучение всех ритуальных функций предмета в комплексе.

Научный руководитель – к.и.н. М.Л. Бережнова.

Л.Б. Герасимова

(Омск, Омский государственный университет)

К характеристике брачных связей русских крестьян Среднего Прииртышья (последняя треть XVIII – начало XX в.)¹

При обращении к изучению этнической истории русских крестьян Среднего Прииртышья брачные связи населения и их особенности представляются важным свидетельством для характеристики этнических процессов. Изучение семейно-родственных связей помогает в восстановлении истории развития групп населения и определении однородной территориальной общности, охватывающей одно или несколько селений (Липинская В.А., 1985, с.65).

На территории Западной Сибири сформировались две крупные группы русского крестьянского населения: старожилы и переселенцы. В литературе нет четкого определения этих двух групп русского крестьянства по времени переселения (Бардина П.Е., 1995, с. 15-18; Громыко М.М., 1986, с. 34). Мы придерживаемся мнения о разделении старожилов и переселенцев серединой XIX в. Нами для анализа было выбрано четыре населенных пункта Среднего Прииртышья, в которых проживают обе группы русского крестьянского населения. Это – с. Бергамак и с. Мыс Муромцевского района Омской области, с. Могильно-Посельское и дер. Могильно-Старожильская Большереченского района Омской области. Данная работа основана на архивных материалах переписей населения конца XVIII – XIX вв. и генеалогических опросов, собранных в экспедициях 1982, 1996-1999 гг. Также к подготовке тезисов была привлечена литература по данной теме.

Брак определялся христианской церковью как таинство. Бракосочетание можно было совершать лишь в церкви, но для Сибири было сделано исключение – венчание могло проводиться и в часовнях, т.к. многие селения находились далеко от приходских храмов. Относительно возрастных ограничений для вступающих в брак до 1774 г. священники не имели четкого руководства. Кормчая книга – главный источник русского брачного права, прообраз кодекса о браке и семье – устанавливала минимальный возраст для жениха – 15 лет, для невесты – 13 лет. Позднее, в 1830 г., вышел закон, устанавливающий минимальный возраст для жениха – 18 лет, для невесты – 16 лет. Максимальный возраст вступления в брак по указу Синода от 12 декабря 1744 г. был 80 лет, «ибо брак от Бога уставлен есть ради умножения

1 Работа подготовлена при финансовой поддержке РГНФ, грант № 00-01-00385а

рода человеческого, чего от имеющегося за 80 лет надеяться весьма отчаянно» (Миненко Н.А., 1979, с.174-175).

Кормчая книга исключала браки между родственниками не только по прямой, но и по боковой линиям (до седьмой степени включительно). В целом, крестьяне придерживались этого запрета, но при генеалогическом опросе нами был выявлен случай, когда в с. Мыс у информатора Кокшеневой (Лисиной) Марии Ивановны мать матери и отец матери были между собой родственниками (дядя и племянница), и поэтому их отказался венчать приходской священник, тогда «они заплатили деньги, и это было уже вроде как не грех». Иногда в таких случаях венчались в другом приходе.

Запрещались браки и между свойственниками – до шестой степени включительно. Препятствием к вступлению в брак служило также родство духовное (или кумовство), основанное на восприятии от купели при крещении (до седьмой степени включительно). Но в первой половине XIX в. Синод издал постановление, согласно которому разрешался брак между родственниками по восприятию, но всякий раз при заключении таких браков требовалось получить согласие на брак епархиальных властей.

В брак разрешалось вступать не более трех раз. Причем третий брак вдовцу или вдове дозволялся только в том случае если ни от первого, ни от второго не было детей. По данным архивных материалов исследуемого населения нами не было найдено сведений о третьих браках. Сведения о повторных браках указываются только в материалах 5-й ревизии (1795 г.), в остальных материалах о вторых браках можно судить по такой формулировке как «дети от 1-й жены», «дети от 2-й жены».

В дер. Могильно-Посельской по 5-й ревизии мы встретили 11 свидетельств о повторных браках. Три случая свидетельствуют о мужчинах, взявших вторых жен после смерти предыдущей и восемь случаев – о повторных браках женщин, у которых умерли мужья. В трех из них женщины вышли второй раз замуж в своей же деревне и в пяти – в другие: в Карасукскую волость Омской округи; Баженовскую волость Омской округи; в дер. Артынскую, Буганскую, Копьеву.

Материалы ревизий свидетельствуют о том, что в конце XVIII – первой половине XIX в. в семьях крестьян Западной Сибири обоим супругам почти всегда было около 20 лет (Бояршинова З.Я., 1967, с.51; Миненко Н.А., 1979, с.181). Так, в исследуемых селах Среднего Прииртышья по материалам 1782 г. из 180 брачных пар только в трех случаях оба брачные партнера имели менее 20 лет и в четырех случаях один из супругов (во всех парах – жена). Таким образом, в вышеуказанных населенных пунктах в 1782 г. было только 10 человек, вступивших в брак ранее достижения ими 20-летнего возраста. В то же время, зафиксировано немало неженатых и незамужних детей в возрасте 16-20 лет. Исследователи объясняют позднее заключение браков экономическими причинами и считают, что браки малолетних у сибирских крестьян не являлись нормой, а вызывались всякий раз какими-то экстраординарными обстоятельствами (Миненко Н.А., 1979, с.185-187).

В исследуемом районе преобладали браки ровесников и лиц со сравнительно небольшой разницей в возрасте. По данным архивных материалов 1782 г. между ровесниками или супругами с небольшой разницей в возрасте (1-5 лет) было 109 браков из 180. На втором месте стояли браки с разницей в возрасте между супругами в 6–10 лет – их было 41 от общего числа браков. В отдельных случаях разница в возрасте жениха и невесты была довольно значительной. Например, в слободе Бергамакской (сейчас с. Бергамак) было два брака, разница между супругами в которых составляла 53 и 31 год. Такое происходило в случае, если у одного из супругов это был второй брак.

Продолжая анализ характера и состава брачного круга жителей, приходится отметить, что у крестьян данного района преимущественное распространение имели внутрисословные браки, что прежде всего, связано с односословностью крестьянской деревни. Встреча-

ется лишь несколько случаев, когда крестьяне брали жен из другого сословия – из монастырских крестьян, казачьих дочерей, ямщицких дочерей, но при этом обязательно указывалось «взята с воли», т.е. по своей воле и разрешению родителей.

С середины XIX в. русское крестьянское население Сибири уже повсеместно вступало в брак со своими ровесниками или с людьми разница в возрасте с которыми не превышала 3-5 лет. Средний возраст вступления в брак составил 20-25 лет, в связи с тем, что к этому времени основное население Сибири уже сложилось и имело однородную социальную структуру – все крестьянское население Сибири перешло в категорию государственных крестьян.

Браков русских крестьян с представителями местных народов нами в материалах ревизий и переписей встречено не было, что, видимо, обусловлено разницей в религиозных верованиях.

Н.А. Миненко, рассмотрев круг брачных связей русских крестьянских семей в XVIII в., пришла к выводу о значительной экзогамии русских Западной Сибири (Миненко Н.А., 1979, с.195). Мы согласны с этим утверждением и считаем, что это происходило по нескольким причинам: 1) в связи с тем, что русское крестьянское население в это время еще осваивало территорию Среднего Прииртышья и размеры селений (и соответственно количество населения) были не очень большими, что исключало возможность заключения большого количества браков в одном селе; 2) при создании новых деревень, часто основателями являлись родственные семьи, что вынуждало искать брачных партнеров в других населенных пунктах; 3) при переезде с прежнего места жительства на новое, какое-то время оставались связи с местом выезда и соответственно сохранялись традиции брачевания с населенными пунктами, входящими в прежний брачный круг.

Судить о брачных кругах русского крестьянского населения Среднего Прииртышья середины XIX в. по материалам 9-й ревизии (1850 г.) не представляется возможным, так как в материалах не указывалось, откуда были взяты жены. Мы полагаем, что по мере потери связей с местом выхода, разрастания селений, приселении все новых людей, не являющихся на данном этапе родственниками, брачные круги становились более замкнутыми, создавался новый брачный круг деревень.

По материалам генеалогических опросов, собранным в ходе экспедиционной работы мы охарактеризовали круг брачных связей конца XIX – середины XX в. Браки уехавших в города нами не учитывались. Так в с. Бергамак большинство браков – 37 из 62 были заключены в своем селе, 8 – с дер. Лисино, которая находится в 3 км от Бергамака, 5 браков – с дер. Окунево, расстояние до которой 12 км. В с. Мыс 59 из 108 браков были заключены в своем селе, по 8 браков с дер. Самохвалово и Дурново, которые находились в 5-12 км от с. Мыс. В с. Могильно-Посельское и дер. Могильно-Старожильское браков внутри своего населенного пункта и друг с другом было практически равное количество. Это связано с тем, что деревни срослись и стали фактически одним вытянутым в длину селом.

Из приведенных фактов можно сделать выводы относительно брачных контактов русского крестьянства Среднего Прииртышья. Во-первых, каждое поселение образует свой круг деревень, между которыми браки ввиду их территориальной близости предпочтительны. Во-вторых, сравнивая данные последней трети XVIII в. и данные конца XIX – начала XX в., можно отметить движение к образованию браков внутри одного селения, что во многом связано с массовым притоком переселенцев в изучаемый район в конце XIX в. и, следовательно, с возможностью заключать браки с новыми людьми, пока не входящими в круг родственников.

Научный руководитель – д.и.н. Н.А. Томилов.

Е. Басалыгина

(Барнаул, Барнаульский государственный педагогический университет)

Свадебный обряд в первой трети XX века: по материалам полевых исследований в селах Ермачиха и Корчино Мамонтовского района

Села Ермачиха и Корчино были образованы в первой половине XVII века. В этих селах выделяются этнографические группы старожилов и переселенцев. Группа старожилов в селе Ермачиха состояла из старообрядцев и сибиряков, группа старожилов села Корчино состояла только из двоеданов (одно из согласий старообрядцев). Массовые переселения в эти села начались в 80-х годах XIX века. Основная масса переселенцев в них прибыла из Курской, Рязанской, Орловской и Пермской губерний. В начале XX века сюда также стали прибывать переселенцы Черниговской, Волынской, Херсонской губерний, которые образовали группу «хохлов».

Культурный обмен между переселенцами и старожилами в этих селах был затруднен, так как эти группы проживали изолированно – по разные стороны реки и поэтому там сохранились два варианта свадьбы: «старообрядческая» и «православная». Первый вариант являлся культурной традицией группы старообрядцев, а второй сформировался под влиянием традиций переселенцев из Курской и Рязанской губерний.

Информаторы назвали ряд отличий и сходных черт этих двух типов свадеб. Первым этапом, который предвещал свадьбу, был выбор пары. На гуляниях, праздниках молодежь приглядывалась, каждый выбирал себе пару. У православных на вечерки и гуляния ходили старики, подглядывали, выбирали хорошую, «породистую» девку, которая подходила им по материальному положению. У старообрядцев, по сообщению Е.А. Веретельниковой (1918 г.р. с. Корчино) брали и богатых и бедных – «А раз полюбилась ты мне, судьба ты моя и все». Единственный запрет был наложен на браки с «мирскими».

На следующем этапе, после выбора невесты, начиналась процедура сватовства. Иногда она повторялась несколько раз, пока родители девушки не соглашались. После сговора назначали день свадьбы и созывали девичник. И у «никониан» и у старообрядцев длительность девичника зависела от времени, которое затрачивали на подготовку приданного и, обычно, он проходил от одной до двух недель. При этом необходимо учесть, что приданное будущей невесте начинали готовить с детства. На девичнике девушки собирались и вместе шили, вышивали, вязали и при этом пели песни. В с. Ермачиха наиболее популярной была песня «От пенечка до пенечка». Вечером на девичник приезжал жених с друзьями. Подружки выходили навстречу жениху с блюдцем, на котором стояла стопочка с вином. Одна из подружек подходила к жениху, кланялась и говорила: «Вас со стопочкой, нас с золотой денежкой». «А жених не берет стопочку, ему надо целоваться. Он с подружкой целуется, потом берет стопочку и опять ставит. И так пока все девки его не поцелуют. Затем он начинает пить и говорит: «Не сладко, горько – надо подсластить», – и девки опять его по очереди его целуют. Потом он выпивает и кладет на блюдце денежку. После этого выходила невеста, брала его за руку и сажала рядом с собой» (Пирязева А.И. 1918 г.р. с. Ермачиха).

На приданное невесте готовили все что пригодится в повседневной жизни. Размер приданного зависел от достатка семьи невесты. У кержаков обязательно должны были приготовить рушники, полотенца, настольник, то есть скатерть, насильник (решетчатая ткань для сита), квашенник (полотно с вышитыми краями для укрывания квашни). Все обязательные предметы приданного старообрядцев были связаны с древними обереговыми предметами и имели сакральное назначение.

После девичника начиналась сама свадьба, которую предвещало венчание. Свадьбы обычно гуляли зимой, в мясоед. Начало свадьбы у переселенцев и старообрядцев с. Ермачиха и Корчино имело ряд различий. Православные приезжали за невестой днем на подводе

с ряжеными. А старообрядцы приезжали рано утром, затемно на кошеве, в которую стелили специальный ковер, вышитый с двух сторон. В первый день его клали одной стороной вверх, во второй – другой и при этом на нем укладывали подушки.

В отличие от старообрядческого варианта в православных семьях при приезде жениха за невестой ее подружки пели песню «Батюшка, батюшка, женихи то едут», то есть иносказательно свадьба рассматривалась как «вечная кабала в чужой семье». Видимо поэтому проигрывалась так тщательно ситуация «несогласия» девушки. Первый день свадьбы традиционно проходил дома у жениха. У старообрядцев обязательно на первый стол делали из белой муки косу, которую очень тонко заплетали и завязывали ленточкой.

На второй день старообрядцы шли к теще на блины, так же в этот день подавали пельмени. Заканчивалась свадьба «сороками». Гости привязывали на себя крылья и с шутками и прибаутками как бы выгоняли невесту из дома отца в дом жениха.

Несмотря на названные различия в этих двух вариантах свадеб, оба они являлись вариантами общерусского свадебного обряда и в них соблюдены все этапы, характерные для него. Но в старообрядческом варианте сохранилось больше следов древних культовых действий.

Вместе с тем сравнение записанных вариантов свадеб с обрядом, зафиксированным С.И. Гуляевым в середине XIX показывает, что в описываемых нами свадьбах произошло значительное обеднение культурных традиций.

Научный руководитель – к.и.н. Т.К. Щеглова.

А.В. Зинченко

(Барнаул, Барнаульский государственный педагогический университет)

Календарно-магическая обрядность: некоторые отличия между старообрядцами и мирскими на территории Алтайского края

Праздничный народный календарь, сложившийся на сезонности и ритмичности сельскохозяйственных работ в древности, к 30-м гг. XX в. оставался единым для всех этнокультурных групп населения Алтайского края. Имеющиеся же особенности календарно-магической обрядности были обусловлены, в первую очередь различиями религиозных традиций, психологического склада, мировоззрения и миропонимания этнографических групп. Задача автора – выделить зафиксировать замеченные особенности и попытаться определить причины их на примерах некоторых праздников, составленных по устным интервью в разных регионах, в разных этнографических группах (1995 г. — Усть-Калманский район, 1996 г. — Тальменский район, 1997 г. — Усть-Пристанский район, 1998 г. — Залесовский район, 1999 г. — Заринский район, 2000 г. — Мамонтовский район).

Святочный цикл календарной обрядности: с 7 января (Рождество) — 19 января (Крещение) по новому стилю. На Святочный цикл приходился Новый год (по традиционному календарю — Васильев день). Для всех было характерно смешение языческих и христианских праздников: с одной стороны «ряшение», «машкерование», «шуликования» в святочные вечера, особенно на рождество, Новый год, а с другой стороны пели рождественские славильные песни. Одна из них записана со слов Е.М. Кузьминой (1928 г.р. с. Покровка Мамонтовского района).

«Рождество твое Христи-боже наш,
Воссия мира и свет разума,
Небо звездою, с лучашейся,
И звездою, в лучах,
Тебе кланится солнце-правда,
Тебя видим с высоты востока,

Господи слава тебе!
Диво в дни пречисты нега рождается,
И земля вертепному, преступному приносит,
Ангеле с пасторами слословят,
Волхвы со звездою путешествуют,
Наш бог род – родися
Вот, плачем, радость предвечна и Бог
Здравствуй хозяин с хозяйшкой
Со скотом с животом
С праздником Рождеством!»

Значение этих и тех и других действий включали пожелания добра, здоровья, хорошего урожая. В первую очередь это свидетельствовало о земледельческих корнях народа-пахаря (ратника). Об этом говорит тот факт, что в с. Михайловке, Усть – Калманского района, например «посыпали пшеном». Также большое внимание уделялось хозяйской скотине, так как до принятия христианства скотоводство имело большое значение в деле обеспечения продуктами питания. Одна из колядок о скоте записана со слов Е.Б. Сосниной (1914 г.р. с. Анисимово Тальменского района).

«Здравствуйте хозяин с хозяйшкой!
Открывайте сундучки, подавайте пяточок
Если нету пяточка, то корову за рога!»

Или «У быка рога, у попа два пирога – один мне!» (А.И. Ачкасова, 1911 г.р., с. Пещерка Залесовского района). Это должно было означать, что если славильщику будет угощение, то скотине — здоровье и приплод, и наоборот. В Заринском районе встречено описание святочной «морды», сделанной из тыквы. (Описывает В.Я. Афанасьева, 1915 г.р., с. Жуланиха). «Решеным» (ряженным) от всех хозяев дома доставалось вознаграждение: детям угощения и мелкие деньги, взрослым порция спиртного: «Стопочку вина, стакан пива» (А.И. Ачкасова). Традиционными для молодежи всех этнографических групп были на святки гадания. В зафиксированных вариантах наиболее распространенным временем было гадание под Новый год (Мамонтовский район, с. Покровка, Залесовский район, с. Пещерка). Кроме широко распространенных видов, таких как гадание со свечами, водой, обручальными кольцами, валенками и т.д. встретились и более древние варианты, которые не используются в современных гаданиях молодежи. Например: «С собой клюку берешь, на росстани ложишься, слушаешь — то ли звон колокольный — помереть значит» (А.И. Ачкасова). Также одним из интересных гаданий являлся вариант гадания на кирпичах, нагретых в бане, которые опускались в колодезь. Брали их три штуки: на свекра, свекровку и на мужа, и по тому, как они шипят, булькают — определялась ворчливость будущих родственников и сравнивалось, кто более несносен. Данные интервьюеры принадлежали к группе православных, или мирских. Родители этих респондентов «россейские».

Вместе с тем существовали значительные отличия святочного цикла между православными и старообрядцами, особенно в отношении к ряжению и гаданиям, как они говорят, что в их селеньях не было замеченных в «рятении» и гаданиях. Тем не менее, угощения для «шуликанов» делались специально, и их вознаграждали. (М.Л. Бубенчикова, 1920 г.р. с. Покровка Мамонтовского района). Также особенностью было и то, что первый день Рождества (а так же Пасхи) не разговлялись: «а мы на Рождество, на первый день сковородами не брякаем» (Н.Г. Стрелева, 1918 г.р. с. Покровка Мамонтовского района). Это объяснялось так: «Исуса Христа на сковороде печь, жарить. Исуса Христа распяли, он ничего не ел — его не кормили».

Крещение — один из самых важных праздников календаря, завершающий святочный цикл. Картина этого праздника также сходна у различных групп населения (нико-

ниан и старообрядцев). Однако есть различия, которые зафиксированы нами в селе Покровка Мамонтовского района. Однако они оба относятся к более позднему периоду, его можно назвать «подпольной жизнью верующих» или тайной скрытой жизни после коллективизации и практики репрессий не только против церкви как организации, но и веры как мировоззрения и личного дела каждого. Кроме того происходили они в селе, образованном в начале XX в. в стороне от рек и озер, с искусственными источниками водоснабжениями, со смешанным населением. В 30-е гг. у православных и старообрядцев с. Покровки Мамонтовского района существовало два способа освещения воды. Никониане, в результате уничтожения церковной организации, оставшись без священников, вынуждены были справлять праздники самостоятельно, без духовных лидеров. А старообрядческая группа с. Покровка во главе с наставником сохранила свою организацию и перевела религиозную жизнь в невидимую для администрации форму. Поэтому православные считали, что в реках, других водоемах, колодцах вода святая только по самому факту праздника и молитв старых людей являлась священной. А старообрядцы сохранили обряд освящения воды. Для этого ее набирали в емкости и приносили в молельный дом: «всю ночь молятся, а вода светится» (Е.Ф. Яковенко, 1925 г.р.). Сохранению этого обряда способствовала и традиция крестить и святить воду «в кадучках», так как вода в селе была только в колодцах и традиции «ердани» в проруби не существовало. Вторым отличием в описании праздника Крещения интервьюеры, выходцы из старообрядческих семей, в первую очередь называют всеобщую молитву (для других праздников также на первом месте молитвы), а уже потом ритуалы, например рисование крестов на окнах и дверях. Тогда как миряне, наоборот, увлекались внешней стороной праздника. Возможно, моление и такой подход к вере и стал той основой, которая объединила различные толки старообрядчества, исторически объединенные в этом селе, а это представители и «австрийцев», и «двоеданцев», и «кержаков».

В заключении необходимо сказать, что зафиксированные различия очень условны, так как в описываемый нами период происходит смешивания этих групп населения, православных (мирян) и старообрядцев. Поэтому и процесс стирания различий также очевиден. Показателен в этом случае пример Кузьминой Елизаветы Максимовны, 1928 г.р., которая была одной из двух православных невесток своей старообрядки-свекрови. Она долгое время жила вместе со свекровью и в ее мировоззрении прослеживаются представления, принятые ею от матери-православной, вместе с тем она соблюдает ряд положений, которые у православных являлись не всегда соблюдаемы, а у старообрядцев — обязательны. Например, она соблюдает воскресенья (каждое) как большой праздник со строгим запрещением работы в любых видах и соблюдает постные дни недели и «среду и пяток», что более характерно для старообрядческих групп населения. Такие смешанные семьи были повсеместным явлением в 30-е годы. Нельзя говорить о том, что старообрядцев всегда легко принимали в семью мирян, как в случае с Е.М. Кузьминой. Формы сопротивления были, например, из рассказа Квашниной Марфы Романовны, 1907 г.р., следует, что старообрядцы родители (свекр со свекровью) не ели с семьей, а ели отдельно. Подобные меры были направлены на сохранение их собственной чистоты и негреховности. Но уже в 30-е гг. такая непримиримая позиция была характерна для старшего поколения, а у последующих не предотвращала неизбежного смешивания традиций, совместного общения в быту.

Вместе с тем, отмеченные различия показывают, что основой их являлось разная степень сохранения языческих пережитков. Старообрядцев были более непримиримы к их проявлениям (ряжения и гадания). Их праздники отличали длительные моления, аскетичность, приверженность древнему православию, приверженность христианству.

Научный руководитель – к.и.н. Т.К. Щеглова.

И.С. Бреус

(Омск, Омский государственный университет)

**Правовой плюрализм: нормы государственного и обычного права
в русской сибирской деревне (к постановке проблемы)**

В сферу интересов юридической антропологии, направления на стыке юридической и этнографической наук, входит решение вопроса о существовании такого явления как правовой плюрализм. Правовой плюрализм предполагает сосуществование двух или более правовых систем в одном социальном поле (Бабич И.Л., 2000, с.116). Данным явлением, в первую очередь, заинтересовались исследователи, обратившиеся к изучению правовой ситуации у кавказских народов, где нормы традиционного права имели и имеют достаточную силу, порой отодвигая на второй план государственные законы. Но можно ли взглянуть через призму правового плюрализма на русскую деревню в Сибири в XIX- начале XX века?

Чтобы ответить на этот вопрос надо, прежде всего, определиться с тем, существовало ли несколько правовых систем в сибирской деревне. Можно выделить две такие системы: официальное законодательство и обычное право. Что касается законов, то здесь картина довольно ясна: существуют различные правительственные акты, которые и позволяют нам говорить о государственном регулировании тех или иных сфер крестьянской жизни. Как же быть с обычным правом, имело ли оно место вообще? О его существовании могут говорить следующие факты. Во-первых, существуют свидетельства ученых второй половины XIX века, которые изучали проявления обычного права и опубликовали значительное число работ. Во-вторых, существуют сведения о специальных правительственных комиссиях, которые занимались исследованием обычно-правовых норм в XIX веке. Их деятельность была во многом вызвана подготовкой и проведением крестьянской реформы (Лавров В.В., 1996, с. 117). В-третьих, материалы современных этнографических экспедиций дают информацию о том, что еще в начале XX века сибирские деревни часто собирались на сход по самым разным вопросам и руководствовались, прежде всего, нормами обычного права. Таким образом, на вопрос о существовании нескольких правовых систем в сибирской деревне можно ответить утвердительно.

Казалось бы, ситуация ясна. Существуют две правовые системы, а, следовательно, именно правовой плюрализм как исследовательский подход позволяет рассмотреть как эти системы взаимодействуют и почему обычное право сохраняло достаточно серьезные позиции. Но здесь-то и возникают сложности, о которых нельзя забывать. Прежде всего, это источники. Может ли исследователь предугадать, какие материалы позволяют судить о той роли, какую играли законы, а какую обычно-правовые нормы? Можно взять, конечно же, свод законов и попытаться найти те сферы, которые не оговорены официальными нормативными актами и сделать вывод о том, что эти сферы и являются местом приложения норм обычного права. Однако такой подход видится достаточно формальным, ведь совсем не обязательно, что обычное право не могло регулировать те сферы, которые были оговорены законами. Более того, некоторые полевые материалы свидетельствуют о столкновении норм государственного и обычного права, когда наказанию со стороны властей подвергали деревенских старост за то, что они решали какие-то вопросы «своим судом». С другой стороны, в «Общем положении о крестьянах» признавались «местные обычаи», когда дело касалось имущественно-наследственных дел, опекунов, организации структуры суда и судебного процесса (Крюкова С.С., 2000, с.91). Можно ли в таком случае говорить об обычном праве или признании властью определенных местных обычаев делает их уже актами государственного законодательства или, другими словами, является ли санкционированный государством обычай нормой обычного права? Данная проблема еще ждет своего разрешения.

Но вернемся к источникам. Найти свод норм обычного права нереально, так как обычное право – право неписаное. Отсюда и проблемы с реконструкцией обычно-правовых

норм. Полевые материалы дают представление о структуре обычного права, но малоинформативны в вопросе о его взаимодействии с официальным законодательством.. Что касается архивных материалов, то работа с ними – это тяжелый и кропотливый труд, результаты которого предугадать сложно. Пока речь шла только о трудностях и проблемах, а если какие-то светлые моменты и перспективы работы в этом направлении?

Все же можно надеяться на некоторые успехи в реконструкции норм обычного права. Прежде всего, огромное значение в процессе реконструкции имеют результаты деятельности комиссий, которые занимались изучением обычного права исследования авторов XIX века посвященные этому вопросу. Сопоставление этих данных с материалами этнографических экспедиций должно дать неплохой результат, который уже позволит говорить о влиянии обычного права на жизнь сибирской деревни при существующем официальном законодательстве.

Взаимодействие этих правовых систем на уровне деревни позволит по-новому взглянуть на жизнь сибирского крестьянства, на правовой аспект ее. Открывается возможность посмотреть на правовое сознание крестьян, на причину существования обычно-правовых норм и неприятие некоторых законов.

Научный руководитель – к.и.н. М.Л. Бережнова.

Б.Б. Пушкарев

(Барнаул, Барнаульский государственный педагогический университет)

Психологический аспект взаимоотношений этнографических групп на территории Алтайского края в первой трети XX века

В начале XX века на территории Алтайского края сложился пестрый в этнографическом плане состав населения. В зависимости от времени переселения и мест исхода, на территории Алтайского края выделяется несколько этнографических групп, каждая из которых имела своеобразные культурные черты: сибиряки, старообрядцы различных толков, хохлы, мордва и множество групп из средне – южнорусских губерний и Урала, среди которых преобладают курские, пермские, рязанские, вятские, орловские и др. В условиях тесного проживания происходило их культурное взаимодействие, на основе которого сложился информационно-культурный пласт, частично дошедший до нашего времени.

Одной из сторон взаимодействия этнографических групп был психологический аспект, который включал несколько моментов: психологическая установка; формирование стереотипов, возникших под влиянием социально-экономических условий; превращение значимых культурных отличий в знаковую форму и выражавшихся, в прозвищах, поговорках, жизненных историях.

Психологическая установка проявлялась в основном в неприятии старожилами, а в особенности кержаками, переселявшихся крестьян из Европейской части России. С их позиции они являлись как бы представителями другого мира под общим названием «расейские», претендующими на их собственность, и нарушающими их спокойствие. У старообрядцев такая установка дополнялась религиозной нетерпимостью, основанной на обиде за притеснения после реформ Никона. «Мирские взяли над нашими старообрядцами большую волю. Они издевались над нами по страшному, детей жгли на кострах» (Веретельникова Е.А. 1918 г.р. с. Корчино). Первичной причиной такой установки было то, что никониан считали отступниками от истиной веры, променявших ее на более легкую. «Когда пронохали в Росси, Украине, что в Сибири земли много и начали ехать, а старообрядцы этому противились, потому что у них вера другая» (Веретельникова Е.А.). А уже на втором месте стояли экономические интересы: «Если на покосе рвали ягоды – он засечет бичем и ничего ему не было, свои права у них были» (она же).

После вмешательства властей, старообрядцы, вынужденные принять переселенцев ставили свои условия для закрепления в селе. В среде пожилых крестьян Мамонтовского района записана легенда: «Если не успел за один день поставить дом и пустить дым, они приходили и разламывали все, а могли и выгнать из села». Однако в некоторых легендах сильные переселенцы дали кержакам отпор, после чего все начинали спокойно строиться и не бояться грозных соседей. Так формировалось психологическое противодействие кержакам, которое сплачивало группы переселенцев и способствовало более быстрому размытию границ их культурных различий. Переселенцы кержаков, считали даже другим народом, нацией – «Был такой старинный народ – кержаки» (Логвинов И.Т. 1918 г.р. с. Ермачиха). Последствием такой психологической установки являлась самоизоляция группы старообрядцев, что позволило ей долгое время сохранять в неприкосновенности свои культурные особенности.

Переселенцы, приехав на новое место часто становились дешевой рабочей силой для старожилов. Отношения на экономической почве также были сложными и неоднозначными и влияли на формирование психологических отношений возникших на основе культурных и религиозных особенностей. При анализе интервью мы выявили, что респонденты проводят простую градацию – старожилы по их сообщениям являются в основном богатыми, а переселенцы – бедными, которых нанимают на работу. На этой основе складывались стереотипы о старожилах как о скупых и жадных. «Богатые в основном жили за речкой (сибирский край – прим. автора). Мужик там был богатый, жадный, скупой, кормил работников плохо, а сам босиком ходил, в плохой одежде» (Мерлинов П.Е. 1922 г.р. с. Корчино). Напротив, в группе сибиряков в отношении переселенцев возник стереотип «лапотников, бедняков». В селе Ермачиха Мамонтовского района существует легенда о том, как шедшего в лаптях по улице мужика догнали сибиряки и убили, так как считалось, что в лаптях переносится холера.

Но экономических отношениях большое значение приобретал личностный фактор, ибо благополучие зависело в сибирских условиях только от трудоспособности и хозяйственности человека. Поэтому в оценках респондентов часто отсутствуют такие крайние стереотипы, и проявляется более взвешенная позиция, к тому же согласно материалам с/х переписи 1917 года (ЦХАФ АК Ф. 233. Оп. 1. Д. 127-133) хозяйственное положение старожилов можно оценить ниже среднего. Видимо преувеличение зажиточности складывалось в среде переселенцев сразу после прибытия на место поселения, когда они по сравнению со старожилами обладали минимумом имущества и инвентаря. И в силу ряда причин сохранялись длительное время.

Психологические стереотипы культурно-бытового уровня отличаются большим разнообразием, но не одинаково затрагивают этнографические группы. Наиболее выраженные, нетипичные стереотипы наблюдались у группы старообрядцев по отношению к мордве. «Они (кержаки), считали себя чистотельми, вроде как были лучше. Брезговали, не брали мордочек в жены – родители не разрешали, оскорбляли, и мордва тоже хорошие были, только оскорбляли по мордовски. Старались не прикасаться к скобе на двери, когда ее трогали мордовцы – привязывали к ней веревочку и за нее открывали» (Усольцева Н.П. 1931 г.р. с. Новокрасилово). Такое отношение было вызвано не только этническим отличием группы мордвы, но и в значительной степени устойчивыми легендами о языческом мировоззрении этой группы.

Представление о сибиряках и кержаках как о более чистоплотных людях, возникло потому, что они часто мыли, скребли внутри избы. «Бабушка рассказывала, что пришел к сибирякам младший ее брат (рязанский) и ели там жирный борщ. А у рязанских принято хлебнуть и положить ложку, а сибиряки хлебнут, оближут и положат. Так вот и измазал гость скатерть» (Гладышева А.Г. 1931 г.р. с. Ермачиха). О различиях в трудовых отношениях приводятся такие сведения: «У сибиряков девки были более трудолюбивые, а рязанские жалели своих. Сына рязанские хотели женить на сибирской, а свою дочь за сибиряка не хо-

тели выдавать, так как много нужно было работать» (Гладышева А.Г.). Считалось, что сибиряки меньше в бога верят, чем рязанские.

Особенно «досталось» вятским, о которых складывались поговорки и смешные истории, говорящие о их глупости. Например – «Вятские – люди хватские, семеро одного не боятся». «Рассказывала мама как вятские жили – корову на баню тащили, чтобы она траву на крыше съела». «Вятские купили поросеночка и давай на шест чепить и приговаривают – чепись, чепись поросенушка, у курочки и то две лапки и чепится, а у тебя – четыре – ты чепись то» (Стреляева Н.Г. 1918 г.р. с. Покровка).

Зафиксированные сравнения, стереотипы охватывают не все этнографические группы, присутствующие в алтайской деревне в начале XX века. Наибольшее количество информации собрано о старожилах, рязанских, вятских, мордве. Согласно с/х переписи 1917 года эти группы численно составляли не самую большую часть сельского населения. Например в с. Ермачиха рязанцы составляли примерно 10 процентов от численности всего села, а старожилы – 8, в то время как курские – 31 процент (ЦХАФ АК Ф.233. Оп.1, Д. 387-388), хотя о них никто не вспоминает. В с. Покровка вятские, о которых там ходят поговорки тоже составляли по переписи незначительную часть. Численность мордвы в данных по Барнаульскому уезду составляет 1,2 процента от всего населения (Бюллетени АлтГубСтатБюро № 5 10 апреля 1921г.).

Отсюда можно сделать вывод, что стереотипы культурно-бытового уровня возникали не по отношению к преобладающим этнографическим группам, а к наиболее выделяющимся в культурном плане и имеющим наибольшие отличия.

Таким образом использование архивных данных в совокупности с устными источниками позволяет точнее и глубже познать механизмы складывания и функционирования психологических стереотипов.

При сравнительном анализе исторических данных о селах вырисовывается следующая картина – сведения подобного рода лучше сохраняются в тех селах, где присутствовали этнографические группы с наибольшими культурными отличиями и если они расселялись обособленно друг от друга, образуя «края». Так создавались условия, благоприятствующие консервации традиционных черт культуры этнографических групп и соответственно дающие почву для сравнений, на основе которых возникали стереотипы. Поэтому в таких селах, где происходило психологическое соприкосновение этнографических сохранился более качественный этнографический материал, получаемый из сельской информационной среды. Это свидетельствует о том, что психологический аспект взаимодействия этнографических групп имел большое влияние на сохранении в памяти респондентов информации о традициях, быте и культуре населения нашего региона.

Научный руководитель – к.и.н. Т.К. Щеглова.

А. Казаков, А. Кузнецов

(Барнаул, Барнаульский государственный педагогический университет)

Община с. Покровки: общее и особенное в судьбе старообрядчества на Алтае в XX веке

Для большой этнографической группы, которую в наши дни обобщенно называют «кержаками», ранее существовало много названий. В этом отношении интерес представляет состояние современной общины с. Покровка Мамонтовского района, которое образовалось в первое десятилетие XX века как заимка кержаков. Это село было небольшое, но в советское время именно оно стало центром притяжения для старообрядцев из других крупных кержацких сел Мамонтовского района, таких как Кадниково, Буканское и других, в

которых были большие общины. Сейчас в селе община насчитывает около десятка человек из стариков. К ним относятся семьи Быковых, Хариных, а также Яковенко Евгения Андреевна, Немцева Степанида Еврамовна и др. Наставником является девяностолетний Никон Собинов. Но назвать ее изолированной нельзя, так как у них существует тесная связь с поморской общиной города Барнаула, известной под названием «на горе» (ул. Ломоносова). Многие старообрядцы из Покровки ездят молиться в Барнаульскую общину.

В самой Покровки молитвы совершают в квартирах Собинова и Яковенко. Сейчас в силу болезни Никона Собинова роль наставницы выполняет Е.А. Яковенко, которая ведет их по «Минею», так как «в нем даны все круглогодичные праздники». Кержаки сохранили и духовные святыни – книги, которые по их словам «не продаются, а благословляются» (так «Минеи» благословляла Ульяна Немцева). В силу формирования покровской общины представителями из разных сел, даже маленький коллектив сохранил много самоназваний.

Так в с. Покровка, по словам Кузьминой Е.М., до войны среди кержаков-старожилов употреблялись названия «чашники» или «поморские», а «старообрядцы – это другие, у кержаков свои часовни, а кержаки – это старообрядцы». Чашники не давали пить «мирским» или «русским» из своей посуды. Но поскольку они все равно общались, то у кержаков были свои чашки для других. Иногда они подавали воду прохожим просто в грязной посуде. Однажды, рассказывает Е.А. Кузьмина, «миряне отказались пить из грязной посуды и попили прямо из бадьи. А потом хозяин бежал до моста за ними с топором и разрубил эту бадью».

Вместе с тем она помнит, что в этом селе, куда она попала после свадьбы, выделяли свекровь как «австрийской веры». Объясняла она это так: «они тоже старообрядцы, т.к. была одна вера, а потом, когда начались гонения и все уехали в Австрию и их вера старообрядческая австрийская».

Квашнина М.П. рассказывает, что здесь называли кержаков «двоеданами», поскольку они платили «две дани». Сама Квашнина М.П. говорит, что она «православной веры, а они – старообрядческой и у них был поп, которого называли «старик». Они молились отдельно и одевались не так. Они носили платья с пелеринкой на груди «отрезное и присборенное» и платки, а мужчины стриглись под кружок. Если двоеданы ходили в гости к православным и ели из одной чашки, то затем «отмаливали поклонами» свой грех. В отличие от православных при молитвах они пользовались лестовками. Ивлева А.С. рассказывала, что ее родители кержаки называли себя сибиряками, т.е. сибиряки – это кержаки, а кержаки – это староверы. Они также не ели из одной чашки с мирскими, но относились к ним хорошо.

Бубенченко М. Называет себя просто кержачкой: «такая вера от того, что раньше людей на Кержню отправляли и они там жили и их потом назвали кержаками. Так люди православной веры их дразнили. Это старообрядцы. Наша вера – старическая.» К мирским относились жестко и дразнили их «людьми». А в с. Покровка русских называли «чернотропы», т.к. они жили в землянках и к ним шла черная тропа. Но к переселенцам проявляли милосердие. Даже приезжавших из казахских степей скотоводов, которых по традиции называли «киргизы» привечали, кормили и поили.

Сами кержаки называли несколько заметных отличий, по которым можно легко было отличить мирского от кержака. Из отличий можно выделить несколько моментов: 1. Традиции трапезы. Кержаки ели из общей чашки. Сначала ели мужчины, потом женщины. Детей кормили отдельно. 2. Традиции одежды. Одежда кержаков практически не отличалась от мирской, но обязательным был пояс. Женщины носили «парочки» – юбки и кофты или «пелеринки» – платья отрезные по груди и собранные в складки. На голове женщины носили платки. Наставник ходил в черном кафтане, но и многие старообрядцы носили темные или черные одежды. 3. Имидж староверов. Мужчины не стриглись коротко и не брились. Обычной прической мужчин был а стрижка «под горшок», бороды носили всегда. Женщины вообще не стриглись. 4. Раздельное моление. Стреляева М. отмечает, что у кержаков была

своя часовня или «моленная». В кержацкой общине был старший или «наставник». На исповедь кержаки ходили к нему, просили прощения как перед богом – «Прости меня, Господи!» и молились «как свидетели». У православных во всех селах Мамонтовского района были свои церкви. 5. Традиции молитвы. Все говорят, что крестились двумя пальцами. Старики учили молиться детей. Их молитвы отличались от мирских, говорит Бубенщикова М., они по-другому читаются. Кроме того, у староверов обязательно были лестовки и подручники. Русские же ходили в свою церковь. 6. Традиции взаимоотношений. Несмотря на непримиримость на рубеже XIX-XX веков между православными и староверами в 30-е годы уже существовали браки между «русскими» и «кержаками». Но кержаки могли отказаться от «молодых». Одним из выходов было принятие молодыми кержацкой веры. Так, по словам Бубенщиковой М., ее православная мать была перекрещена, поскольку семья мужа была кержацкой.

Таким образом, в маленькой старообрядческой общине с. Покровка существовало много осколков большой древнеправославной веры. Гонения на старообрядцев советское время заставили всех, несмотря на их отличия сплотиться и сохранить свое уникальное и своеобразное отношение к миру – «Мы староверы».

Научный руководитель – к.и.н. Т.К. Щеглова.

Л. В. Новоселова

(Кемерово, Кузбасский государственный технический университет)

Русская архитектура Кузнецкого Присалаирья (село Красное)

Летом 2000 года Кузнецкая комплексная археолого-этнографическая экспедиция проводила обследование села Красное Ленинск-Кузнецкого района. Задачей исследования было выявление наиболее старых построек XIX-н. XX вв., и анализ данных, полученных в ходе его.

Село Красное (в прошлом Брюханово или Брюхановское) – относится к числу старейших в Кемеровской области. Наиболее распространенной является точка зрения, что село основано между 1719 и 1724 годами, т. к. по ревизии 1719 года его не было, а в 1724 году (по следующей переписи) оно уже существует как сложившееся (Хорошевский С. Н., 1978, с. 6.)

Деревня Брюханово занимала географически выгодное положение. Она расположена на левом берегу р. Касьмы на стыке трех природных зон – тайги, степи и лесостепи. Через деревню проходил Томско-Кузнецкий тракт. Все выше указанные благоприятные обстоятельства обусловили быстрый рост и процветание этого населенного пункта. Здесь проходили две ярмарки – Дмитриевская (осенью) и Иоанн-Предтеченская (летом).

Село Брюханово – центр Касьминской волости с 1797 по 1917 года (Кимеев В. М., 1997, с. 14). Население было весьма зажиточным.

В 1917 году в Брюханове создан волостной Совдеп. В 1920 году Брюхановское переименовали в село Красное. С 1933 года село вошло в состав Ленинск-Кузнецкого района. Многие старинные дома в 1970-е годы были снесены, однако в селе сохранились до настоящего времени редкие образчики деревянной архитектуры XIX-н. XX веков.

К таким нужно отнести двухэтажные деревянные дома. Сохранилось их всего 6, ранее было значительно больше. Все они имеют хорошую сохранность. Известны первые хозяева только двух из шести домов. Один принадлежал миллионеру Пьянкову, в другом проживал Богданов (архив Музея крестьянского быта. Письмо Батурина за 1908 год).

Все двухэтажные дома фундамента не имеют, т. к. стоят на скале, покрытой тонким слоем почвы. Для большей устойчивости под углы подкладывались большие листовенничные комли диаметром до 60 см.

Так как лиственница – самое долговечное дерево, окладники (нижние 2-3 венца) складывались из нее. Однако из-за тяжести листвяка остальные венцы рубились из сосны. Техника строительства – «в обло».

Планировка двухэтажных домов различна. Один из них представляет собой пятистенок. Дом Пьянкова, сильно перестроенный (в нем после революции последовательно располагались различные государственные учреждения), по-видимому, изначально имел довольно редкую планировку «крестовая связь». Остальные жилища – двухэтажные крестовики.

Сени у них срубные из бревен либо полубревен. Одна дверь ведет в помещение первого этажа, а по лестнице можно попасть на второй этаж. Однако дом Пьянкова сеней не имел, лестница располагалась внутри дома. Аналогичное расположение в доме № 15 по пер. Рабочий. В жилищах № 43 и № 49 по ул. Кирова две сходящиеся лестницы ведут каждая к отдельному входу на верхний этаж. В доме Исаевых, небольшом по размерам, лестница одна.

Нужно отметить, что в трех наиболее типичных по конструкции домах (ул. Кирова, № 43, 49, 77) этажи соединялись еще и люками.

Русских печей не сохранилось, сейчас на их месте плиты, находящиеся на 1 и 2 этаже на одном и том же месте – у перекрестья внутренних стен. Т. к. некоторые двухэтажные дома – 3 и 4-х квартирные, плит соответствующее количество, однако труба одна.

В селе Красное, кроме двухэтажных, сохранились дома на высоком подклете, который имел и имеет хозяйственное назначение. Один из таких объектов – здание современного лесничества. Время постройки неизвестно. Подклет сооружен из старинного кирпича, а завод по производству появился в Брюханове в 1880-е года. Кирпичный подклет служит одновременно фундаментом, его глубина в земле – около 1 метра, ширина кирпичной стены – 1 метр. Высота подклета-подвала – 1,80 м. Здесь же были окна с полуциркульным верхом, со стороны дороги забранные железной решеткой. Сейчас они заложены кирпичом. Подвал, по-видимому, являлся хозяйственным, но «чистым» помещением – здесь до сих пор стоит печь на фундаменте из камня, настлан пол с плитусами. В подвале производили работы. В подвале производили работы, связанные с печью – готовили, стирали. На это указывает отсутствие печи (по свидетельству старожилов) на верхнем этаже. Собственно первый этаж построен из лиственницы диаметром 25 см. Внутри строение подверглось значительной перестройке, однако заметна изначальная крестовая конструкция. Окна высокие, наличники покрыты пропиленной резьбой. Наверх ведут две лестницы, каждая из 8 ступеней. Четырехскатная крыша крыта шифером.

Того же типа заброшенный дом № 52 по ул. Кирова. После 1917 года он активно использовался сельсоветом. Это добротное здание поставлено в н. XIX века (Калачиков Г. М. рассказал, что в 1985 году он снял отсюда табличку о страховании с датой – 1827 год.). Фундамент из камня, скрепленного раствором, имеет высоту – 0,5-0,7 м. Подвал сейчас заброшен, но в прошлом использовался как жилое помещение, на это указывают небольшие окна. Вход в него с улицы, в дом – через сени из полубревен. Открытое низкое крыльцо ограничивают два фигурных столба, поддерживающих выступ сеней. Возможно, в этом большом доме жили и торговали – на обоих этажах по 6 комнат. Дом выглядит привлекательно – обильная пропиленная резьба карниза, наличников. Четырехскатная крыша со слуховым окном крыта железом.

В другом доме на высоком жилом подклете в 1908 году жил лесничий Мушкатов (информатор – Калиничева Н. И.). Сейчас здесь живут его потомки. В доме в 1940-1950-х годах располагался сельсовет, позже – библиотека. Сруб сложен из лиственницы. Дом сильно просел, поэтому подвал невысок – 1,70 м. Свет проникает через небольшие окна, находящиеся сейчас на уровне земли. В центре располагается печь-плита. Как утверждают хозяева, наверху печей не было. Люк соединял подвал и верхний этаж. Изнутри дом перестроен, но изначально являлся крестовым. Четырехскатная крыша крыта тесом «впритык» и не пе-

рекрывалась с довоенного времени. Наличники высоких окон верхнего этажа декорированы рельефной и пропиленной резьбой.

Сохранился до наших дней амбар с самцовой крышей, без потолка, крыша крыта тесом «вразбежку».

Мы обнаружили немало крестовых жилищ к XIX-н. XX веков. В с. Красное их называют «поповскими». Многие из них перестроены так, что о первоначальном облике трудно судить. К примеру, бывший дом станowego пристава Тайдонова. Здесь в 1960-е годы была почта, потом магазин, сейчас он заброшен.

Жилище Пурыгиных, по сведениям сельсовета, построено в 1898 году из лиственницы, под углы подложены комли из нее же диаметром 60 см. Дом имеет высокий подклет, пол настлан из полу бревен, рамы с полуциркульным верхом.

Ворота в прошлом – неотъемлемая часть усадьбы, однако до нашего времени они редко сохраняются. В заброшенную усадьбу по ул. 1 мая ведут старые ворота. Они имеют 4 верей, меж ними – 2 калитки по бокам и широкие створы ворот посередине. Сверху небольшая двухскатная крыша.

Дом Калачикова Н. М. Можно датировать точнее. Он был построен прадедом хозяина плотником Николаем Михайловичем не позже 1860 года. Сохранность его плохая, дом «врос» в землю, покосился. Конструкция – крестовик из сосны. Старая печь располагалась слева от входа. В доме сохранились полаты над входной дверью, лавка справа от нее, крюк для зыбки. Четырехскатная тесовая «вразбежку» крыша не перекрывалась с 1930-х годов. Ставень один, наличники покрыты редкой сегодня трехгранно-выемчатой резьбой.

Если жилище Калачиковых типично для середняков, то дом Тархова М. В. явно построил человек богатый. Это большой крестовик с прирубными сенями из сосны, на высоком подклете, который использовался как подполье. Грунт под строением снят до скальной плиты. По словам хозяина, справа от входа находилась русская печь, и печь-голландка в спальне. Обе они соединялись «боровком» – дымоход был один. Возле бывшей русской печки сохранился голбец – дощатая перегородка с небольшой дверью и лестница в подполье. Двери в доме высокие и широкие, двухстворчатые, с резьбой. Крыша четырехскатная, крытая железом. Наличники и карниз украшены пропиленной резьбой.

В соседней деревне Дурново (сейчас это ул. Ключевая) нами обнаружено два старых дома.

Один принадлежит Добрыниной А. Г. Это единственный дом в с. Красное с самцовой крышей, выстроен в н. XX века. По словам хозяйки, до 1954 года он был крыт пластом (дерном), который затем заменили тесом, а позже шифером. Материал – лиственница диаметром 20 см. Фундамента нет, т. к. под постройкой – скала. В этом пятистенке были голландка и русская печь справа от входа.

Дом N 25 представляет собой тип, редко сохраняющийся до современности – дом-связь. Всего же этому жилищу 150-200 лет. Дом построен из сосны, под углами – подложены камни. Имеет трехчастную планировку – кухня, сени, спальня. В 1960-х годах старую печь разобрали, поставили русскую печь из кирпича, камелек (плита), находившийся посреди спальни разобрали. Проемы окон и дверей были малы, поэтому в 1970-х годы они были увеличены. Под одной четырехскатной крышей помещаются сени, рубленные вместе с домом. Так как дом располагается на высоком подклете, под сенями устроена кладовая.

Исследования в с. Красное позволили выявить сохранившиеся до настоящего времени типы старинных домов. Особенностью села является наличие двухэтажных зданий XIX-н. XX веков разного типа – пятистенка, крестовиков, «крестовой связи», а также домов с высоким жилым подклетом – деревянным и кирпичным. Редкой находкой явились старинные ворота и дом-связь. Село Красное – большая источниковедческая база для изучения русской деревенской архитектуры.

*В.В. Шиллер, А.М. Лебедев
(Кемерово, Кемеровский государственный университет)*

Демографические процессы на территории Горной Шории

Современные демографические процессы в национальных районах представляют особый интерес в силу целого ряда причин. С одной стороны они являются одним из наиболее ярких маркеров эффективности выбранного государством курса национальной политики. С другой, позволяют выйти на латентные механизмы адаптации этносов к меняющейся социально-экономической и ландшафтной обстановке. В силу этого в рамках проведенного в 2000 году комплексного обследования южной части территории Горной Шории сбор, первичная обработка и анализ демографических данных были выделены в качестве самостоятельной задачи. В соответствии с разработанной в рамках Кузбасской лаборатории археологии и этнографии ИАиЭт СО РАН методикой этносоциального мониторинга на основе материалов местного первичного статистического учета проводилось выявление и сопоставление (с материалами предыдущего исследования региона) четко определенного перечня демографических показателей (Садовой, Пруель 1996).

Объектом исследования является население Усть-Анзасского и Чилису-Анзасского национальных сельсоветов. Цель – анализ изменений демографической ситуации по 2-м хронологическим срезам: 1985, 2000 гг. для Усть-Анзасского и 1993, 1999 для Чилису-Анзасского сельсоветов. Нижние даты были обусловлены материалами похозяйственных книг. В Чилису-Анзасском с/с последняя закладка данных в похозяйственные книги осуществлялась в 1999, а в Усть-Анзасском в 2000 г. Сельсоветы имеют аналогичный этнический состав и системы жизнеобеспечения автохтонного населения.

*Таблица 1**

Горная Шория. Коэффициенты по национальным сельсоветам

Коэффициенты	Усть-Анзасский		Чилису-Анзасский	
	1985	2000	1993	1999
и показатели	1985	2000	1993	1999
Рождаемость	7,05	1,8	2,9	2,4
Смертность	5	2,6	1,1	3,2
ЕП	2,05	-0,8	1,8	-0,8
Фертильность	5,3	4,3	2,3	2,04
Доля иждивенцев	68,3	82,8	40,5	85,4
Всего (чел.)	340	351	385	332

Следует отметить, что демографическая ситуация в Усть-Анзасском сельсовете в середине 80-х гг. в целом характеризовалась положительными показателями. Достаточно высокие коэффициенты рождаемости и фертильности определяли положительный естественный прирост населения. Его незначительные величины, в какой то мере возможно определялись исключительно высоким уровнем миграции в эти годы, когда из поселков сельсовета выехало около 18% населения. Начиная, судя по всему с середины 90-х гг., происходит существенное ухудшение ситуации. Отрицательный естественный прирост при росте абсолютных показателей численности населения обусловлен, на наш взгляд не сколько резким изменением возрастного состава, сколько снижением репродуктивных установок женщин, что привело к снижению коэффициента рождаемости, а также увеличению ко-

ээффициента смертности. Ситуация вполне понятна в свете того, что за последнее десятилетие государство резко сократило практику финансовой поддержки семей, имеющих детей при резком сокращении числа рабочих мест и сокращения источников дохода. Значительное увеличение коэффициента иждивенцев коррелируется, прежде всего, с процессами старения возрастной группы, не достигшей призывного возраста во время ведения боевых действиях Великой Отечественной войны, а также выездом за пределы с/с трудоспособного населения. Анализ частностей распределения семей по типам сложности показывает процесс распада института семьи, возможно обусловленный миграцией части трудоспособного населения за пределы района. Отмечается увеличение доли нуклеарных неполных семей при уменьшении удельного веса нуклеарных полных и сложных полных и неполных семей. В целом ситуация характеризуется как демографическая старость 1 степени, а возрастная структура населения при том что общая численность семей с 1985 по 2000 гг. здесь увеличилась с 80 до 95 не позволяет достаточно оптимистично рассматривать перспективы кардинального изменения ситуации в ближайшие годы.

Таблица 2**

Динамика численности семей по Чилису-Анзасскому с/с

Годы	1963	1973	1983	1993	1999
Число семей	339	171	94	90	77

Ситуация в Чилису-Анзасском сельсовете по срезу 1993 г. характеризовалась в целом как достаточно положительная. Относительно низкая смертность и более высокая рождаемость, обусловленные возвратом в родные места шорской молодежи, давали в целом положительный прогрессивный тип прироста. Ситуация кардинально изменилась в конце 90-х годов. По срезу 1999 г. отмечается сокращение общего количества семей, уменьшение удельного веса нуклеарных полных и неполных семей. Одновременно с этим идет процесс увеличения удельного веса сложных неполных семей при уменьшении полных сложных (Таблицы 2, 3).

Таблица 3.

Динамика численности семей по типам (Усть-Анзасский и Чилису-Анзасский с/с)

годы	1985		2000		1993		1999	
	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%
Простые полные	46	57,5	51	53,6	63	70,9	47	61
Прост. неполные	10	12,5	24	25,2	10	11,1	10	12,9
Сложные полные	4	5	2	2,1	12	13,3	2	2,6
Слож. неполные	20	25	18	18,9	5	5,6	18	23,3

Отрицательный естественный прирост при незначительном снижении коэффициента рождаемости связан с резко возросшей смертностью и сокращением продолжительности жизни. Увеличение доли иждивенцев является, на наш взгляд, дополнительным подтверждением влияния фактора миграций на возрастной состав населения. В отличие от начала 90-х гг. отмечается отток трудоспособного населения. В целом ситуацию по срезу 1999 г. можно охарактеризовать как демографическую старость 1 степени.

Миграционные процессы оказали несомненное влияние на качественный состав оставшегося населения, очертив просчеты социальной политики предшествующих десяти-

летий. Анализ возрастных пирамид по уровню образования обоих населения сельсоветов показывает, что замена 8-летних школ национальных поселков в конце 80-х гг. школами 4-х летнего обучения привело и практика завершения образования детей в интернатах объективно привели к резкому падению уровня образования лиц 15-19 летнего возраста (таблица 4).

Таблица 4
Динамика уровня образования (группа 15-19 лет)

	1985		1999		2000	
	абс. пок.	%	абс. пок.	%	абс. пок.	%
Б/образования	-	-	15	88,2	18	46,1
Начальное	1	2,5	2	11,8	8	20,5
Н/среднее	34	85	-	-	7	17,9
Среднее	5	12,5	-	-	5	12,8

В целом современная демографическая ситуация в обоих национальных сельсоветах, охватывающих центральную и южную часть горной Шории в сопоставлении с полученной по более ранним хронологическим срезам выглядит как критическая.

Научный руководитель – д.и.н. А.Н. Садовой

М.А. Лебедев
(Кемерово, Кемеровский государственный университет)

Современное состояние приусадебного комплекса автохтонного населения Горной Шории

Данная проблема является важной составляющей комплексного изучения систем жизнеобеспечения этнических групп Южной Сибири и связанных с ними вопросов выделения территорий традиционного природопользования. С целью определения общего современного состояния приусадебного комплекса автохтонного населения Горной Шории (шорцев) были проведены исследования в рамках научной экспедиции, организованной в летний период 2000 года Кузбасской лабораторией археологии и этнографии ИАиЭт СО РАН. Методы сбора и обработки информации, а также выбора исследовательских полигонов определялись в соответствии с принципами этносоциального мониторинга.

Объектами были выбраны Усть-Анзасский и Чилису-Анзасский сельсоветы. Полигоны имеют схожие характеристики по этническому составу, административному статусу, ландшафтно-климатическим условиям. Единицами обследования стали отдельные домохозяйства, т.к. они несут главное экономическое значение, кроме того, их параметры отражены в привлеченных материалах первичного статистического учета. Для каждого компонента приусадебного комплекса производится расчет средних величин, среднеквадратичного отклонения и коэффициентов вариаций. Сопоставление этих числовых значений позволяет определить: 1) мощность хозяйства; 2) ориентированность на внутреннее потребление, либо на рынок; 3) степень их однородности.

Собранные материалы предоставили возможность выделить основные компоненты приусадебного комплекса, произвести необходимые расчеты и представить в таблице (см. ниже).

Исходя из этой информации, дополненной данными анкетирования, экспертных оценок и наблюдений можно выявить следующие тенденции по рассматриваемой проблеме. Уровень развития приусадебного хозяйства для обоих полигонов можно оценить как низкий и позволяет говорить об отсутствии (за редким исключением) ориентации на рынок сельскохозяйственной продукции. Мощность рассматриваемого комплекса, при этом, сопоставима с дореволюционным периодом (Садовой А.Н., Пруель Н.А., 1996, с.90-91). Это, по нашему мнению, объясняется несколькими факторами: ограниченностью общего объема площадей сельскохозяйственного значения, находящихся, к тому же, в особых ландшафтно-климатических условиях горно-таежной зоны; удаленностью от рынков сбыта; оттоком лиц трудоспособного возраста; низкой степенью механизации труда. Уровень обеспеченности хозяйств и их специализация (разведение крупного рогатого скота, лошадей и огородных культур) делает зависимым население сельсоветов от завоза продовольственных товаров, что усиливает значение от денежных доходов получаемых из иных источников – промыслов, рабочих мест и социальных выплат. Среднеквадратичные отклонения и коэффициенты вариаций показывают относительную однородность обеспеченности хозяйств по основным компонентам в Чилису-Анзасском сельсовете. Эти же показатели по второму полигону демонстрируют иную картину. Анализ данных позволяет говорить о доминирующей ориентации части населения полигона на доходы от иных источников дохода, перечисленных выше.

Таким образом, можно сделать следующие выводы о том, что приусадебный комплекс шорцев на территории исследованных полигонов: 1) ориентирован на внутреннее потребление; 2) имеет районную специфику; 3) является элементом комплексной хозяйственной деятельности.

Показатели		Сельсоветы	
		Чилису-Анзасский 1998 г	Усть-Анзасский 2000 г
Количество работников	X	1,6	1,6
	Y	1,25	1,2
	Z	77,3 %	74%
Площадь огородов	X	6,25	8,2
	Y	1,6	3,1
	Z	25,8 %	40%
Количество КРС	X	2,8	2,1
	Y	1,9	2,9
	Z	67,6%	136,8%
Количество лошадей	X	1,5	0,9
	Y	1,14	0,9
	Z	75%	102,3%

Примечание:

X – средняя арифметическая.

Y – Среднее квадратичное отклонение.

Z – Коэффициент вариации.

В.В. Поддубиков
(*Кемерово, Кемеровский государственный университет*)

К экологической обусловленности традиционной хозяйственной специализации автохтонного населения Горной Шории

Практикуемые автохтонными этносами формы хозяйственного комплекса так или иначе служат основой существующих систем жизнеобеспечения, в условиях моноэтнического состава населения принимающих вид этноэкосистем, подразумевающих наличие тесных (функциональных по своему внутреннему содержанию) взаимосвязей между социально-экономическими характеристиками традиционного общества и экологическими параметрами осваиваемых территорий. В этой связи, анализ хозяйственной составляющей традиционных систем жизнеобеспечения автохтонного населения, на наш взгляд, должен проводиться с учетом всей совокупности особенностей занимаемой им экологической ниши.

Сама по себе идея детерминированности форм хозяйственной деятельности параметрами осваиваемых природно-территориальных комплексов сегодня ни у кого не вызывает возражений (Во многом этому способствовали разработки (как теоритического плана, так и в отношении исследования систем жизнеобеспечения отдельных этносов) этноэкологического направления в современной этнологии, представители которого в 90-е гг. предложили в качестве основного методологического принципа этносоциальных исследований рассмотрение всей совокупности характеристик этноса в контексте многоаспектного анализа его взаимодействия с окружающими ландшафтами (см. Козлов В.И., Комарова О.Д., Дубова Н.А, Лебедева Н.М., Ганжа А.Г. и др, 1991)) и присутствует в ряде работ, посвященных исследованию традиционного хозяйства шорцев (Потапов Л.П., 1936; Кимеев В.М., 1989; Садовой А.Н, 1993). Однако недостаточно разработанными остаются вопросы, связанные с выявлением и анализом конкретных взаимосвязей в системе «традиционные формы хозяйства – окружающая среда», изучением их функционального характера через определение адекватных оптимумов обеспеченности населения необходимыми ресурсами для развития производящих и присваивающих отраслей, оценкой воздействия состояния ресурсовой базы не только на показатели мощности приусадебного и промышленного комплексов, но и на формы организации соответствующих производственных, в том числе и поземельных отношений, лежащих уже в плоскости социальной конъюнктуры района.

Даже при беглом рассмотрении характеристик осваиваемых сельским населением Горной Шории природно-территориальных комплексов, обнаруживается их детерминирующая роль по отношению как к практикуемым системам жизнеобеспечения в целом, так и к формам организации хозяйственной деятельности шорцев, а также соотношению в хозяйственном комплексе производящих и присваивающих отраслей – в частности. Экологическая детерминанта в условиях преобладающих горно-таежных ландшафтов в Горной Шории прежде всего обуславливает высокий уровень значимости промышленного комплекса для жизнеобеспечения автохтонного этноса, что прежде всего вызвано ограниченностью, а зачастую и полным отсутствием здесь необходимых орографических, геоботанических и климатических условий для устойчивого развития ирригационного земледелия и экстенсивных форм скотоводства (т.е. производящих отраслей хозяйства), способных стабильно обеспечивать население, по крайней мере, минимально необходимый прожиточный уровень. Данное обстоятельство во многом и определило специфику традиционных форм хозяйства шорского населения, существенно завязанных на опромышление тайги в сочетании, однако, с получившими достаточно ограниченное развитие придомным (стойловым) животноводством и элементами мотыжного земледелия.

Орографические особенности доминирующих в Горной Шории ландшафтов во многом ограничивают возможности для интенсивного развития приусадебного комплекса в хозяйстве

не только автохтонного населения, но и русского (С самого начала реаклизации государственной переселенческой политики, пришлое население (русские переселенцы) осваивали преимущественно лесостепные участки, лежащие главным образом в северо-восточной части Горной Шории. При этом ими занимались специально отводившиеся переселенческие выделы. В результате как такового смешивания здесь автохтонного населения с русским не произошло, что дает возможность сравнения практиковавшихся титульным и коренным этносами систем жизнеобеспечения, которые при ближайшем рассмотрении не обнаруживают существенных различий в части природопользования и эксплуатации природных ресурсов. Данное обстоятельство уже было обнаружено А.Н. Садовым (см. Садовой А.Н., 1999, с. 58-74)). Так, существующая сложность рельефа (колебания абсолютных высот достигают 1262 м) и достаточно высокие показатели крутизны склонов (в среднем составляющих около 150–250, но местами варьирующими от 20 до 750) с одной стороны значительно затрудняют обработку почвы и технологии сенокоса, препятствуя внедрению в сельском хозяйстве новых агротехнических приемов и средств механизации, а с другой – определяют не только строгую ограниченность территорий, пригодных для сельскохозяйственного освоения, но и топологическую специфику в части локализации сельскохозяйственных угодий – пашен и сенокосов, не составляющих единого массива, а расположенных, как правило, в разорванном контуре, главным образом по склонам южной экспозиции, на лесных опушках и частично в долинных комплексах. Подобный характер распределения по территории с.х. угодий, не позволяющий интенсивно развивать производящие отрасли, по видимому, всегда был присущ традиционной системе землепользования шорцев (Его наличие в системе землепользования шорских территориальных общин конца XIX – начала XX вв. было зафиксировано в монографическом исследовании А.Н. Садового и было охарактеризовано автором как один из элементов т.н. «Мрасской системы землепользования» (см. Садовой А.Н., 1993, с. 79-88). Аналогичный же характер локализации сельскохозяйственных угодий был обнаружен в ходе социально-экономического обследования Усть-Анзасского и Чилису-Анзасского национальных сельских советов Таштагольского района Кемеровской области, проведенного группой этносоциального мониторинга КЛАЭ ИА и Э СО РАН летом 2000 года (Архив группы этносоциального мониторинга. Полевой дневник В.В. Поддубикова, ФЦП «Интеграция»)). Характеристики преобладающих типов почв также не способствуют развитию в Горной Шории земледельческой отрасли в хозяйстве населения. Абсолютным доминантом здесь являются характерные для ландшафтов черневой тайги мало пригодные для интенсивного развития земледелия подзолистые и глубоководзолистые почвы. Почвы водоразделов при этом зачастую идентичны по составу почвам склонов, при колебании высот 50 -800 м. Мощность же подзолистого слоя колеблется в долинных комплексах в пределах 50–60 см, а на склонах, где, как правило, располагались пашни – 15-30 см., чего явно было недостаточно для применения здесь технологий глубокой вспашки. Данное обстоятельство во многом и предопределяло практику использования автохтонным населением гораздо менее продуктивных агротехнических приемов, основанных главным образом на ручной обработке почвы. Температурный режим Горной Шории в целом отражает существенную ограниченность вегетационного периода культурных злаков. Он составляет не более трех месяцев (с конца мая по начало октября). При этом такой важный для сельского хозяйства показатель как сумма температур выше 100 С за год в Горной Шории колеблется от 1540 до 1810, а количество дней с этой температурой не превышает 114-118. Безморозный период близок к шести месяцам, с апреля по октябрь, однако заморозки нередко начинаются раньше (Куминова А.В., 1950, с. 5-15). Осадки в течение года распределены неравномерно, хорошо прослеживается зимний минимум и летний максимум, выпадающий на летние месяцы (особенно на конец июня – июль, т.е. на сенокосный период), что существенно затрудняет процесс просушки сена и способствует снижению качества заготавливаемых кормов. Приведенные экологические факторы определяли крайне

низкий уровень развития у автохтонного населения земледелия как составляющей традиционной системы жизнеобеспечения. Оно, по-видимому, в начале XX столетия не в состоянии было даже обеспечить необходимый прожиточный минимум шорских семей. Данное предположение уже было подтверждено А.Н. Садовым при проведенном им расчете потенциального выхода продукции с распахиваемых площадей. При этом месячная норма потребления одной семьей произведенного ею зерна (преимущественно ячменя, как доминирующей здесь культуры) за вычетом посевного фонда не превышала 0,2 – 0,3 ц. (Садовой А.Н., 1999), чего в любом случае не достаточно для удовлетворения даже самых минимальных потребностей при традиционно низком уровне потребления хлеба и мучных изделий (Нами же было подсчитано (на основе поимущественных списков, отложившихся в фонде землеустроительных партий, в 1912-1913 гг. работавших на территории Алтайского Горного округа – См. ГАКО ОДФ-59 оп 1 дд 1-85), что, с учетом средней численности семей, на 1913 год составлявшей 5,2 человека, на одного члена семьи в таком случае должно было приходиться не более 3-4 кг муки (и при том ячменной или же ржаной, существенно уступающей по пищевой ценности пшенице), что несопоставимо даже с биологически минимальной нормой употребления человеком хлеба). Земледелие в рамках традиционного природопользования оставалось исключительно вспомогательной отраслью и именно всилу приведенных выше характеристик осваиваемых ландшафтов не имело перспектив развития даже в случае применения передовых сельскохозяйственных технологий. В этой связи вряд ли можно говорить и об интенсификации в Горной Шории земледелия в результате контактов автохтонного населения с русским. Экологический оптимум обеспеченности автохтонного населения пашнями определить достаточно трудно, т.к. зачастую не известно реальное количество реально обслуживаемых площадей (в начале XX века довольно распространена была практика «заброса» на несколько лет ранее распахивавшихся участков с последующим использованием их под сенокосы (Данное обстоятельство отражено в делопроизводственной документации производителей землеустроительных работ (См. ГАКО, Ф.ОДФ-59, Оп.1, Д.7, Л.55-57). Такой поворот от земледелия к скотоводству скорее всего был вызван не столько его экономической неэффективностью, сколько налаживанием в начале XX века связей с региональным хлебным рынком)). Однако в целом очевидно, что высокого уровня этот показатель достигать не мог.

Не получило особого развития и животноводство, что было обусловлено экологически определенным отсутствием достаточных площадей для выпасов, характером локализации сенокосов и степени их продуктивности, низким уровнем энергетической ценности кормов, заготавливаемых на значительно преобладающих здесь притеррасных пойменных лугах, а также существенными затруднениями в части хранения и транспортировки сена. Ограниченное количество площадей для покосов определяло и низкий уровень обеспеченности семей скотом. Соответствующий усредненный показатель (при коэффициентах вариации, свидетельствующих о равномерном распределении хозяйств по данному признаку (Анализ распределения хозяйств по обеспеченности крупным рогатым скотом илошадьми с использованием методов статистического анализа вариационных рядов по выборочным полигонам исследования с охватом большинства населенных пунктов двух инородческих волостей Кузнецкого уезда Томской губернии был проведен А.Н. Садовым (См. Садовой А.Н., 1999)), составляющий не более 3-4 условных единиц к.р.с (Об обеспеченности населения мелким рогатым скотом говорить не приходится всилу практически полного его отсутствия в хозяйствах большинства семей. Что в свою очередь определено недостаточностью площадей для выпаса) на семью средней численности (5,2 чел.) вполне можно считать экологически детерминированным оптимумом, превышение которого явно было бы сопряжено со снижением рентабельности отрасли, вызванном несоответствием между объемами трудовых затрат на производство продукции животноводства и реального ее выхода. Столь слабое развитие приусадебного комплекса и характеристики ландшафтов (преобладание темнохвойной тайги с уча-

ствием пихты и кедра, а также осинники и березоосиновые леса), а также наличие разветвленной речной сети рек 2 и 3 порядка предопределили традиционную промысловую хозяйственную специализацию и ориентацию на ведение таких отраслей хозяйства как охота, сбор кедрового ореха, рыболовство. Эти отрасли при имеющейся сырьевой базе вобщем обеспечивали большинство населения товарно значимой продукцией и составляли основу жизнеобеспечения автохтонного населения. Однако и они не способствовали существенному повышению его прожиточного уровня. На основании составленных производителями землеустроительных работ, работавших в 1912-1913 гг. в Шории, нами было подсчитано, что доходы от промыслов, при высоком уровне однородности групп (стандартное отклонение ниже средних значений) колебались в пределах всего 35 рублей (ГАКО ОДФ-59, дд. 1-85). Существенную долю в этой сумме составляли поступления от реализации пушнины. Данное обстоятельство, а также влияние торгового капитала и способствовали интенсификации пушного промысла, что очень быстро привело к истощению промысловых ресурсов, и в первую очередь сокращению численности соболя – основного объекта пушного промысла (Янушевич А., 1994, Поддубиков В.В., 2000). В конечном итоге это обусловило лишь еще более низкий уровень жизни автохтонного населения. В этой связи ошибочными являются представления о налоговом гнете со стороны государства как об основной причине нищеты шорцев (Так, суммы оброчной подати налагаемые на поселки и затем распределяемые по семьям (по числу годных работников) крайне незначительны в сравнении даже с крайне невысокими доходами от промыслов. Так по ул. Карасу было начислено за надел всего 11 руб. оклада, 1,2 руб. на хозяйство (ГАКО, Ф.ОДФ-59, Фп.1, Д.50), что от суммы доходов от промыслов по улусу (358 руб.) составляло всего 3 %). Из приведенных выше характеристик функциональных связей их традиционного хозяйства и экологических параметров этнической территорий видно, что важнейшей такой причиной являлась специфика осваиваемых природно территориальных комплексов, ограничивающая возможности для развития приусадебного комплекса и предопределяющая ориентацию традиционной хозяйственной специализации на опромышленение тайги, также не являющееся источником стабильно высоких поступлений в семейные бюджеты. Т.о. автохтонное население Горной Шории традиционно практиковало комплексное по своему внутреннему содержанию хозяйство при достаточно низком уровне экономической эффективности каждой из его отраслей в отдельности, определяющей, в свою очередь, невозможность не только обеспечения необходимого прожиточного уровня, но и социального расслоения на основе ни одной из них – с одной стороны и специфику поземельных отношений – с другой. Последние в силу сложившегося экологически обусловленного дисперсного характера расселения и локализации осваиваемых угодий прежде всего характеризовались отсутствием четких границ между как сель.хоз., так и промысловыми участками населения разных населенных пунктов, общин родов и т.д. Кроме того само понятие земельной собственности в рамках традиционной культуры жизнеобеспечения шорцев имело достаточно условное значение и, как правило, сводилось к наследственному пользованию семьей комплексом сельскохозяйственных и промысловых угодий, которые, в случае их выхода из хоз. оборота семьи, вполне могли осваиваться их соседями.

Таким образом проведенный анализ традиционной хозяйственной специализации автохтонного населения Горной Шории отражает функциональный характер взаимосвязей практикуемого хозяйственного комплекса с осваиваемыми ландшафтами, определяющий и специфику социальных отношений, возникающих на основе природопользования. При этом изменения в состоянии ресурсовой базы вызывают соответствующие трансформации в системе жизнеобеспечения населения, не только в части его хозяйственной деятельности, но и социальной структуры.

Научный руководитель – д.и.н. А.Н. Садовой.

И.Н. Чернова
(Омск, Омский государственный университет)

Образ женщины в семье у немцев Западной Сибири

Различные модели семьи и семейных отношений являются отражением особых культурных традиций, обычаев и норм поведения, принятых в обществе, сложившихся стереотипов в отношениях между женщинами и мужчинами. Необходимым условием существования семьи как микросоциального организма является упорядоченная система взаимоотношений его членов: супругов, родителей, детей и внуков, т.е. функционирование каждого семейного коллектива неразрывно связано с распределением всех ролей и функций в семье.

Обращение к рассмотрению образа женщины в культуре сибирских немцев обусловлено спецификой женского поведения в семье и обществе. С одной стороны, в нашем сознании укоренились представления о женщине как хранительнице семейного очага, послушной жене, матери и хозяйке, полностью посвятившей себя семье и дому. Одновременно противоречивые явления современного общества изменили образ жизни, систему ценностей, жизненные позиции и убеждения людей. Поэтому феномен «женского» в современной культуре, обществе и семье зачастую характеризуется утратой его традиционного содержания.

Основная задача данного исследования – показать модель поведения женщины в семье у немцев Западной Сибири и ее наиболее устойчивые в современных условиях характеристики.

Сообщение основано на материалах этнографических экспедиций Омского государственного университета 1996-2000 гг., проводившихся в немецких населенных пунктах Новосибирской, Омской областей и Алтайского края. Собранные материалы позволили рассмотреть следующие моменты:

- приписываемая роль и обязанности женщины в семье;
- источники традиционных установок о положении женщины в семье.

Неотъемлемой стороной немецкой культуры является соблюдение христианских традиций в повседневной и обрядовой жизни. По вероисповеданию переселившиеся в Сибирь в конце XIX – начале XX в. немецкие колонисты принадлежали к сектантам (меннонитам, баптистам), лютеранам и католикам. Поэтому отношения между родственниками и их поведение в семьях различных конфессиональных групп немцев строились на основе заложенных в священном писании принципов. Любовь, смирение, взаимная забота и уважение считались в немецких семьях главными во взаимоотношениях супругов, родителей, детей, внуков.

Несмотря на негативное отношение властей к религии в нашей стране на протяжении 1920-х – 1970-х гг. многие немецкие семьи сохраняли прежнее отношение к религиозным заповедям. Особенной теплотой и безупречностью отношений отличалась атмосфера в семьях меннонитов и баптистов. При чем фанатичное отношение общинников к религии, признание и исполнение предписанных идеалов по-прежнему остаются главным смыслом их жизни.

Отражением освященных христианской религией норм семейных отношений является особое поведение и положение женщины в семье у немцев Западной Сибири. В соответствии с их представлениями женщина всегда должна быть послушной и покорной своему мужу, пребывать к нему в любви и верности, оказывать помощь в семейных делах, а главное – рожать детей, воспитывать и приводить их к вере родителей. И католиками, и сектан-

тами такой порядок считается установленным изначально. Однако для него характерны и некоторые конфессиональные особенности.

Например, у католиков и лютеран в отличие от сектантов женщина находилась ближе, чем другие члены семьи, к отцу (главе семьи). Сохраняя покорность мужу, она могла проявлять самостоятельность в решении семейных и хозяйственных вопросов. Поэтому при главенстве отца в семье у католиков и лютеран не отрицают и авторитет матери. В то же время в семьях сибирских немцев по-прежнему строго соблюдается принцип подчинения всем старшим по возрасту родственникам.

Наиболее распространенным типом семьи у немцев Сибири в конце XIX – начале XX в., в условиях переселения и освоения колонистами земельных участков, являлись большие, сложные по структуре семьи. Чаще всего в них совместно проживали 3-4 поколения родственников прямого и бокового родства (дед и бабушка, родители, взрослые сыновья с женами и детьми). Как правило, существование таких семей было обусловлено экономической целесообразностью объединения физических сил и материальных средств родственников в новых условиях для создания более работоспособных коллективов. Возможности приобретения свободных земель и отделения молодых семей в самостоятельные хозяйства привели в дальнейшем к увеличению числа простых двухпоколенных семей, которые к 1920-м гг. стали преобладающим типом семейной организации у немцев.

Однако независимо от структуры семьи одной из главных сфер деятельности женщины в немецкой семье всегда являлась работа по дому. Жена главы семьи распределяла домашние работы среди дочерей и невесток, пекла хлеб, следила за порядком в доме и состоянием семейной кассы.

В настоящее время для сельских немецких семей Западной Сибири остается характерным разделение обязанностей на мужские и женские. Кроме того, по мнению немцев, главной обязанностью матери в семье является воспитание детей.

В начале XX в. в состоятельных семьях для присмотра за маленькими детьми у немцев часто приглашали молодую девушку из многодетной семьи. Если в семье проживала бабушка, то она помогала матери в воспитании и следила за поведением внуков. Отец в немецкой семье также участвовал в процессе воспитания детей, но, как правило, основное внимание он уделял сыновьям, уже достигшим 5-7 лет.

Вместе с тем, именно мать передавала детям все необходимые знания, основы религиозных убеждений, приобщала детей к своей вере и религиозной общине, закладывая им установку на восприятие ценностей, традиций и идеалов старшего поколения.

Главной целью родителей при воспитании детей в представлениях немцев была их подготовка к семейной жизни. Каждый ребенок обучался будущей супружеской роли, отождествляя себя с родителем своего пола. Поэтому дочери в немецкой семье с детства обучались роли верной, заботливой жены и матери, главным предназначением которой всегда являлись – «Kinder, Kuche, Kirche» («дети, кухня, церковь»).

Таким образом, поведение и роль женщины в немецкой семье Западной Сибири определялись религиозными традициями, сложившимися у немцев. В рамках семьи и своей религиозной общины немецкие девушки обучались нормам и принципам отношений с другими членами семьи и общины, с детства готовились к исполнению роли матери в семье. В настоящее время благодаря вниманию к религиозной жизни, сбережению религиозно-нравственных ценностей семей немцев начала XX века, давших своим детям воспитание в духе традиционной модели семейных отношений, многие современные немецкие семьи Западной Сибири проповедуют традиции своих предков, связанные с воплощением христианских идеалов во взаимоотношениях между людьми.

В.В. Шиллер
(*Кемерово, Кемеровский государственный университет*)
**Сравнительный анализ общин лютеран и меннонитов
города Юрги (системный подход)**

Изучение систем этноконфессионального взаимодействия невозможно без анализа половозрастной и социальной структур, а также территории расселения взаимодействующих общин. Объектами нашего исследования явились взаимодействующие друг с другом немецкие конфессиональные группы лютеран и меннонитов г. Юрги Кемеровской области, взятые по срезу 1958 г. Источниковой базой исследования послужили отложившиеся в Государственном Архиве Кемеровской области аналитические записки УКГБ, отчеты уполномоченного Совета по делам религиозных культов при Кемеровском облисполкоме, а также полные списки членов указанных общин (фонды П-75, П-90 и Р-964).

Община лютеран во всех отчетах была представлена как единая, насчитывающая в своем составе свыше 400 человек во главе с пастором

Ф.А. Радовским, проживающим по ул. Логовая, 18. Богослужения проводились в основном у Радовского, в воскресенье с 12 до 13-14 часов (ГАКО, ф. Р-964, оп. 1, д. 41, л. 19). Собрания незарегистрированных религиозных групп были запрещены законом, что вызвало сомнение в возможности, не привлекая внимания правоохранительных органов, проводить собрания группе свыше 400 человек. Сомнение вызвало и то, как мог частный дом Радовского вместить всю общину сразу. Подвергнув последнюю анализу в качестве функциональной системы мы предложили рабочую гипотезу о существовании в общине нескольких микрогрупп, функционирующих в рамках улиц, где проживали верующие лютеране. Отбросив все улицы, где проживали 1-5 человек, мы выявили 8 улиц – мест локализации микрогрупп, с минимальным числом верующих 22 человека, и максимальным – 56.

Верующие улиц, не вошедших в обозначенные микрогруппы примыкали к ближайшей микрогруппе, либо посещали «официальные» собрания по воскресеньям у Радовского. Каждая группа имела самостоятельное время и место проведения собраний, а также своего лидера. Микрогруппы отличались друг от друга по функциональным характеристикам, детерминированным половозрастной и социальной структурам, количеством членов одной семьи в общине (1, 2 или 3 и более человек), а также разными типами системообразующих связей. Последние были обусловлены характером застройки улиц – мест локализации микрогрупп (частные или «казенные» дома). Предполагается, что системообразующей связью для проживающих на одной улице в частном секторе являлся не авторитет неформального лидера, а территория. Для уничтожения этой группы, верующих надо было расселить в разные места. В городе, где, как правило, члены группы рассеяны по всей территории, системообразующей связью являлся авторитет руководителя.

Мы выделили 2 вида микрогрупп по типам активности: 1) внутренняя активность, выражающаяся в преимущественной ориентации на посещение богослужebных собраний с незначительной активностью во внешней деятельности и 2) внешняя активность, обладающая характеристиками, обратными первому типу. На улице **Сибирской** проживало 22 человека. На основании приведенных в таблице 1 коэффициентов, можно предполагать, что эта группа имела самую высокую внутреннюю активность. Последнее обуславливалось доминированием семей из одного человека и самым высоким удельным весом домохозяек и иждивенцев. «Одиночки», в поисках общения старались активно посещать все собрания, а домохозяйки и иждивенцы, в силу своей занятости на производстве, имели массу свободного времени на посещение последних. Преобладание женщин (16 против 6 мужчин), при доминировании в среде последних возрастных групп от 45 и

выше, подтверждает наше предположение о высокой активности этой группы, т.к. женщины, как правило, всегда составляют наиболее активный элемент в религиозных общинах особенно в этом возрасте. На этой улице преобладали частные дома, что определило территориальный тип системообразующей связи. На улице **Шоссейной** проживало 23 человека. Высокие показатели домохозяек и иждивенцев и преобладание семей из 2 человек дают основание говорить о высокой внутренней активности этой группы. Это подтверждается и тем, что в группе доминировали женщины (20 против 3 мужчин), наибольшее количество которых было сосредоточено в промежутке 40-54 года. Дополнительную активность этой группе придавала помощница Радовского Шицле Вильгельмина. Преобладание «казенных» домов на этой улице определило тип системообразующей связи, основанной на авторитете руководителя. На улице **Чехова** было зафиксировано 25 человек. Высокий удельный вес семей с 2 и 3 и выше верующими и самый низкий процент домохозяек и иждивенцев определили слабую внутреннюю активность группы. Преобладание в женской (16 человек) и в мужской (9 человек) части возрастных групп 20-34 года дают основания предполагать об активной ориентации данной группы на внешнее взаимодействие в силу того, что последняя состояла по большей части из молодежи, занятой на производстве и имеющей возможности общаться с большим количеством людей, чем неработающие. Возможно, эта микрогруппа выполняла в общине миссионерские функции. Доминировали «казенные» дома, но учитывая то, что 70% верующих проживали в одном доме, а 25% в расположенном рядом, можно предположить о наличии в этой группе территориальной системообразующей связи. На улице **Заводской** проживало 29 человек. Низкий удельный вес всех типов семей и сравнительно невысокий коэффициент домохозяек и иждивенцев, дают основание говорить о слабой внутренней активности. Можно предполагать, что эта группа, как и предыдущая, была сориентирована на внешнюю деятельность. Преобладали «казенные» дома, но учитывая то, что 80% верующих проживали в одном доме, а 18% в находящемся рядом, можно предполагать, что мы имеем дело с территориальным типом системообразующей связи. На **Ленинградской** проживало 42 человека. При очень большом коэффициенте домохозяек и иждивенцев преобладали семьи из 3 и более человек, что предполагает слабую внутреннюю и внешнюю активность. С учетом что на улице были «казенные» дома и члены группы были рассеяны по всей улице, можно предположить, что верующие предпочитали общим собраниям, молитвы в кругу семьи. Говорить о типе системообразующей связи в данном случае трудно. На улице **Строительной** насчитывался 31 человек. При высоком удельном весе семей из одного человека коэффициент домохозяек и иждивенцев имел среднее значение. Предположительно, группа имела среднюю внутреннюю активность. Застройка «казенными» домами и рассеянность верующих по всей улице, определили системообразующей связью авторитет неформального лидера. На улице **Логовой** верующих было 41 человек. Повторялся вариант с Ленинградской, когда при достаточно высоком коэффициенте домохозяек и иждивенцев преобладал тип семьи 3 и более человек, что определяло достаточно низкую внешнюю активность. Преобладание женщин в группе (30 против 11 мужчин), сосредоточенных по большей части в интервале 35-59 лет и проживание на этой улице помощника пастора Бекка Ивана Фридриховича, обеспечивали этой группе стабильную внутреннюю активность. Т.к. на этой улице располагались частные дома можно предположить, что здесь верующие посещали общие собрания, а не молились с семьей дома. На улице **Кольцевой** была самая многочисленная группа, состоящая из 56 человек. Достаточно высокий процент «одиночек» при среднем коэффициенте домохозяек и иждивенцев определял неплохую внутреннюю активность. Проживание здесь самого пастора и большей части его помощников (4 из 6) предполагало также высокую внешнюю активность. Эта группа выполняла координирующие функции. Застройка частными домами определила и для этой

группы территориальный тип системообразующей связи. Все микрогруппы поддерживали между собой связи, как на уровне контактов неформальных лидеров с Радовским, так и на уровне бытового общения верующих друг с другом. Радовский выполнял свои функции в большой общине только при проведении конфирмации или крещения.

*Таблица 1.
Коэффициенты по лютеранам г. Юрги*

Улицы	1 чел.		2 чел.		3 и более чел.		Д/х и ижд.	
	Абс.	Отн.	Абс.	Отн.	Абс.	Отн.	Абс.	Отн.
Кольцевая	10	41,6	4	16,7	10	41,7	30	53,6
Логовая	5	29,4	5	29,4	7	41,2	26	63,4
Строительная	5	45,5	2	18,2	4	36,3	16	51,6
Ленинградская	6	31,5	6	31,5	7	37,0	30	71,4
Заводская	5	38,5	5	38,5	3	23,0	15	51,7
Чехова	4	30,8	5	38,5	4	30,7	12	48,0
Шоссейная	4	30,8	8	61,1	1	7,6	14	61,0
Сибирская	6	50,0	3	25,0	3	25,0	16	72,7

Принципиально иную систему представляла из себя группа меннонитов. В общине было 115 человек. Женщины составляли 78,2%. Пастором являлся Ведель Иван Иванович, 1930 г.р., проживающий на улице Бурлачиха 241. Богослужбные собрания проходили 4 раза в неделю: в среду с 19 до 23 часов, в субботу с 18 до 22 часов и в воскресенье с 10 до 14 часов и с 18 до 22 часов. Собирались верующие в специально сделанной пристройке в доме одного из рядовых членов общины, по адресу улица Логовая 39 (ГАКО ф. Р-964, оп.1, д. 41, л. 17). Исходя из этого факта можно было предполагать, что собрания в выходные дни проводились для работающих и не имевших возможности в будние дни посещать их. Собрания в будни посещали домохозяйки и иждивенцы. Т.е. община делилась на микрогруппы, но в отличие от лютеран, здесь действовал не «уличный» принцип, а принцип занятости. Каждая из этих микрогрупп имела свою половозрастную и социальную структуры, определяющие специфику их функционирования. Т.к. собрания происходили в одном месте, то можно предположить об отсутствии в микрогруппах неформальных лидеров. В отличие от общины лютеран, у меннонитов была одна системообразующая связь, основанная на авторитете пастора Ведыля. Активное взаимодействие между лютеранами и меннонитами происходило на улицах Кольцевой (19 человек), Логовой (24 человека) и Сибирской (16 человек) т.к. на остальных улицах проживало в основном 1-5 человек. Детерминировались эти взаимодействия проживанием на одной территории, принадлежностью к одной этнической группе и конфессиональным сходством (меннониты Юрги относились к «братским меннонитам», заимствовавшим в свое время ряд догматических элементов у лютеран).

Таким образом, подводя итоги можно отметить, что общины лютеран и меннонитов представляли из себя абсолютно различные системы. Община лютеран была более устойчивой, что обуславливалось структурой последней, состоящей из ряда микрогрупп, каждая из которых имела свои системообразующие связи, своих лидеров, свои места проведения богослужбных собраний и разную функциональную направленность элементов. Кроме того, отсутствие единого богослужбного здания, обусловило сложность выявле-

ния и «разложения» микрогрупп. Община меннонитов, в силу наличия только одной системообразующей связи и отсутствием последних в микрогруппах, а также из-за наличия только одного места для богослужбных собраний, была менее устойчива. Последнее подтверждается тем, что результатом проведенных «профилактических» мероприятий, выразившихся в аресте и высылке пастора Веделя за пределы области, явился распад общины меннонитов.

Научный руководитель – д.и.н. А.Н. Садовой.

М. Овчарова, П Проскуряков

(Барнаул, Барнаульский государственный педагогический университет)

Состояние традиционной культуры мордвы в районах локального расселения в Алтайском крае

В связи с массовым притоком переселенцев на рубеже XIX-XX вв. на Алтае образовалось много районов с мордовскими селами. Одним из них является район расселения мордвы вдоль нижнего и среднего течения реки Чумыш в границах современных Тальменского (с. Митюшово, Инюшово и исчезнувшее село Межгорное), Залесово (с. Думчево, Борисово, Большой Калтай, Пещерка), Заринского района (с. Ново-Красилово, Ново-Зыряновка). В ходе этнографических экспедиций под рук. к.и.н. Т.К.Щегловой в 1996, 1997, 1998 гг. на их территории были проведены обследования по программе «История и культура мордвы Причумышья».

Население с. Борисово состоит из мордва-эрзя, с. Большой Калтай – мордвы-мокша. Первые говорят до сих пор на эрзянском, вторые на мокшанском языках волжской подгруппы финно-угорской группы уральской языковой семьи. Наиболее этнически однородными является население с. Борисово. Село располагается недалеко от тайги, через него протекает река Татарка. По названию реки раньше и называлось село. Застройка с. Борисово относится к уличному типу (6 улиц и 1 улица за рекой), дома были расположены по обе стороны дороги и обращены фасадами к друг другу. Основным строительным материалом была сосна и пихта. Традиционным жилищем мордвы являются трехраздельные дома, состоящие из жилой избы, сеней и горницы. В последствии еще подстраивалась одна комната. Горница ранее служила местом хранения утвари и мелких хозяйственных вещей, а сейчас используется как жилая комната. В селе имеются и старые двухраздельные дома, состоящие из жилой избы и сеней. Традиционные дома чаще всего поставлены перпендикулярно к улице (горница находится через сени за избой). Как правило, дома ставились без фундамента на деревянные чурки под углами дома. Дома преимущественно невысокие. Число венцов в срубе доходило до 17. Сруб конопатили мхом, паклей. В некоторых домах пазы внутри и снаружи промазаны глиной. Дома в основном рублены «в лапу» и покрыты шифером, редко – тесом.

Для внутреннего убранства характерна постройка русской («духовой») печи в одном из углов при входе, а красный угол располагается по диагонали от нее напротив двери. В старых избах встречаются полати, которые служат только для хранения хозяйственных вещей. Во многих домах вдоль стен идут широкие лавки, а над ними прибиты полки. Рядом с печью, как правило, находится шкаф для хранения посуды и продуктов. В новых жилищах от старых традиций осталось использование русской печи. Однако в том же помещении имеется вторая небольшая кирпичная печь для дополнительного обогрева зимой.

Усадьба условно делится на три части. Одна из них занята домом, вторая – двором и третья – огородом и садом. Но традиционная застройка двора, когда хоз.двор пристраивался непосредственно к дому, сменилась – открытым двором со стоящими на нем в разных местах сараями, погребом и баней. В некоторых дворах сохранились бани «по черному».

Во внешнем убранстве жилища преобладает резьба на фронтонах и наличниках окон. Преобладает накладная резьба с растительными мотивами, встречаются стилизованные изображения животных и птиц.

При изучении обрядовой культуры было отмечено несколько особенностей мордовской свадьбы. Большую роль в подготовке невесты к свадьбе играли подружки. Приходили они для помощи за три дня до свадьбы. Накануне свадьбы невесту водили в баню. Жених и невеста в это день не встречались. В бане, как говорили в простонародье, над невестой «издевались»: зимой ее в бани закидывали снегом, летом обливали холодной водой. Принимали в этом участие подружки невесты, они же и готовили баню. У невесты могли украсть веник, который она должна была выкупить. Веник перематывали лентой и прятали от невесты. Если украл парень, то она ему давала рубль, если же девка, то она ей давала ленту или еще что-либо. В баню невесту провожали с песнями, эти песни были про невесту о том, что ей нужно хорошо помыться так как она «смывает девичью жизнь». Косу, когда невеста уходила в баню, расплетали и заплетали, когда возвращалась из бани. А если девушка была сиротой или у нее был кто-то один из родителей, то косу заплетали до половины, другую половину оставляли распущенной, чтобы было видно кто невеста. Подруги ей готовили воду, шутили, мыли невесту. И потом оставались у невесты на всю ночь, пели песни, делали венки из цветов. Приданое у невесты забирали за день до свадьбы (скатерти, постельное белье). Переносом приданого занимались ребята, девчата. Проходило это все весело с песнями под гармошку. В доме жениха их встречали, приглашали за стол. Ради шутки они могли украсть за столом ложку или даже не одну и отнести потом ее невесте, говорили – сколько ложек украдут, столько и детей будет. Но хозяева, узнав об этом, могли во время торжества уже за праздничным столом положить шутникам одну ложку на двоих.

На самой свадьбе невеста из своего приданого дарила свекру и свекрови по рубахе, какому-нибудь гостю метр – два материала, а жених за все за это платил. За один день до свадьбы проводили и такой обряд, который назывался «каша», т.е. мать невесты приглашала на кашу. Каждый приглашенный приходил в гости с «чугункой», наполненной кашей или кастрюлей. В центре этой емкости была какая-нибудь посуда с маслом, чтобы смазывать кашу.

На свадьбе невеста была одета в платье, которое было вышито на воротничке, на манжетах, но могло и не вышиваться. Вообще раньше, со слов Рябовой Александры Ивановны, вышитую одежду носили только богатые люди. Вышивали как правило белые, синие и черные рубахи каким – либо растительным орнаментом с листиками, цветочками. Если у невесты не было платья, то одевали юбку с кофтой. Фаты не было. Из украшений были: на ушах сережки, на груди – бусы. Свидетельница была одета, почти также как невеста, но у нее на груди поперек была лента. До замужества девушки ходили с непокрытой головой, просто заплетали косы. Отсутствие платка на голове у девушки говорило о том, что она не замужем. Существовал специальный обряд повязывания платка невесте на свадьбе. Из-за стола невесту уводили в отдельную комнату. В обряде повязывания платка невесте участвовали в это 4-5 женщин только со стороны жениха и кто-нибудь из приглашенных. По традиции невеста должна была несколько раз сбросить с себя платок, что символизировало ее нежелание принимать тяжелую женскую долю. Если же невеста сбрасывала платок больше чем 3 раза, то приглашали жениха и тогда окончательно повязывали платок и выходили к гостям. Во время повязывания пели песню на родном языке. Под платок косу делили на две части и заплетали две косы, в то время как в девках носили одну косу. Разделение косы было символом того, что у девушки отнимали «девичью волю». Завязывали платок на затылке, а сверху одевали «обруч» из веревки. Платок невеста выбирала сама, как правило, он был красный.

Благословляли молодых иконой, дома. Когда благословляли жениха, то на иконе должен был быть изображен образ мужчины, а когда благословляли невесту – образ Богомате-

ри с ребенком на руках. Икону, которой благословляли невесту, потом передавали свекру так как это считалось залогом семейного счастья и ее нужно было беречь.

Также в первый день ездили за родителями невесты, так как они с невестой не приезжали, потом еще раз, приглашали родню со стороны невесты. Постель молодым стелила сваха, а помогали ей родственники жениха. Под постель могли положить дрова или еще какую-нибудь грубую вещь для того, чтобы жизнь маслом не казалась. Первое время молодые жили у родителей мужа. Потом могли отделиться или могли остаться.

Гуляли как правило три дня, на второй и третий день участвовали гости и родители со стороны жениха, а невесты не принимали никакого активного участия. Гулянья могли продолжаться и больше, если позволяли средства.

При изучении традиционных поверий было отмечено высокая сохранность языческих суеверий и мифологии. К ним относятся поверья в колдунов, различавшихся своим колдовством. Так, Кочеткова Е.Ф., рассказала, что их называли ведуны, которые «воровали» детей, т.е. после их колдовства дети умирали. Или во время родов колдун наколдовывал смерть роженицы. Так же они колдовали «на молодых» на свадьбе. По словам Ненечкиной Н.Ф. (ранее известная в с. Борисово бабка-повитуха), колдунами были с виду обычные люди, но когда они начинали колдовать их душа превращалась в какую-либо птицу и улетала, а тело оставалось на месте. Если это было в темное время суток то, при этом был заметен синий дым и искры. Попадали в дом и вылетали из дома они через трубу. Колдунами могли быть как мужчины, так и женщины, но все же чаще это были женщины. Колдуны могли передать свое умение колдовства по наследству, например, бабка внучке или детям, могли передать и взрослым, но это было редко. Если колдунья не передаст свое колдовство, то ей будет тяжело умирать, будет умирать в муках. Кочеткова Е.Ф. рассказала даже о том, что когда однажды хоронили женщину, известную в селе как колдунью, и уже опускали гроб в могилу, то гроб сорвался с веревок и она упала головой вниз. Это со слов информатора было ей карой за ее деяния. Защищались от колдунов силами молитв, нужно было три раза перекрестить двери и окна при этом говоря «Во имя отца и сына и Святого Духа». Чтобы защитить ребенка от ведунов нужно было его сразу после рождения крестить, иначе родители обрекали ребенка на смерть или на болезни.

Верява, по мнению Рябовой А.И. – это мать леса. И когда человек рубил дерево или брали воду, то он обязательно просил у Верявы помощи или разрешения. Как выглядит Верява никто не знает. Кочеткова Е.Ф. рассказала о том, что Верява это отец леса и его однажды видела одна девочка, когда собирала грибы в лесу. Он был одет в белые одежды и зазывал ее с собой в лес.

Домовой, это существо без которого не обходится ни один дом, ни одна семья. Рябова А.И. говорит, что он может предупредить о надвигающейся угрозе хозяев дома. Его описывают в виде белого приведения, зайчика или кошки.

Обереги на суде. Шли на суд и в карман клали свинячий пятак. Можно было защититься и молитвой. Или же когда идешь на суд и уже почти пришел, наступив на первую ступеньку, нужно сказать «Кто мою слюнку проглотит, тот и меня судит».

Таким образом, до настоящего времени в местах компактного проживания мордвы на территории Алтайского края в значительной степени сохранились ее этнокультурные традиции, в том числе языческая мифология.

Научный руководитель – к.и.н. Т.К. Щеглова.